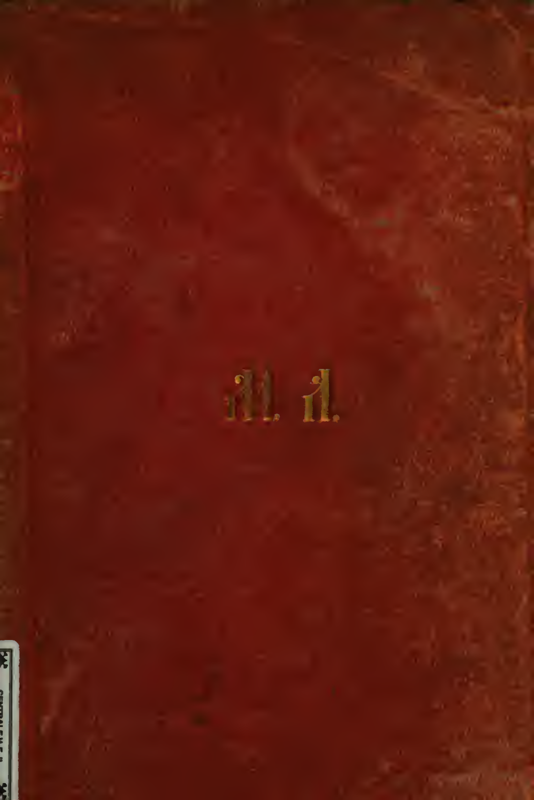
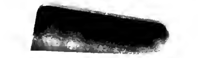
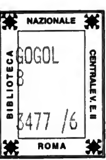

M. A.

NAZIONALE
BIBLIOTECA
CENTRALE V. E. II
ROMA
GOGOL
B
3477 /6

ВОЙНА и МИРЪ.

ВОЙНА и МИРЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Графа Л. Н. Толстаго.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Т. РИСЪ, У МЯСНИЦКИХЪ ВОРОТЪ, ДОМЪ ВОЕЙКОВА.
1869.

ЧАСТЬ I.

I.

Бородинское сраженіе съ послѣдовавшими за нимъ занятіемъ Москвы и бѣгствомъ Французовъ, безъ новыхъ сраженій, есть одно изъ самыхъ поучительныхъ явленій исторіи.

Всѣ историки согласны въ томъ, что внѣшняя дѣятельность государствъ и народовъ, въ ихъ столкновеніяхъ между собой, выражается войнами; что непосредственно, вслѣдствіе большихъ или меньшихъ успѣховъ военныхъ, увеличивается или уменьшается политическая сила государствъ и народовъ.

Какъ ни странны историческія описанія того, какъ какой нибудь Король или Императоръ, поссорившись съ другимъ Императоромъ или Королемъ, собралъ войско, сразился съ войскомъ врага, одержалъ побѣду, убилъ три, пять, десять тысячъ человѣкъ, и, вслѣдствіе того, покорилъ государство и цѣлый народъ въ нѣсколько милліоновъ; какъ ни не понятно почему пораженіе одной арміи, одной сотой всѣхъ силъ народа, заставило покориться народъ, — всѣ факты исторіи (на сколько она намъ извѣстна) подтверждаютъ справедливость того, что большіе или меньшіе успѣхи войска одного народа, противъ войска другаго народа, суть причины или, по крайней мѣрѣ, существенные признаки увеличенія или уменьшенія силы народовъ. Войско одержало побѣду, и тотчасъ же увеличились права побѣдившаго на-

рода въ ущербъ побѣжденному. Войско понесло пораженіе, и тотчасъ же по степени пораженія народъ лишается правъ, а при совершенномъ пораженіи своего войска, совершенно покоряется.

Такъ было (по исторіи) съ древнѣйшихъ временъ и до настоящаго времени. Всѣ войны Наполеона служатъ подтвержденіемъ этого правила. По степени пораженія австрійскихъ войскъ Австрія лишается своихъ правъ и увеличиваются права и силы Франціи. Побѣда Французовъ подъ Іеной и Ауерштетомъ уничтожаетъ самостоятельное существованіе Пруссіи.

Но вдругъ въ 1812-мъ году Французами одержана побѣда подъ Москвой, Москва взята и вслѣдъ за тѣмъ безъ новыхъ сраженій не Россія перестала существовать, а перестала существовать 600 тысячная армія, потомъ наполеоновская Франція. Натянуть факты на правила исторіи, сказать, что поле сраженія въ Бородинѣ осталось за Русскими; что послѣ Москвы были сраженія, уничтожившія армію Наполеона,—невозможно.

Послѣ Бородинской побѣды Французовъ, не было ни одного не только генеральнаго, но сколько нибудь значительнаго сраженія, и французская армія перестала существовать. Что это значитъ? Ежели бы это былъ примѣръ изъ исторіи Китая, мы бы могли сказать,что это явленіе не историческое, (лазейка историковъ, когда что не подходитъ подъ ихъ мѣрку); ежели бы дѣло касалось столкновенія непродолжительнаго, въ которомъ участвовали бы малыя количества войскъ, мы бы могли принять это явленіе за исключеніе; но событіе это совершилось на глазахъ нашихъ отцевъ, для которыхъ рѣшался вопросъ жизни и смерти отечества, и война эта была величайшая изъ всѣхъ извѣстныхъ войнъ....

Періодъ Кампаніи 1812 года отъ Бородинскаго сраженія до изгнанія Французовъ доказалъ, что выигранное сра-

женіе не только не есть причина завоеванія, но даже и не постоянный признакъ завоеванія;—доказалъ, что сила, рѣшающая участь народовъ, лежитъ не въ завоевателяхъ, даже не въ арміяхъ и сраженіяхъ, а въ чемъ-то другомъ.

Французскіе историки, описывая положеніе французскаго войска передъ выходомъ изъ Москвы, утверждаютъ, что все въ Великой арміи было въ порядкѣ, исключая кавалеріи, артиллеріи и обозовъ, да не было фуража для корма лошадей и рогатаго скота. Этому бѣдствію не могло помочь ничто, потому что окрестные мужики жгли свое сѣно и не давали Французамъ.

Выиграпное сраженіе не принесло обычныхъ результатовъ, потому что мужики Карпъ и Власъ, которые послѣ выступленія Французовъ пріѣхали въ Москву съ подводами грабить городъ, и вообще не выказывали лично геройскихъ чувствъ, и все безчисленное количество такихъ мужиковъ не везли сѣна въ Москву за хорошія деньги, которыя имъ предлагали, а жгли его.

Представимъ себѣ двухъ людей, вышедшихъ на поединокъ со шпагами по всѣмъ правиламъ фехтовальнаго искусства: фехтованіе продолжалось довольно долгое время; вдругъ, одинъ изъ противниковъ, почувствовавъ себя раненымъ— понявъ, что дѣло это не шутка, а касается его жизни, бросилъ шпагу и, взявъ первую попавшуюся дубину, началъ ворочать ею. Но представимъ себѣ, что противникъ, такъ разумно употребившій лучшее и простѣйшее средство для достиженія цѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ воодушевленный преданіями рыцарства, захотѣлъ бы скрыть сущность дѣла и настаивалъ бы на томъ, что онъ по всѣмъ правиламъ искусства побѣдилъ на шпагахъ. Можно себѣ представить какая путаница и неясность произошла бы отъ такого описанія происшедшаго поединка!

Фехтовальщикъ, требовавшій борьбы по правиламъ искусства, были Французы; его противникъ, бросившій шпагу и поднявшій дубину, были Русскіе; люди, старающіеся объяснить все по правиламъ фехтованія, — историки, которые писали объ этомъ событіи.

Со времени пожара Смоленска началась война, не подходящая ни подъ какія прежнія преданія войнъ. Сожженіе городовъ и деревень, отступленіе послѣ сраженій, ударъ Бородина и опять отступленіе, пожаръ Москвы, ловля мародеровъ, перенмка транспортовъ, партизанская война, все это были отступленія отъ правилъ.

Наполеонъ чувствовалъ это и съ самаго того времени, когда онъ въ правильной позѣ фехтованія остановился въ Москвѣ и вмѣсто шпаги противника, увидалъ поднятую надъ собой дубину, онъ не переставалъ жаловаться Кутузову и Императору Александру на то, что война велась противно всѣмъ правиламъ (какъ будто существуютъ какія-то правила для того, чтобы убивать людей). Несмотря на жалобы Французовъ о неисполненіи правилъ, несмотря на то, что Русскимъ, высшимъ по положенію людямъ казалось почему-то стыднымъ драться дубиной, а хотѣлось по всѣмъ правиламъ стать въ позицію en quarte или en tierce, сдѣлать искусное выпаденіе въ prime и т. д., — дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ни чьихъ вкусовъ и правилъ, съ глупой простотой, но съ цѣлесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила Французовъ до тѣхъ поръ, пока не погибло все нашествіе.

И благо тому народу, который не какъ Французы въ 1813 году, отсалютовавъ по всѣмъ правиламъ искусства и перевернувъ шпагу эфесомъ, граціозно и учтиво передаютъ ее великодушному побѣдителю, а благо тому народу, который въ минуту испытанія, не спрашивая о томъ, какъ по правиламъ поступали другіе въ подобныхъ случаяхъ, съ просто-

тою и легкостью поднимаетъ первую попавшуюся дубину и гвоздитъ ею до тѣхъ поръ, пока въ душѣ его чувство оскорбленія и мести не замѣняется презрѣніемъ и жалостью.

II.

Однимъ изъ самыхъ осязательныхъ и выгодныхъ отступленій отъ такъ называемыхъ правилъ войны есть дѣйствіе разрозненныхъ людей противъ людей жмущихся въ кучу. Такого рода дѣйствія всегда проявляются въ войнѣ, принимающей народный характеръ. Дѣйствія эти состоятъ въ томъ, что, вмѣсто того, чтобы становиться толпой противъ толпы, люди расходятся врозь, нападаютъ по одиночкѣ, и тотчасъ же бѣгутъ, когда на нихъ нападаютъ большими силами, а потомъ опять нападаютъ, когда представляется случай. Это дѣлали гверильясы въ Испаніи; это дѣлали Горцы на Кавказѣ; это дѣлали русскіе въ 1812-мъ году.

Войну такого рода назвали партизанскою и полагали, что, назвавъ ее такъ, объяснили ея значеніе. Между тѣмъ, такого рода война нетолько не подходитъ ни подъ какія правила, но прямо противуположна извѣстному и, признанному за непогрѣшимое, тактическому правилу. Правило это говоритъ, что атакующій долженъ сосредоточивать свои войска съ тѣмъ, чтобы въ моментъ боя быть сильнѣе противника.

Партизанская война (всегда успѣшная какъ показываетъ исторія) прямо противуположна этому правилу.

Противурѣчіе это происходитъ отъ того, что военная наука принимаетъ силу войскъ тождественною съ ихъ числительностію. Военная наука говоритъ, что чѣмъ больше войска, тѣмъ больше силы. Les gros bataillons ont toujours raison.

Говоря это, военная наука подобна той механикѣ, которая, основываясь на разсмотрѣніи силъ только по отношенію къ ихъ массамъ, сказала бы, что силы равны или не

равны между собою потому, что равны или не равны ихъ массы.

Сила, (количество движенія) есть произведеніе изъ массы на скорость.

Въ военномъ дѣлѣ сила войскъ есть также произведеніе изъ массы на что-то такое, на какое-то неизвѣстное х.

Военная наука, видя въ исторіи безчисленное количество примѣровъ того, что масса войскъ не совпадаетъ съ силой, что малые отряды побѣждаютъ большіе, смутно признаетъ существованіе этого неизвѣстнаго множителя и старается отыскать его, то въ геометрическомъ построеніи, то въ вооруженіи, то, самое обыкновенное,—въ геніальности полководцевъ. Но подстановленіе всѣхъ этихъ значеній множителя не доставляетъ результатовъ, согласныхъ съ историческими фактами.

А между тѣмъ стоитъ только отрѣшиться отъ установившагося, въ угоду героямъ, ложнаго взгляда на дѣйствительность распоряженій высшихъ властей во время войны для того, чтобы отыскать этотъ неизвѣстный х.

Х этотъ есть духъ войска т. е. большее или меньшее желаніе драться и подвергать себя опасностямъ всѣхъ людей, составляющихъ войско, совершенно независимо отъ того дерутся ли люди подъ командой геніевъ или не геніевъ, въ трехъ или двухъ линіяхъ, дубинами или ружьями стрѣляющими 30 разъ въ минуту. Люди, имѣющіе наибольшее желаніе драться, всегда поставятъ себя и въ наивыгоднѣйшія условія для драки.

Духъ войска—есть множитель на массу, дающій произведеніе силы. Опредѣлить и выразить значеніе духа войска, этого неизвѣстнаго множителя, есть задача науки.

Задача эта возможна только тогда, когда мы перестанемъ произвольно подставлять, вмѣсто значенія всего неизвѣстнаго Х, тѣ условія, при которыхъ проявляется сила, какъ то: распоряженія полководца, вооруженіе и т. д., принимая

ихъ за значеніе множителя, а признаемъ это неизвѣстное во всей его цѣльности, т. е. какъ большее или меньшее желаніе драться и подвергать себя опасности. Тогда только выражая уравненіями извѣстные историческіе факты изъ сравненія относительнаго значенія этого неизвѣстнаго, можно надѣяться на опредѣленіе самого неизвѣстнаго.

Десять человѣкъ, батальоновъ или дивизій, сражаясь съ пятнадцатью человѣками, батальонами или дивизіями, побѣдили пятнадцать, т. е. убили и забрали въ плѣнъ всѣхъ безъ остатка и сами потеряли четыре, стало быть уничтожились съ одной стороны четыре, съ другой стороны пятнадцать. Слѣдовательно четыре были равны пятнадцати, и слѣдовательно $4X=15$ y. Слѣдовательно $x: y=15: 4$. Уравненіе это не даетъ значенія неизвѣстнаго, но оно даетъ отношеніе между двумя неизвѣстными. И изъ подведенія подъ таковыя уравненія историческихъ различно взятыхъ единицъ (сраженій, кампаній, періодовъ войнъ) получатся ряды чиселъ, въ которыхъ должны существовать и могутъ быть открыты законы.

Тактическое правило о томъ, что надо дѣйствовать массами при наступленіи и разрозненно при отступленіи, безсознательно подтверждаетъ только ту истину, что сила войска зависитъ отъ его духа. Для того, чтобы вести людей подъ ядра, нужно больше дисциплины, достигаемой только движеніемъ въ массахъ, чѣмъ для того, чтобы отбиваться отъ нападающихъ. Но правило это, при которомъ упускается изъ виду духъ войска, безпрестанно оказывается невѣрнымъ и въ особенности поразительно противорѣчитъ дѣйствительности тамъ, гдѣ является сильный подъемъ или упадокъ духа войска—во всѣхъ народныхъ войнахъ.

Французы, отступая въ 1812-мъ году, хотя и должны бы защищаться отдѣльно по тактикѣ, жмутся въ кучу, потому что духъ войска упалъ такъ, что только масса сдерживаетъ войско вмѣстѣ. Русскіе, напротивъ, по атакти-

къ должны бы были нападать массой, на дѣлѣ же раздробляются, потому что духъ поднятъ такъ, что отдѣльныя лица бьютъ безъ приказанія Французовъ и не нуждаются въ принужденіи для того, чтобы подвергать себя трудамъ и опасностямъ.

III.

Такъ называемая партизанская война началась со вступленія неприятеля въ Смоленскъ.

Прежде, чѣмъ партизанская война была оффиціально принята нашимъ правительствомъ, уже тысячи людей непріятельской арміи—отсталые мародеры, фуражиры—были истреблены казаками и мужиками, побивавшими этихъ людей такъ же безсознательно, какъ безсознательно собаки загрызаютъ забѣглую бѣшенную собаку. Денисъ Давыдовъ своимъ русскимъ чутьемъ первый понялъ значеніе той страшной дубины, которая, неспрашивая правилъ военнаго искусства, уничтожала Французовъ и ему принадлежитъ слава перваго шага для узаконенія этого пріема войны.

24-го числа августа былъ учрежденъ первый партизанскій отрядъ Давыдова и, вслѣдъ за его отрядомъ, стали учреждаться другіе. Чѣмъ дальше подвигалась кампанія, тѣмъ болѣе увеличивалось число этихъ отрядовъ.

Партизаны уничтожали великую армію по частямъ. Они подбирали тѣ отпадавшіе листья, которые сами собою сыпались съ изсохшаго дерева — французскаго войска, и иногда трясли это дерево. Въ Октябрѣ, въ то время какъ Французы бѣжали къ Смоленску, этихъ партій различныхъ величинъ и характеровъ были сотни. Были партіи, перенимавшія всѣ пріемы арміи, съ пѣхотой, артиллеріей штабами, съ удобствами жизни; были однѣ казачьи, кавалерійскія; были мелкія, сборныя, пѣшія и конныя, были мужицкія и помѣщичьи, никому неизвѣстныя. Былъ дьячокъ

начальникомъ партіи, взявшій въ мѣсяцъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Была старостиха Василиса побившая сотни Французовъ.

Послѣднія числа Октября было время самаго разгара партизанской войны. Тотъ первый періодъ этой войны, во время которой партизаны сами удивляясь своей дерзости, боялись всякую минуту быть пойманными и окруженными Французами, и не разсѣдлывая и почти не слѣзая съ лошадей, прятались по лѣсамъ, ожидая всякую минуту погони,—уже прошелъ. Теперь уже война эта опредѣлилась, всѣмъ стало ясно, что можно было предпринять съ Французами, и чего нельзя было предпринимать. Теперь уже только тѣ начальники отрядовъ, которые съ штабами, по правиламъ, ходили вдали отъ Французовъ считали еще многое невозможнымъ. Мелкіе же партизаны, давно уже начавшіе свое дѣло и близко высматривавшіе Французовъ, считали возможнымъ то, о чемъ не смѣли и думать начальники большихъ отрядовъ. Казаки же и мужики, лазившіе между Французами, считали, что теперь уже все было возможно.

22-го Октября Денисовъ, бывшій однимъ изъ партизановъ, находился съ своей партіей въ самомъ разгарѣ партизанской страсти. Съ утра онъ съ своей партіей былъ на ходу. Онъ цѣлый день по лѣсамъ, примыкавшимъ къ большой дорогѣ, слѣдилъ за большимъ французскимъ транспортомъ кавалерійскихъ вещей и русскихъ плѣнныхъ, отдѣлившимся отъ другихъ войскъ и подъ сильнымъ прикрытіемъ, какъ это было извѣстно отъ лазутчиковъ и плѣнныхъ, направлявшимся къ Смоленску. Про этотъ транспортъ было извѣстно нетолько Денисову и Долохову (тоже партизану съ небольшой партіей), ходившему близко отъ Денисова, но и начальникамъ большихъ отрядовъ съ штабами; всѣ знали про этотъ транспортъ и, какъ говорилъ Денисовъ, точили на него зубы.—Двое изъ этихъ большихъ отрядныхъ начальниковъ—одинъ Полякъ, другой Нѣмецъ—почти въ одно и

тоже время прислали Денисову приглашеніе присоединиться, каждый къ своему отряду, съ тѣмъ, чтобы напасть на транспортъ.

— Нѣтъ бг'атъ, я самъ съ усамъ, сказалъ Денисовъ, прочти эти бумаги и написалъ Нѣмцу, что, не смотря на душевное желаніе, которое онъ имѣлъ служить подъ начальствомъ столь доблестнаго и знаменитаго генерала, онъ долженъ лишить себя этого счастья, потому что уже поступилъ подъ начальство генерала Поляка. Генералу же Поляку онъ написалъ то же самое, увѣдомляя его, что онъ уже поступилъ подъ начальство Нѣмца.

Распорядившись такимъ образомъ, Денисовъ намѣревался, безъ донесенія о томъ высшимъ начальникамъ, вмѣстѣ съ Долоховымъ атаковать и взять этотъ транспортъ своими небольшими силами. Транспортъ шелъ 22 октября отъ деревни Микулиной къ деревнѣ Шамшевой. Съ лѣвой стороны дороги отъ Микулина къ Шамшеву шли большіе лѣса, мѣстами подходившіе къ самой дорогѣ, мѣстами отдалявшіеся отъ дороги на версту и больше. По этимъ то лѣсамъ, цѣлый день, то углубляясь въ середину ихъ, то выѣзжая на опушку, ѣхалъ съ партіей Денисовъ, не выпуская изъ виду двигавшихся Французовъ. Съ утра недалеко отъ Микулина, тамъ гдѣ лѣсъ близко подходилъ къ дорогѣ, казаки изъ партіи Денисова захватили двѣ, ставшія въ грязи французскія фуры съ кавалерійскими сѣдлами и увезли ихъ въ лѣсъ. Съ тѣхъ поръ и до самаго вечера партія, не нападая, слѣдила за движеніемъ Французовъ. Надо было, не испугавъ ихъ, дать спокойно дойти до Шамшева и тогда, соединившись съ Долоховымъ, который долженъ былъ къ вечеру пріѣхать на совѣщаніе къ караулкѣ, въ лѣсу (въ верстѣ отъ Шамшева), на разсвѣтѣ пасть съ двухъ сторонъ какъ снѣгъ на голову и побить и забрать всѣхъ разомъ.

Позади, въ двухъ верстахъ отъ Микулина, тамъ гдѣ лѣсъ подходилъ къ самой дорогѣ, было оставлено шесть каза-

ковъ, которые должны были донести сейчасъ же какъ только покажутся новыя колонны Французовъ.

Впереди Шамшева точно также Долоховъ долженъ былъ изслѣдовать дорогу, чтобы знать на какомъ разстояніи есть еще другія французскія войска. При транспортѣ предполагалось 1500 человѣкъ. У Денисова было 200 человѣкъ, у Долохова могло быть столько же. Но превосходство числа не останавливало Денисова. Одно только, что еще нужно было знать ему, это то, какія именно были эти войска; и для этой цѣли Денисову нужно было взять *языка*, (т. е. человѣка изъ непріятельской колонны). Въ утреннее нападеніе на фуры, дѣло сдѣлалось съ такою поспѣшностью, что бывшихъ при фурахъ Французовъ всѣхъ перебили и захватили живымъ только мальчишку барабанщика, который былъ отсталой и ничего не могъ сказать положительно о томъ, какія были войска въ колоннѣ.

Нападать другой разъ Денисовъ считалъ опаснымъ, чтобы не встревожить всю колонну и потому онъ послалъ впередъ въ Шамшево бывшаго при его партіи мужика Тихона Щербатова захватить, ежели можно, хоть одного изъ бывшихъ тамъ французскихъ передовыхъ квартиргеровъ.

IV.

Былъ осенній теплый дождливый день. Небо и горизонтъ были одного и того же цвѣта мутной воды. То падалъ какъ будто туманъ, то вдругъ припускалъ косой крупный дождь.

На породистой, худой, съ подтянутыми боками лошади, въ буркѣ и папахѣ, съ которыхъ струилась вода, ѣхалъ Денисовъ. Онъ, такъ же какъ и его лошадь, косившая голову и поджимавшая уши, морщился отъ косаго дождя и озабоченно присматривался впередъ. Исхудавшее и обросшее густой, короткой, черной бородой лицо его казалось сердито.

Рядомъ съ Денисовымъ, также въ буркѣ и папахѣ, на сытомъ, крупномъ донцѣ ѣхалъ казачій эсаулъ—сотрудникъ Денисова.

Эсаулъ Ловайскій—третій, также въ буркѣ и папахѣ, былъ длинный, плоскій какъ доска, бѣлолицый, бѣлокурый человѣкъ съ узкими, свѣтлыми глазками и спокойно самодовольнымъ выраженіемъ и въ лицѣ и въ посадкѣ. Хотя и нельзя было сказать въ чемъ состояла особенность лошади и сѣдока, но при первомъ взглядѣ на эсаула и Денисова видно было, что Денисову и мокро и неловко, — что Денисовъ человѣкъ, который сѣлъ на лошадь; тогда какъ, глядя на эсаула, видно было, что ему также удобно и покойно какъ и всегда, и что онъ не человѣкъ, который сѣлъ на лошадь, а человѣкъ вмѣстѣ съ лошадью одно, увеличенное двойною силою существо.

Немного впереди ихъ шелъ насквозь промокшій мужичокъ проводникъ, въ сѣромъ кафтанѣ и бѣломъ колпакѣ.

Немного сзади, на худой, тонкой, киргизской лошаденкѣ съ огромнымъ хвостомъ и гривой и съ продранными въ кровь губами, ѣхалъ молодой офицеръ въ синей, французской шинели.

Рядомъ съ нимъ ѣхалъ гусаръ, везя за собой на крупѣ лошади, мальчика въ французскомъ оборванномъ мундирѣ и синемъ колпакѣ. Мальчикъ держался красными отъ холода руками за гусара, пошевеливалъ, стараясь согрѣть ихъ, свои босыя ноги, и, поднявъ брови, удивленно оглядывался вокругъ себя. Это былъ взятый утромъ французскій барабанщикъ.

Сзади по три, по четыре, по узкой, раскинувшей и изъѣзжанной лѣсной дорогѣ, тянулись гусары, потомъ казаки, кто въ буркѣ, кто въ французской шинели, кто въ попонѣ, накинутой на голову. Лошади, и рыжія, и гнѣдыя, всѣ казались вороными отъ струившагося съ нихъ дождя. Шеи лошадей казались странно тонкими отъ смок-

шихся гривъ. Отъ лошадей поднимался паръ. И одежды, и сѣдла, и поводья, все было мокро, склизко и раскисло, также какъ и земля и спавшіе листья, которыми была уложена дорога. Люди сидѣли нахохлившись, стараясь не шевелиться, чтобы отогрѣвать ту воду, которая пролилась до тѣла и не пропускать новую холодную, подтекавшую подъ сидѣнья, колѣни и за шеи. Въ серединѣ вытянувшихся казаковъ двѣ фуры на французскихъ и подпряженныхъ въ сѣдлахъ казачьихъ лошадяхъ громыхали по пнямъ и сучьямъ и бурчали по наполненнымъ водою колеямъ дороги.

Лошадь Денисова, обходя лужу, которая была на дорогѣ, потянулась въ сторону и толкнула его колѣнкой о дерево.

— Э, чоґтъ! злобно вскрикнулъ Денисовъ и, оскаливъ зубы, плетью раза три ударилъ лошадь, забрызгавъ себя и товарищей грязью. Денисовъ былъ не въ духѣ: и отъ дождя, и отъ голода (съ утра никто ничего не ѣлъ), и главное оттого, что отъ Долохова до сихъ поръ не было извѣстій и посланный взять языка, не возвращался.

— Едва ли выйдетъ другой такой случай какъ нынче напасть на транспортъ. Одному нападать слишкомъ рисковано, а отложить до другаго дня, — изъ подъ носа захватитъ добычу кто нибудь изъ большихъ партизановъ, думалъ Денисовъ, безпрестанно взглядывая впередъ, думая увидать ожидаемаго посланнаго отъ Долохова.

Выѣхавъ на просѣку, по которой видно было далеко направо, Денисовъ остановился.

— Ѣдетъ кто-то, сказалъ онъ.

Эсаулъ посмотрѣлъ по направленію указываемому Денисовымъ.

— Ѣдутъ двое, — Офицеръ и казакъ. Только не *предположительно* чтобы былъ самъ подполковникъ, сказалъ Эсаулъ, любившій употреблять неизвѣстныя казакамъ слова.

ѣхавшіе, спустившись подъ гору, скрылись пзъ вида и черезъ нѣсколько минутъ опять показались. Впереди усталымъ галопомъ, погоняя нагайкой, ѣхалъ офицеръ—растрепанный, насквозь промокшій и съ взбпашимися выше колѣнъ панталонами. За нимъ, стоя на стременахъ, рысилъ казакъ. Офицеръ этотъ, очень молоденькій мальчикъ, съ широкимъ, румянымъ лицомъ и быстрыми, веселыми глазами, подскакалъ къ Денисову и подалъ ему промокшій конвертъ.

— Отъ генерала, сказалъ офицеръ:—извините, что несовсѣмъ сухо...

Денисоаъ, нахмурившись, взялъ конаертъ и сталъ распечатывать.

— Вотъ говорили все, что опасно, опасно, сказалъ офицеръ, обращаясь къ эсаулу въ то время, какъ Денисовъ читалъ поданный ему конвертъ.—Впрочемъ мы съ Комаровымъ—онъ указалъ на казака—приготоаились. У пасъ по два писто.... А это чтожъ? спросилъ онъ, увидавъ французскаго барабанщика,—плѣнный? Вы уже въ сраженьи были? Можно съ нимъ поговорить?

— Гостовъ! Петя! крикнулъ въ это время Денисовъ, пробѣжааъ поданный ему конвертъ.—Да какже ты не сказалъ кто ты? и Денисовъ съ улыбкой, обернувшись, протянулъ руку офицеру.

Офицеръ этотъ былъ Петя Ростовъ.

Во всю дорогу Петя приготавливался къ тому, какъ онъ, какъ слѣдуетъ большому и офицеру, не намекая на прежнее знакомство, будетъ держать себя съ Денисовымъ. Но какъ только Денисовъ улыбнулся ему, Петя тотчасъ же просіялъ, покраснѣлъ отъ радости и забылъ приготовленную офиціальность, началъ разсказывать о томъ, какъ онъ проѣхалъ мимо французовъ и какъ онъ радъ, что ему дано такое порученіе и что онъ былъ уже въ сраженіи подъ Вязьмой и что тамъ отличился одинъ гусаръ.

— Ну, я г'адъ тебя видѣть, перебилъ его Денисовъ и лице его приняло опять озабоченное выраженіе.

— Михаилъ Ѳеоклитычъ, обратился онъ къ эсаулу. — Вѣдь это опять отъ нѣмца. Онъ пг'и нёмъ состоитъ. — И Денисовъ разсказалъ эсаулу, что содержаніе бумаги привезенной сейчасъ, состояло въ повторенномъ требованіи отъ генерала нѣмца присоединиться для нападенія на транспортъ. — Ежели мы его завтг'а не возьмемъ, онъ у насъ изъ подъ носа выг'ветъ, заключилъ онъ.

Въ то время какъ Денисовъ говорилъ съ эсауломъ, Петя, сконфуженный холоднымъ тономъ Денисова и предполагая, что причиною этого тона было положеніе его панталонъ, такъ, чтобы никто этого не замѣтилъ, подъ шинелью поправлялъ взбившіеся панталоны, стараясь имѣть видъ какъ можно воинственнѣе.

— Будетъ какое приказаніе отъ вашего высокоблагородія? сказалъ онъ Денисову, приставляя руку къ козырьку и опять возвращаясь къ игрѣ въ адъютанта и генерала, къ которой онъ приготовился,—или долженъ я оставаться при вашемъ высокоблагородіи?

— Приказанія?... задумчиво сказалъ Денисовъ. —Да ты можешь ли остаться до завтг'ашняго дня?

— Ахъ, пожалуста.... Можно мнѣ при васъ остаться? вскрикнулъ Петя.

— Да какъ тебѣ именно велѣно отъ генег'ала—сейчасъ вег'нуться? спросилъ Денисовъ.—Петя покраснѣлъ.

— Да онъ ничего не велѣлъ, я думаю можно? сказалъ онъ вопросительно.

— Ну, ладно, сказалъ Денисовъ. И обратившись къ своимъ подчиненнымъ, онъ сдѣлалъ распоряженія о томъ, чтобъ партія шла къ назначенному у караулки въ лѣсу мѣсту отдыха, и чтобы офицеръ на киргизской лошади (офицеръ этотъ исполнялъ должность адъютанта) ѣхалъ отыскивать Долохова, узнать гдѣ онъ и придетъ ли онъ вечеромъ. Самъ

же Денисовъ съ эсауломъ и Петей намѣревался подъѣхать къ опушкѣ лѣса, выходившей къ Шамшеву съ тѣмъ, чтобы взглянуть на то мѣсто расположенія Французовъ, на которое должно было быть направлено завтрашнее нападеніе.

— Ну бог'ода, обратился онъ къ мужику проводнику, веди къ Шамшеву.

Денисовъ, Петя и эсаулъ, сопутствуемые нѣсколькими казаками и гусаромъ, который везъ плѣннаго, поѣхали влѣво, черезъ оврагъ, къ опушкѣ лѣса.

V.

Дождикъ прошелъ, только падалъ туманъ и капли воды съ вѣтокъ деревьевъ. Денисовъ, эсаулъ и Петя молча ѣхали за мужикомъ въ колпакѣ, который легко и беззвучно ступая своими вывернутыми въ лаптяхъ ногами, по кореньямъ и мокрымъ листьямъ, велъ ихъ къ опушкѣ лѣса.

Выйдя на изволокъ, мужикъ пріостановился, огладѣлся и направился къ рѣдѣвшей стѣнѣ деревьевъ. У большаго дуба еще не скинувшаго листа, онъ остановился и таинственно поманилъ къ себѣ рукою.

Денисовъ и Петя подъѣхали къ нему. Съ того мѣста, на которомъ остановился мужикъ, были видны Французы. Сейчасъ за лѣсомъ шло внизъ полубугромъ яровое поле. Вправо, черезъ крутой оврагъ, виднѣлась небольшая деревушка и барскій домикъ съ развaленными крышами. Въ этой деревушкѣ и въбарскомъ домѣ, и по всему бугру въ саду, у колодцевъ и пруда и по всей дорогѣ въ гору отъ моста къ деревнѣ, не болѣе какъ въ 200-хъ саженяхъ разстоянія виднѣлись въ колеблющемся туманѣ толпы народа. Слышны были явственно ихъ не-русскіе крики на выдиравшихся въ гору лошадей въ повозкахъ и призывы другъ другу.

— Плѣннаго дайте сюда, негромко сказалъ Денисовъ, не спуская глазъ съ Французовъ.

Казакъ слѣзъ съ лошади, снялъ мальчика и вмѣстѣ съ нимъ подошелъ къ Денисову. Денисовъ, указывая на Французовъ, спрашивалъ, какія и какія это были войска. Мальчикъ, засунувъ свои озябшія руки въ карманы и поднявъ брови, испуганно смотрѣлъ на Денисова, и не смотря на видимое желаніе сказать все, что онъ зналъ, путался въ своихъ отвѣтахъ и только подтверждалъ то, что спрашивалъ Денисовъ. Денисовъ, нахмурившись, отвернулся отъ него и обратился къ эсаулу, сообщая ему свои соображенія.

Петя, быстрыми движеніями поворачивая голову, оглядывался то на барабанщика, то на Денисова, то на эсаула, то на Французовъ въ деревнѣ и на дорогѣ, стараясь не пропустить чего нибудь важнаго.

— Пг'йдетъ, не пг'йдетъ Долоховъ; надо бг'ать!... А? сказалъ Денисовъ, весело блеснувъ глазами.

— Мѣсто удобное, сказалъ эсаулъ.

— Пѣхоту низомъ пошлемъ—болотами; продолжалъ Денисовъ, они подлѣзутъ къ саду; вы заѣдете съ казаками оттуда, — Денисовъ указалъ на лѣсъ за деревней; — а я отсюда, съ своими гусаг'ами. И по выстг'ѣлу.....

— Лощиной нельзя будетъ,—трясина сказалъ эсаулъ.— Коней увязишь, надо объѣзжать полѣвѣе....

Въ то время, какъ они вполголоса говорили такимъ образомъ, внизу, въ лощинѣ отъ пруда, щелкнулъ одинъ выстрѣлъ, забѣлѣлся дымокъ, другой, и послышался дружный, какъ будто веселый крикъ сотенъ голосовъ Французовъ, бывшихъ на полугорѣ. Въ первую минуту и Денисовъ, и эсаулъ подались назадъ. Они были такъ близко, что имъ показалось, что они были причиной этихъ выстрѣловъ и криковъ. Но выстрѣлы и крики не относились къ нимъ. Низомъ, по болотамъ, бѣжалъ человѣкъ въ чемъ то красномъ. Очевидно по немъ стрѣляли и на него кричали Французы.

— Вѣдь это Тихонъ нашъ, сказалъ эсаулъ.

— Онъ! онъ и есть!

— Эка шельма, сказалъ Денисовъ.

— Уйдетъ! щуря глаза сказалъ эсаулъ.

Человѣкъ, котораго они называли Тихономъ, подбѣжавъ къ рѣчкѣ, булдыхнулся въ нее такъ, что брызги полетѣли и, скрывшись на мгновенье, весь черный отъ воды выбрался на четверинкахъ и побѣжалъ дальше. Французы, бѣжавшіе за нимъ, остановились.

— Ну ловокъ, сказалъ эсаулъ.

— Экая бестія! съ тѣмъ же выраженіемъ досады проговорилъ Денисовъ. И что онъ дѣлалъ до сихъ поръ?

— Это кто? спросилъ Петя.

— Это нашъ пластунъ. Я его посылалъ языка взять.

— Ахъ, да, сказалъ Петя съ перваго слова Денисова, кивая головой, какъ будто онъ все понялъ, хотя онъ рѣшительно не понялъ ни одного слова.

Тихонъ Щербатый былъ одинъ изъ самыхъ нужныхъ людей въ партіи. Онъ былъ мужикъ изъ Покровскаго подъ Гжатью. Когда, при началѣ своихъ дѣйствій, Денисовъ пришелъ въ Покровское и, какъ всегда, призвавъ старосту, спросилъ о томъ, что̀ имъ извѣстно про Французовъ, староста отвѣчалъ, какъ отвѣчали и всѣ старосты, какъ бы защищаясь, что они ничего знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ. Но когда Денисовъ объяснилъ имъ, что его цѣль бить Французовъ и когда онъ спросилъ, не забредали ли къ нимъ Французы, то староста сказалъ, что *міродеры* бывали точно, но что у нихъ въ деревнѣ только одинъ Тишка Щербатый занимался этими дѣлами. Денисовъ велѣлъ позвать къ себѣ Тихона и, похваливъ его за его дѣятельность, сказалъ при старостѣ нѣсколько словъ о той вѣрности Царю и Отечеству и ненависти къ Французамъ, которую должны блюсти сыны отечества.

— Мы Французамъ худаго не дѣлаемъ, сказалъ Тихонъ, видимо оробѣвъ при этихъ словахъ Денисова.—Мы только такъ, значитъ, по охотѣ баловались съ ребятами. *Міродеровъ* точно десятка два побили, а то мы худаго не дѣлали.... На другой день, когда Денисовъ совершенно забывъ про этого мужика, вышелъ изъ Покровскаго, ему доложили, что Тихонъ присталъ къ партіи и просился. чтобы его при ней оставили. Денисовъ велѣлъ оставить его.

Тихонъ, сначала исправлявшій черную работу раскладки костровъ, доставленія воды, обдиранія лошадей и т. п., скоро оказалъ большую охоту и способность къ партизанской войнѣ. Онъ по ночамъ уходилъ на добычу и всякій разъ приносилъ съ собой платье и оружіе Французское, а когда ему приказывали, то приводилъ и плѣнныхъ. Денисовъ отставилъ Тихона отъ работъ, сталъ брать его съ собою въ разъѣзды и зачислилъ въ казаки.

Тихонъ не любилъ ѣздить верхомъ и всегда ходилъ пѣшкомъ, никогда не отставая отъ кавалеріи. Оружіе его составляло мушкетонъ, который онъ носилъ больше для смѣха, пика и топоръ, которымъ онъ владѣлъ какъ волкъ владѣетъ зубами, одинаково легко выбирая ими блохъ изъ шерсти и перекусывая толстыя кости. Тихонъ одинаково вѣрно, со всего размаха, раскалывалъ топоромъ бревна и, взявъ топоръ за обухъ, выстрагивалъ имъ тонкіе колушки и вырѣзывалъ ложки. Въ партіи Денисова Тихонъ занималъ свое особенное, исключительное мѣсто. Когда надо было сдѣлать что-нибудь особенно трудное и гадкое—выворотить плечомъ въ грязи повозку, за хвостъ вытащить изъ болота лошадь, ободрать ее, залѣзть въ самую середину Французовъ, пройдти въ день по 50 верстъ,—всѣ указывали посмѣиваясь на Тихона.

— Что ему, чорту, дѣлается, меренина здоровенный, говорили про него.

Одинъ разъ Французъ, котораго бралъ Тихонъ, выстрѣ-

лилъ въ него изъ пистолета и попалъ ему въ мякоть спины. Рана эта, отъ которой Тихонъ лечился только водкой, внутренно и наружно, была предметомъ самыхъ веселыхъ шутокъ во всемъ отрядѣ, и шутокъ, которымъ охотно поддавался Тихонъ.

— Что, братъ, не будешь? Али скрючило? смѣялись ему казаки, и Тихонъ нарочно скорчившись и дѣлая рожи притворяясь, что онъ сердится, самыми смѣшными ругательствами бранилъ Французовъ. Случай этотъ имѣлъ на Тихона только то вліяніе, что послѣ своей раны онъ рѣдко приводилъ плѣнныхъ.

Тихонъ былъ самый полезный и храбрый человѣкъ въ партіи. Никто больше его не открылъ случаевъ нападенія, никто больше его не побралъ и не побилъ Французовъ; вслѣдствіе этого онъ былъ шутъ всѣхъ казаковъ, гусаровъ и самъ охотно поддавался этому чину. Теперь Тихонъ былъ посланъ Денисовымъ въ ночь еще, въ Шамшево для того, чтобы взять языка. Но или потому что онъ не удовлетворился однимъ Французомъ или потому что онъ проспалъ ночь, онъ днемъ залѣзъ въ кусты, въ самую середину Французовъ и, какъ видѣлъ съ горы Денисовъ, былъ открытъ ими.

VI.

Поговоривъ еще нѣсколько времени съ эсауломъ о завтрашнемъ нападеніи, которое теперь, глядя на близость Французовъ, Денисовъ, казалось, окончательно рѣшилъ, онъ повернулъ лошадь и поѣхалъ назадъ.

— Ну, бгатъ, тепегь поѣдемъ обсушимся, сказалъ онъ Петѣ.

Подъѣзжая къ лѣсной караулкѣ, Денисовъ остановился, вглядываясь въ лѣсъ. По лѣсу, между деревьевъ большими легкими шагами шелъ на длинныхъ ногахъ, съ длинными мотающимися руками человѣкъ въ курткѣ, лаптяхъ и ка-

занской шляпѣ съ ружьемъ черезъ плечо и топоромъ за поясомъ. Увидавъ Денисова, человѣкъ этотъ поспѣшно швырнулъ что-то въ кустъ и снявъ съ отвисшими полями мокрую шляпу подошелъ къ начальнику. Это былъ Тихонъ. Изрытое оспой и морщинами лицо его съ маленькими узкими глазами сіяло самодовольнымъ весельемъ. Онъ высоко поднялъ голову и, какъ будто удерживаясь отъ смѣха, уставился на Денисова.

— Ну гдѣ пг'опадалъ? сказалъ Денисовъ.

— Гдѣ пропадалъ? За Французами ходилъ, смѣло и поспѣшно отвѣчалъ Тихонъ, хриплымъ но пѣвучимъ басомъ.

— Зачѣмъ же ты днемъ полѣзъ? Скотина. Ну что-жъ не взялъ?...

— Взять то, взялъ, сказалъ Тихонъ.

— Гдѣ-жъ онъ?

— Да я его взялъ сперва на перво на зорькѣ еще, продолжалъ Тихонъ, переставляя пошире плоскія вывернутыя въ лаптяхъ ноги — да и свелъ въ лѣсъ. Вижу не ладенъ. Думаю дай схожу, другаго поакуратнѣе какого возьму.

— Ишь шельма, такъ и есть, сказалъ Денисовъ эсаулу.—Зачѣмъ же ты этого не пг'ивелъ?

— Да чтожъ его водить-то, сердито и поспѣшно перебилъ Тихонъ,—не гожающій. Развѣ я незнаю какихъ вамъ надо?

— Эка бестія!... Ну?...

— Пошелъ за другимъ, продолжалъ Тихонъ,—подползъ я такимъ манеромъ въ лѣсъ, да и легъ. — Тихонъ неожиданно и гибко легъ на брюхо, представляя въ лицахъ какъ онъ это сдѣлалъ.—Одинъ и навернись, продолжалъ онъ. Я его такимъ манеромъ и сграбь. Тихонъ быстро легко вскочилъ. Пойдемъ говорю, къ полковнику. Какъ загалдитъ. А ихъ тутъ четверо. Бросились на меня съ шпажками. Я на нихъ такимъ манеромъ топоромъ: что вы, молъ, Христосъ съ вами, вскрикнулъ Тихонъ, размахнувъ руками и грозно хмурясь, выставляя грудь.

— То то мы съ горы видѣли какъ ты стрѣчка задавалъ, черезъ лужи-то, сказалъ эсаулъ, съуживая свои блестящіе глаза.

Петѣ очень хотѣлось смѣяться, но онъ видѣлъ, что всѣ удерживались отъ смѣха. Онъ быстро переводилъ глаза съ лица Тихона на лицо Эсаула и Денисова, не понимая того что все это значило.

Ты ду'гака то не п'гедставилй, сказалъ Денисовъ сердито покашливая.—Зачѣмъ нег'ваго не пг'ивелъ?

Тихонъ сталъ чесать одной рукой спину, другой голову, и вдругъ вся рожа его растянулась въ сіяющую глупую улыбку открывшую недостатокъ зуба (за что онъ и прозванъ Щербатый). Денисовъ улыбнулся и Петя залился веселымъ смѣхомъ, къ которому присоединился и самъ Тихонъ.

— Да что, совсѣмъ неисправный, сказалъ Тихонъ. Одежонка плохенькая на немъ, куда же его водить то. Да и грубіянъ, ваше благородіе, Какъ же, говоритъ, я самъ анаральскій сынъ, не пойду, говоритъ.

— Экая скотина! сказалъ Денисовъ. — Мнѣ расспросить надо...

— Да я его спрашивалъ, сказалъ Тихонъ. Онъ говоритъ: плохо *знакóмъ*. Нашихъ, говоритъ, и много, да все плохіе; только говоритъ, одна названія. Ахнете, говоритъ, хорошенько, всѣхъ заберете, заключилъ Тихонъ, весело и рѣшительно взглянувъ въ глаза Денисова.

— Вотъ я те всыплю сотню гог'ячихъ, ты и будешь ду'гака то ког'чить, сказалъ Денисовъ строго.

— Да чтоже серчать то, сказалъ Тихонъ,—чтожъ я не видалъ Французовъ вашихъ? Вотъ дай позатемняетъ, я табе какихъ хошь, хоть троихъ приведу.

— Ну, поѣдемъ, сказалъ Денисовъ, и до самой караулки онъ ѣхалъ сердито? нахмурившись и молча.

Тихонъ зашелъ сзади и Петя слышалъ какъ смѣялись съ нимъ и надъ нимъ казаки о какихъ то сапогахъ которые онъ бросилъ въ кустъ.

Когда прошелъ тотъ, овладѣвшій имъ, смѣхъ при словахъ и улыбкѣ Тихона, и Петя понялъ на мгновенье, что Тихонъ этотъ убилъ человѣка, ему сдѣлалось неловко. Онъ оглянулся на плѣннаго барабанщика и что то кольнуло его въ сердце. Но эта неловкость продолжалась только одно мгновеніе. Онъ почувствовалъ необходимость повыше поднять голову, подбодриться и распросить эсаула съ значительнымъ видомъ о завтрашнемъ предпріятіи съ тѣмъ, чтобы не быть недостойнымъ того общества, въ которомъ онъ находился.

Посланный офицеръ встрѣтилъ Денисова на дорогѣ съ извѣстіемъ, что Долоховъ самъ сейчасъ пріѣдетъ, и что съ его стороны все благополучно.

Денисовъ вдругъ повеселѣлъ и подозвалъ къ себѣ Петю.

— Ну Гасскажи ты мнѣ пг'о себя сказалъ онъ.

VII.

Петя при выѣздѣ изъ Москвы, оставивъ своихъ родныхъ, присоединился къ своему полку и скоро послѣ этого былъ взятъ ординарцемъ къ генералу командовавшему большимъ отрядомъ. Со времени своего производства въ офицеры и въ особенности съ поступленія въ дѣйствующую армію, гдѣ онъ участвовалъ въ Вяземскомъ сраженіи, Петя находился въ постоянно счастливо-возбужденномъ состояніи радости на то, что онъ большой и въ постоянно восторженой поспѣшности не пропустить какого нибудь случая настоящаго геройства. Онъ былъ очень счастливъ тѣмъ, что онъ видѣлъ и испыталъ въ арміи, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему все казалось, что тамъ, гдѣ его нѣтъ, тамъ-то теперь и совершается самое настоящее, геройское. И онъ торопился поспѣть туда, гдѣ его теперь не было.

Когда 21-го октября его генералъ выразилъ желаніе послать кого нибудь въ отрядъ Денисова, Петя такъ жалостно просилъ, чтобы послать его, что генералъ не могъ отказать. Но, отправляя его, генералъ, поминая безумный по-

ступокъ Пети въ Вяземскомъ сраженіи, гдѣ Петя, вмѣсто того, чтобы ѣхать дорогой туда куда онъ былъ посланъ, поскакалъ въ цѣпь подъ огонь Французовъ и выстрѣлилъ тамъ два раза изъ своего пистолета, отправляя его, генералъ именно запретилъ Петѣ участвовать въ какихъ бы то ни было дѣйствіяхъ Денисова. Отъ этого-то Петя покраснѣлъ и смѣшался когда Денисовъ спросилъ, можно ли ему остаться. До выѣзда на опушку лѣса Петя считалъ, что ему надобно строго, исполняя свой долгъ, сейчасъ же вернуться. Но когда онъ увидалъ Французовъ, увидалъ Тихона, узналъ, что въ ночь непремѣнно атакуютъ, онъ съ быстротою переходовъ молодыхъ людей отъ одного взгляда къ другому, рѣшилъ самъ съ собою, что генералъ его, котораго онъ до сихъ поръ очень уважалъ,—дрянь, Нѣмецъ, что Денисовъ герой и Эсаулъ герой, и что Тихонъ герой и что ему было бы стыдно уѣхать отъ нихъ въ трудную минуту.

Уже смеркалось, когда Денисовъ съ Петей и Эсауломъ подъѣхали къ караулкѣ. Въ полутьмѣ виднѣлись лошади въ сѣдлахъ, казаки, гусары, прилаживавшіе шалашики на полянѣ; и (чтобы не видѣли дыма Французы) разводившіе краснѣвшій огонь въ лѣсномъ оврагѣ. Въ сѣняхъ маленькой избушки, казакъ засучивъ рукава, рубилъ баранину. Въ самой избѣ были три офицера изъ партіи Денисова, устроивавшіе столъ изъ двери. Петя снялъ, отдавъ сушить, свое мокрое платье и тотчасъ же принялся содѣйствовать офицерамъ въ устройствѣ обѣденнаго стола.

Черезъ десять минутъ былъ готовъ столъ покрытый салфеткой. На столѣ была водка, ромъ въ фляжкѣ, бѣлый хлѣбъ и жареная баранина съ солью.

Сидя вмѣстѣ съ офицерами за столомъ и разрывая руками, по которымъ текло сало, жирную, душистую баранину, Петя находился въ восторженномъ дѣтскомъ состояніи нѣжной любви ко всѣмъ людямъ и вслѣдствіе того увѣренности въ такой же любви къ себѣ другихъ людей.

— Такъ что же вы думаете, Василій Ѳедоровичъ, обратился онъ къ Денисову, ничего что я съ вами останусь на денекъ. И не дожидаясь отвѣта, онъ самъ отвѣчалъ себѣ: — Вѣдь мнѣ велѣно узнать, ну вотъ я и узнаю.... Только вы меня пустите въ самую.... въ главную.... Мнѣ не нужно наградъ.... А мнѣ хочется.... Петя стиснулъ зубы и оглянулся, подергивая кверху поднятой головой и размахивая рукой.

— Въ самую главную.... повторилъ Денисовъ улыбаясь.

— Только ужъ пожалуйста, мнѣ дайте команду совсѣмъ, чтобы я командовалъ, продолжалъ Петя, ну что вамъ стóитъ? Ахъ, вамъ ножикъ? обратился онъ къ офицеру, хотѣвшему отрѣзать баранины. И онъ подалъ свой складной ножикъ.

Офицеръ похвалилъ ножикъ.

— Возьмите, пожалуйста себѣ. У меня много такихъ...., покраснѣвъ сказалъ Петя.

— Батюшки! Я и забылъ совсѣмъ, вдругъ вскрикнулъ онъ. У меня изюмъ чудесный, знаете, такой безъ косточекъ. У насъ маркитантъ новый и такія прекрасныя вещи. Я купилъ десять фунтовъ. Я привыкъ что-нибудь сладкое. Хотите?.. И Петя побѣжалъ въ сѣни къ своему казаку, принесъ торбы, въ которыхъ было фунтовъ пять изюму.— Кушайте, господа, кушайте.

— А то не нужно ли вамъ кофейникъ? обратился онъ къ эсаулу. Я у нашего маркитанта купилъ чудесный! У него прекрасныя вещи. И онъ честный очень. Это главное. Я вамъ пришлю непремѣнно. А можетъ быть еще, у васъ вышли, обились кремни,—вѣдь это бываетъ. Я взялъ съ собою, у меня вотъ тутъ...—онъ показалъ на торбы — сто кремней. Я очень дешево купилъ. Возьмите, пожалуйста, сколько нужно, а то и всѣ... И вдругъ испугавшись, не заврался ли онъ, Петя остановился и покраснѣлъ.

Онъ сталъ вспоминать, не сдѣлалъ ли онъ еще какихъ нибудь глупостей. И перебирая воспоминанія нынѣшняго дня, воспоминаніе о Французѣ барабанщикѣ представилось ему. — «Намъ-то отлично, а ему каково? Куда его дѣли? Покормили ли его? Не обидѣли ли?» подумалъ онъ. Но замѣтивъ, что онъ заврался о кремняхъ, онъ теперь боялся.

— Спросить бы можно? думалъ онъ,—да скажутъ: самъ мальчикъ и мальчика пожалѣлъ. Я имъ покажу завтра какой я мальчикъ! Стыдно будетъ, если я спрошу? думалъ Петя.—Ну, да все равно! и тотчасъ же, покраснѣвъ и испуганно глядя на офицеровъ, не будетъ ли въ ихъ лицахъ насмѣшки, онъ сказалъ:

— А можно позвать этого мальчика, что взяли въ плѣнъ? дать ему чего нибудь поѣсть... можетъ...

— Да, жалкій мальчишка, сказалъ Денисовъ, видимо не найдя ничего стыднаго въ этомъ напоминаніи. — Позвать его сюда. Vincent Bosse его зовутъ. Позвать его.

— Я позову, сказалъ Петя.

— Позови, позови. Жалкій мальчишка, повторилъ Денисовъ.

Петя стоялъ у двери, когда Денисовъ сказалъ это. Петя пролѣзъ между офицерами и близко подошелъ къ Денисову.

— Позвольте васъ поцѣловать, голубчикъ, сказалъ онъ.— Ахъ, какъ отлично! какъ хорошо! — И, поцѣловавъ Денисова, онъ побѣжалъ на дворъ.

— Bosse! Vincent! прокричалъ Петя остановясь у двери.

— Вамъ кого, сударь надо? сказалъ голосъ изъ темноты. Петя отвѣчалъ, что того мальчика француза, котораго взяли нынче.

— А! Весенняго? сказалъ казакъ.

Имя его Vincent уже передѣлали казаки—въ Весенняго, а мужики и солдаты въ Висеню. Въ обѣихъ передѣлкахъ это напоминаніе о веснѣ сходилось съ представленіемъ о молоденькомъ мальчикѣ.

— Онъ тамъ у костра грѣлся. Эй, Висеня! Висеня! Весенній! послышались въ темнотѣ передающіеся голоса и смѣхъ. А мальченокъ шустрый, сказалъ гусаръ, стоявшій подлѣ Пети.—Мы его покормили давеча. Страсть, голодный былъ!

Въ темнотѣ послышались шаги и, шлепая босыми ногами по грязи, барабанщикъ подошелъ къ двери.

— Ah c'est vous! сказалъ Петя. — Voulez vous manger? N'ayez pas peur, on ne vous fera pas de mal *), прибавилъ онъ робко и ласково дотрогиваясь до его руки. Entrez, entrez.

— Merci, monsieur, отвѣчалъ барабанщикъ дрожащимъ почти дѣтскимъ голосомъ и сталъ обтирать о порогъ свои грязныя ноги. Петѣ многое хотѣлось сказать барабанщику, но онъ не смѣлъ. Онъ, переминаясь, стоялъ подлѣ него въ сѣняхъ. Потомъ въ темнотѣ взялъ его за руку и пожалѣе.— Entrez, entrez, повторилъ онъ только нѣжнымъ шопотомъ.

— Ахъ что-бы мнѣ ему сдѣлать! проговорилъ самъ съ собою Петя и, отворивъ дверь, пропустилъ мимо себя мальчика.

Когда барабанщикъ вошелъ въ избушку, Петя сѣлъ подальше отъ него, считая для себя унизительнымъ обращать на него вниманіе. Онъ только ощупывалъ въ карманѣ деньги и былъ въ сомнѣньи, не стыдно ли будетъ дать ихъ барабанщику.

VIII.

Отъ барабанщика, которому по приказанію Денисова дали водки, баранины, и котораго Денисовъ велѣлъ одѣть въ русскій кафтанъ съ тѣмъ, чтобы не отсылая съ плѣнными, оставить его при партіи, вниманіе Пети было отвлечено пріѣздомъ Долохова. Петя въ арміи слышалъ много раз-

*) Ахъ, это вы! хотите ѣсть? Небойтесь, вамъ ничего худаго не сдѣлаютъ.

сказовъ про необычайныя храбрость и жестокость Долохова съ французами и потому съ тѣхъ поръ какъ Долоховъ вошелъ въ избу, Петя, не спуская глазъ, смотрѣлъ на него и все больше подбадривался, подергивая поднятой головой съ тѣмъ, чтобы не быть недостойнымъ даже и такого общества, какъ Долоховъ.

Наружность Долохова странно поразила Петю своей простотой.

Денисовъ одѣвался въ чекмень, носилъ бороду и на груди образъ Николая Чудотворца и въ манерѣ говорить, во всѣхъ пріемахъ высказывалъ особенность своего положенія. Долоховъ же, напротивъ, прежде, въ Москвѣ, носившій персидскій костюмъ, теперь, имѣлъ видъ самаго чопорнаго, гвардейскаго офицера. Лицо его было чисто выбрито, одѣтъ онъ былъ въ гвардейскій ваточный сюртукъ съ Георгіемъ въ петлицѣ, и въ прямо надѣтой, простой фуражкѣ. Онъ снялъ въ углу мокрую бурку, и подойдя къ Денисову, не здороваясь ни съ кѣмъ, тотчасъ же сталъ разспрашивать о дѣлѣ. Денисовъ разсказывалъ ему про замыслы, которые имѣли на ихъ транспортъ большіе отряды, и про присылку Пети, и про то, какъ онъ отвѣчалъ обоимъ генераламъ. Потомъ Денисовъ разсказалъ про все, что онъ зналъ о положеніи французскаго отряда.

— Это такъ — Но надо знать какія и сколько войскъ, сказалъ Долоховъ — надо будетъ съѣздить. Не зная вѣрно сколько ихъ, пускаться въ дѣло нельзя. — Я люблю акуратно дѣло дѣлать. Вотъ, не хочетъ ли кто изъ господъ съѣздить со мной въ ихъ лагерь. У меня и мундиръ съ собою.

— Я, я... я поѣду съ вами! вскрикнулъ Петя.

— Совсѣмъ тебѣ не нужно ѣздить, сказалъ Денисовъ, обращаясь къ Долохову,—а ужъ его я ни за что не пущу.

— Вотъ прекрасно! вскрикнулъ Петя, — отчего-жъ мнѣ не ѣхать...

— Да оттого, что не зачѣмъ.

— Ну ужъ вы меня извините потому что.... потому что.... я поѣду, вотъ и все. Вы возьмете меня? обратился онъ къ Долохову.

— Отчего-жъ?... разсѣянно отвѣчалъ Долоховъ, вглядываясь въ лицо французскаго барабанщика.

— Давно у тебя молодчикъ этотъ? спросилъ онъ у Денисова.

— Нынче взяли, да ничего не знаетъ. Я оставилъ его пг'и себѣ.

— Ну, а остальныхъ ты куда дѣваешь? сказалъ Долоховъ.

— Какъ куда? Отсылаю подъ росписки! вдругъ, покраснѣвъ, вскрикнулъ Денисовъ.

— И смѣло скажу, что на моей совѣсти, нѣтъ ни одного человѣка. Г'азвѣ тебѣ тг'удно отослать 30 ли, 300 ли человѣкъ подъ конвоемъ въ гог'одъ,. чѣмъ маг'ать, я пг'ямо скажу, честь солдата.

— Вотъ молоденькому графчику въ 16 лѣтъ говорить эти любезности прилично, съ холодной усмѣшкой сказалъ Долоховъ, а тебѣ-то ужъ это оставить пора.

— Чтожъ, я ничего не говорю, я только говорю, что я непремѣнно поѣду съ вами, робко сказалъ Петя.

— А намъ съ тобой пора, братъ, бросить эти любезности, продолжалъ Долоховъ, какъ будто онъ находилъ особенное удовольствіе говорить объ этомъ предметѣ, раздражавшемъ Денисова. Ну этого ты зачѣмъ взялъ къ себѣ, сказалъ онъ покачивая головой—затѣмъ, что тебѣ его жалко? Вѣдь мы знаемъ эти твои росписки. Ты пошлешь ихъ сто человѣкъ, а придутъ 30. Помрутъ съ голоду или побьютъ. Такъ не все ли равно ихъ и не брать.

Эсаулъ, щуря свѣтлые глаза, одобрительно кивалъ головой.

— Это все г'авно, тутъ г'азсуждать нечего. Я на свою душу взять не хочу. Ты говог'ишь помг'утъ. Ну, хог'ошо. Только бы не отъ меня.

Долоховъ засмѣялся.

— Кто же имъ не велѣлъ меня двадцать разъ поймать? А вѣдь поймаютъ меня и тебя съ твоимъ рыцарствомъ, все равно, на осинку. Онъ помолчалъ. Однако надо дѣло дѣлать. Послать моего казака съ вьюкомъ. У меня два французскихъ мундира. Чтожъ, ѣдемъ со мной? спросилъ онъ у Пети.

— Я? Да, да, непремѣнно, покраснѣвъ почти до слезъ, вскрикнулъ Петя взглядывая на Денисова.

Опять въ то время какъ Долоховъ заспорилъ съ Денисовымъ о томъ, что надо дѣлать съ плѣнными, Петя почувствовалъ неловкость и торопливость; но опять не успѣлъ понять хорошенько того о чемъ они говорили. «Ежели такъ думаютъ большіе, извѣстные, стало быть такъ надо, стало быть это хорошо, думалъ онъ. А главное надо, чтобы Денисовъ не смѣлъ думать, что я послушаюсь его, что онъ можетъ мной командовать. Непремѣнно поѣду съ Долоховымъ во французскій лагерь. Онъ можетъ, и я могу!»

На всѣ убѣжденія Денисова не ѣздить, Петя отвѣчалъ, что онъ тоже привыкъ все дѣлать аккуратно, а не на обумъ Лазаря, и что онъ объ опасности себѣ никогда не думаетъ.

— Потому что—согласитесь сами—если не знать вѣрно сколько тамъ, отъ этого зависитъ жизнь можетъ быть сотенъ, а тутъ мы одни, и потомъ мнѣ очень этого хочется и непремѣнно, непремѣнно поѣду, вы уже меня не удержите, говорилъ онъ, только хуже будетъ?...

IX.

Одѣвшись въ французскія шинели и кивера, Петя съ Долоховымъ, поѣхали на ту просѣку, съ которой Денисовъ смотрѣлъ на лагерь и, выѣхавъ изъ лѣса въ совершенной темнотѣ, спустились въ лощину. Съѣхавъ внизъ, Долоховъ

велѣлъ сопровождавшимъ его казакамъ дожидаться тутъ и поѣхалъ крупной рысью по дорогѣ къ мосту. Петя, замирая отъ волненія, ѣхалъ съ нимъ рядомъ.

— Если попадемся, я живымъ не отдамся, у меня пистолетъ, прошепталъ Петя.

— Не говори по-русски, быстрымъ шопотомъ проговорилъ Долоховъ, и въ ту же минуту въ темнотѣ послышался окликъ «qui vive?»[1]) и звонъ ружья.

Кровь бросилась въ лицо Пети и онъ схватился за пистолетъ.

— Lanciers du 6-me,[2]) проговорилъ Долоховъ, не укорачивая и не прибавляя хода лошади. Черная фигура часоваго стояла на мосту.

— Mot d'ordre?[3]) Долоховъ придержалъ лошадь и поѣхалъ шагомъ.

— Dites donc, le colonel Gérard est ici?[4]) сказалъ онъ.

— Mot d'ordre, не отвѣчая сказалъ часовой, загораживая дорогу.

— Quand un officier fait sa ronde, les sentinelles ne demandent pas le mot d'ordre.... крикнулъ Долоховъ, вдругъ вспыхнувъ, наѣзжая лошадью на часоваго. Je vous demande si le colonel est ici?[5])

И не дожидаясь отвѣта отъ посторонившагося часоваго, Долоховъ шагомъ поѣхалъ въ гору.

Замѣтивъ черную тѣнь человѣка, переходящаго черезъ дорогу, Долоховъ остановилъ этого человѣка и спросилъ гдѣ командиръ и офицеры? Человѣкъ этотъ съ мѣшкомъ на плечѣ солдатъ остановился, близко подошелъ къ лоша-

---

[1]) Кто идетъ.

[2]) Уланы 6-го полка.

[3]) Отзывъ.

[4]) Скажите здѣсь ли полковникъ Жераръ?

[5]) Когда офицеръ объѣзжаетъ цѣпь, часовые не спрашиваютъ отзывъ. Я спрашиваю тутъ ли полковникъ.

ди Долохова, дотрогиваясь до нея рукою и просто и дружелюбно разсказалъ, что командиръ и офицеры были выше на горѣ съ правой стороны на дворѣ фермы (такъ онъ называлъ господскую усадьбу).

Проѣхавъ по дорогѣ, съ обѣихъ сторонъ которой звучалъ отъ костровъ французскій говоръ, Долоховъ повернулъ во дворъ господскаго дома. Проѣхавъ въ ворота, онъ слѣзъ съ лошади и подошелъ къ большому, пылавшему костру, вокругъ котораго, громко разговаривая, сидѣло нѣсколько человѣкъ. Въ котелкѣ съ краю варилось что-то и солдатъ въ колпакѣ и синей шинели, стоя на колѣнахъ, ярко освѣщенный огнемъ, мѣшалъ въ немъ шомполомъ.

— Oh c'est un dur à cuire,[1]) говорилъ одинъ изъ офицеровъ, сидѣвшихъ въ тѣни съ противоположной стороны костра.

— Il les fera marcher les lapins,[2]) со смѣхомъ сказалъ другой. Оба замолкли, вглядываясь въ темноту на звукъ шаговъ Долохова и Пети, подходившихъ къ костру съ своими лошадьми.

— Bonjour, messieurs![3]) громко, отчетливо выговорилъ Долоховъ.

Офицеры зашевелились въ тѣни костра и одинъ высокій офицеръ съ длинной шеей, обойдя огонь, подошелъ къ Долохову.

— C'est vous, Clément? сказалъ онъ. — D'où, diable[4]) но онъ не докончилъ, узнавъ свою ошибку и слегка нахмурившись, какъ съ незнакомымъ, поздоровался съ Долоховымъ, спрашивая его, чѣмъ онъ можетъ служить. Долоховъ разсказалъ, что онъ съ товарищемъ догонялъ свой полкъ и спросилъ, обращаясь ко всѣмъ вообще, не знали ли офицеры чего-нибудь о 6-мъ полку. Никто ничего не зналъ; и Петѣ показалось, что офицеры враждебно и подозритель-

[1]) Съ этимъ чортомъ не сладишь....
[2]) Онъ ихъ проберетъ...
[3]) Здраствуйте господа.
[4]) Это вы Клеманъ? Откуда....

но стали осматривать его и Долохова. Нѣсколько секундъ всѣ молчали.

— Si vous comptez sur la soupe du soir, vous venez trop tard[1]), сказалъ съ сдержаннымъ смѣхомъ голосъ изъ-за костра.

Долоховъ отвѣчалъ, что они сыты и что имъ надо въ ночь же ѣхать дальше.

Онъ отдалъ лошадей солдату, мѣшавшему въ котелкѣ и на корточкахъ присѣлъ у костра рядомъ съ офицеромъ съ длинной шеей. Офицеръ этотъ, не спуская глазъ, смотрѣлъ на Долохова и переспросилъ его еще разъ: какого онъ былъ полка? Долоховъ не отвѣчалъ, какъ будто не слыхалъ вопроса и куза ривая коротенькую французскую трубку, которую онъ досталъ изъ кармана, спрашивалъ офицеровъ о томъ, въ какой степени безопасна дорога отъ казаковъ впереди ихъ.

— Les brigands sont partout[2]), отвѣчалъ офицеръ изъ-за костра.

Долоховъ сказалъ, что казаки страшны только для такихъ отсталыхъ какъ онъ съ товарищемъ, но что на большіе отряды казаки вѣроятно не смѣютъ нападать, прибавилъ онъ вопросительно. Никто ничего не отвѣтилъ.

— Ну теперь онъ уѣдетъ, всякую минуту думалъ Петя, стоя передъ костромъ и слушая его разговоръ.

Но Долоховъ началъ опять прекратившійся разговоръ и прямо сталъ разспрашивать, сколько у нихъ людей въ батальонѣ, сколько батальоновъ, сколько плѣнныхъ. Спрашивая про плѣнныхъ Русскихъ, которые были при ихъ отрядѣ, Долоховъ сказалъ:

— La vilaine affaire de trainer ces cadavres après soi. Vaudrait mieux fusiller cette canaille[3]), и громко засмѣялся

---

[1]) Если вы разсчитываете на ужинъ, то вы опоздали.

[2]) Эти разбойники вездѣ.

[3]) Скверное дѣло таскать за собой эти трупы. Лучше бы разстрѣлять эту сволочь.

такимъ страннымъ смѣхомъ, что Петѣ показалось, Французы сейчасъ узнаютъ обманъ, и онъ, невольно отступилъ на шагъ отъ костра. Никто не отвѣтилъ на слова и смѣхъ Долохова, и французскій офицеръ, котораго не видно было (онъ лежалъ укутавшись шинелью), приподнялся и прошепталъ что-то товарищу. Долоховъ всталъ и кликнулъ солдата съ лошадьми.

«Подадутъ или нѣтъ лошадей?» думалъ Петя, невольно приближаясь къ Долохову.

Лошадей подали. Bonjour, messieurs, сказалъ Долоховъ,

Петя хотѣлъ сказать bonsoir и не могъ договорить слова. Офицеры что-то шопотомъ говорили между собою. Долоховъ долго садился на лошадь, которая не стояла; потомъ шагомъ поѣхалъ изъ воротъ. Петя ѣхалъ подлѣ него, желая и не смѣя оглянуться, чтобы увидать бѣгутъ или не бѣгутъ за ними Французы.

Выѣхавъ на дорогу, Долоховъ поѣхалъ не назадъ въ поле, а вдоль по деревнѣ. Въ одномъ мѣстѣ онъ остановился прислушиваясь. «Слышишь?» сказалъ онъ. Петя узналъ звуки русскихъ голосовъ, увидалъ у костровъ темныя фигуры русскихъ плѣнныхъ. Спустившись внизъ къ мосту, Петя съ Долоховымъ проѣхали часоваго, который, ни слова не сказавъ, мрачно ходилъ по мосту и выѣхали въ лощину, гдѣ дожидались казаки.

— Ну, теперь прощай. Скажи Денисову, что на зарѣ, по первому выстрѣлу, сказалъ Долоховъ и хотѣлъ ѣхать. но Петя схватился за него рукою.

— Нѣтъ! вскрикнулъ онъ, вы такой герой. Ахъ, какъ хорошо! какъ отлично! Какъ я васъ люблю.

— Хорошо, хорошо, сказалъ Долоховъ, но Петя не отпускалъ его, и въ темнотѣ Долоховъ разсмотрѣлъ, что Петя нагибался къ нему. Онъ хотѣлъ поцѣловаться. Долоховъ поцѣловалъ его, засмѣялся и, повернувъ лошадь, скрылся въ темнотѣ.

X.

Вернувшись къ караулкѣ, Петя засталъ Денисова въ сѣняхъ. Денисовъ въ волненіи, безпокойствѣ и досадѣ на себя, что отпустилъ Петю, ожидалъ его.

— Слава Богу! крикнулъ онъ. Ну слава Богу! повторялъ онъ, слушая восторженный разсказъ Пети.—И чоґтъ тебя возьми, изъ-за тебя не спалъ! проговорилъ Денисовъ.— Ну, слава Богу, теперь ложись спать. Еще вздґемнемъ до утґа.

— Да... Нѣтъ, сказалъ Петя. Мнѣ еще не хочется спать. Да и я себя знаю, ежели засну, такъ ужь кончено. И потомъ я привыкъ не спать передъ сраженіемъ.

Петя посидѣлъ нѣсколько времени въ избѣ, радостно вспоминая подробности своей поѣздки, и живо представляя себѣ то, что будетъ завтра. Потомъ, замѣтивъ, что Денисовъ заснулъ, онъ всталъ и пошелъ на дворъ.

На дворѣ еще было совсѣмъ темно. Дождикъ прошелъ, но капли еще падали съ деревьевъ. Вблизи отъ караулки виднѣлись черныя фигуры казачьихъ шалашей и связанныхъ вмѣстѣ лошадей. За избушкой чернѣлись двѣ фуры, у которыхъ стояли лошади, и въ оврагѣ краснѣлся догоравшій огонь. Казаки и гусары не всѣ спали: кое-гдѣ слышались вмѣстѣ съ звукомъ падающихъ капель и близкаго звука жеванія лошадей, не громкіе, какъ бы шепчущіеся голоса.

Петя вышелъ изъ сѣней, огляделся въ темнотѣ и подошелъ къ фурамъ. Подъ фурами храпѣлъ кто-то, и вокругъ нихъ стояли, жуя овесъ, осѣдланныя лошади. Въ темнотѣ Петя узналъ свою лошадь, которую онъ называлъ Карабахомъ, хотя она была малороссійская лошадь, и подошелъ къ ней.

— Ну, Карабахъ, завтра послужимъ, сказалъ онъ, нюхая ея ноздри и цѣлуя ее.

— Что, баринъ, не спите? сказалъ казакъ, сидѣвшій подъ фурой.

— Нѣтъ; а.... Лихачевъ, кажется, тебя звать? Вѣдь я сейчасъ только пріѣхалъ. Мы ѣздили къ Французамъ.—И Петя подробно разсказалъ казаку не только свою поѣздку, но и то, почему онъ ѣздилъ, и почему онъ считаетъ, что лучше рисковать своей жизнью, чѣмъ дѣлать на обумъ Лазаря.

— Что же, соснули бы, сказалъ казакъ.

— Нѣтъ, я привыкъ, отвѣчалъ Петя.—А что у васъ кремни въ пистолетахъ не обились? Я привезъ съ собою. Не нужно-ли? Ты возьми.

Казакъ повысунулся изъ подъ фуры, чтобы по ближе разсмотрѣть Петю.

— Оттого, что я привыкъ все дѣлать аккуратно, сказалъ Петя. Иные такъ, кое-какъ, не приготовятся, потомъ и жалѣютъ. Я такъ не люблю.

— Это точно, сказалъ казакъ.

— Да еще вотъ что, пожалуйста, голубчикъ, наточи мнѣ саблю; затупи.... (но Петя боялся солгать) она никогда отточена не была. Можно это сдѣлать?

— Отчегожь, можно.

Лихачевъ всталъ, порылся въ вьюкахъ, и Петя скоро услыхалъ воинственный звукъ стали и бруска. Онъ влѣзъ на фуру и сѣлъ на край ея. Казакъ подъ фурой точилъ саблю.

— А что̀ же спятъ молодцы? сказалъ Петя.

— Кто спитъ, а кто такъ вотъ.

— Ну, а мальчикъ что?

— Весеннiй-то? Онъ тамъ въ сѣнцахъ завалился. Со страху спится. Ужь радъ-то былъ.

Долго послѣ этого Петя молчалъ, прислушиваясь къ звукамъ. Въ темнотѣ послышались шаги и показалась черная фигура.

— Что точишь? спросилъ человѣкъ подходя къ фурѣ.

— А вотъ барину наточить саблю.

— Хорошее дѣло, сказалъ человѣкъ, который показался Петѣ гусаромъ.—У васъ что ли чашка осталась?

— А вонъ у колеса. — Гусаръ взялъ чашку. Небось скоро свѣтъ, проговорилъ онъ зѣвая и прошелъ куда-то.

Петя долженъ бы былъ знать, что онъ въ лѣсу, въ партіи Денисова, въ верстѣ отъ дороги, что онъ сидитъ на фурѣ, отбитой у Французовъ, около которой привязаны лошади, что подъ нимъ сидитъ казакъ Лихачевъ и натачиваетъ ему саблю, что большое, черное пятно направо — караулка, и красное, яркое пятно внизу налѣво—догоравшій костеръ, что человѣкъ приходившій за чашкой—гусаръ, который хотѣлъ пить; но онъ ничего не зналъ и не хотѣлъ знать этого. Онъ былъ въ волшебномъ царствѣ, въ которомъ ничего не было похожаго на дѣйствительность. Большое черное пятно можетъ быть точно была караулка, а можетъ быть была пещера, которая вела въ самую глубь земли. Красное пятно можетъ быть былъ огонь, а можетъ быть глазъ огромнаго чудовища. Можетъ быть онъ точно сидитъ теперь на фурѣ, а очень можетъ быть, что онъ сидитъ не на фурѣ, а на страшно высокой башнѣ, съ которой ежели упасть, то летѣть бы до земли цѣлый день, цѣлый мѣсяцъ—все летѣть и никогда не долетишь. Можетъ быть, что подъ фурой сидитъ просто казакъ Лихачевъ, а очень можетъ быть, что это — самый добрый, храбрый, самый чудесный, самый превосходный человѣкъ на свѣтѣ, котораго никто не знаетъ. Можетъ быть это точно проходилъ гусаръ за водой и пошелъ въ лощину, а, можетъ быть, онъ только что изчезъ изъ виду и совсѣмъ изчезъ, и его не было.

Чтобы ни увидалъ теперь Петя, ничто бы не удивило его. Онъ былъ въ волшебномъ царствѣ, въ которомъ все было возможно.

Онъ поглядѣлъ на небо. И небо было такое же волшебное какъ и земля. На небѣ разчищало и надъ вершинами деревъ быстро бѣжали облака, какъ будто открывая звѣзды. Иногда казалось, что на небѣ разчищало и показывалось черное, чистое небо. Иногда казалось, что эти черныя пятна были тучки. Иногда казалось, что небо высоко, высоко поднимается надъ головой; иногда небо спускалось совсѣмъ, такъ что рукой можно было достать его.

Петя сталъ закрывать глаза и покачиваться.

Капли капали. Шелъ тихій говоръ. Лошади заржали и подрались, храпѣлъ кто-то.

— Ожигъ, жигъ, ожигъ, жигъ....свистѣла натачиваемая сабля. И вдругъ Петя услыхалъ стройный хоръ музыки, игравшей какой-то неизвѣстный, торжественно сладкій гимнъ. Петя былъ музыкаленъ, такъ же какъ и Наташа, и больше Николая, но онъ никогда не учился музыкѣ, не думалъ о музыкѣ и потому мотивы, неожиданно приходившіе ему въ голову, были для него особенно новы и привлекательны. Музыка играла все слышнѣе и слышнѣе. Напѣвъ разростался, переходилъ изъ одного инструмента въ другой. Происходило то, что называется фугой, хотя Петя не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое фуга. Каждый инструментъ, то похожій на скрипку, то на трубы—но лучше и чище чѣмъ скрипки и трубы—каждый инструментъ игралъ свое и, не доигравъ еще мотива, сливался съ другимъ, начинавшимъ почти тоже, и съ третьимъ, и съ четвертымъ, и всѣ они сливались въ одно и опять разбѣгались, и опять сливались, то въ торжественно церковное, то въ ярко блестящее и побѣдное.

— «Ахъ да, вѣдь это я во снѣ», качнувшись напередъ,

сказалъ себѣ Петя. Это у меня въ ушахъ. А можетъ быть это моя музыка. Ну, опять. Валяй моя музыка! Ну!..

Онъ закрылъ глаза. И съ разныхъ сторонъ, какъ будто издалека, затрепетали звуки, стали слаживаться, разбѣгаться, сливаться и опять все соединилось въ тотъ же сладкій и торжественный гимнъ. — Ахъ, это прелесть что такое! Сколько хочу и какъ хочу, сказалъ себѣ Петя. Онъ попробовалъ руководить этимъ огромнымъ хоромъ инструментовъ.

— Ну, тише, тише, замирайте теперь. И звуки слушались его. Ну, теперь полнѣе, веселѣе. Еще, еще радостнѣе. И изъ неизвѣстной глубины поднимались усиливающіеся, торжественные звуки. Ну, голоса, приставайте! приказалъ Петя. И сначала издалека послышались голоса мужескіе, потомъ женскіе. Голоса росли, росли въ равномѣрномъ торжественномъ усиліи. Петѣ страшно и радостно было внимать ихъ необычайной красотѣ.

Съ торжественнымъ, побѣднымъ маршемъ сливалась пѣсня и капли капали и вжигъ, жигъ, жигъ.... свистѣла сабля, и опять подрались и заржали лошади, не нарушая хора, а входя въ него.

Петя не зналъ какъ долго это продолжалось: онъ наслаждался, все время удивлялся своему наслажденію и жалѣлъ, что некому сообщить его. Его разбудилъ ласковый голосъ Лихачева.

— Готово, ваше благородіе, на двое Хранцуза распластаете.

Петя очнулся.

— Ужъ свѣтаетъ, право свѣтаетъ! вскрикнулъ онъ.

Невидныя прежде лошади стали видны до хвостовъ и сквозь оголенныя вѣтки виднѣлся водянистый свѣтъ. Петя встряхнулся, вскочилъ, досталъ изъ кармана цѣлковый и далъ Лихачеву, махнувъ, попробовалъ шашку, и положилъ

ее въ пожны. Казаки отвязывали лошадей и подтягивали подпруги.

— Вотъ и командиръ, сказалъ Лихачевъ.

Изъ караулки вышелъ Денисовъ и, окликнувъ Петю, приказалъ собираться.

XI.

Быстро въ полутмѣ, разобрали лошадей, подтянули подпруги и разобрались по командамъ. Денисовъ стоялъ у караулки, отдавая послѣднія приказанія. Пѣхота партіи шлепая сотней ногъ прошла впередъ по дорогѣ и быстро скрылась между деревьевъ въ предразсвѣтномъ туманѣ. Эсаулъ что-то приказывалъ казакамъ. Петя держалъ свою лошадь въ поводу, съ нетерпѣніемъ ожидая приказанія садиться. Обмытое холодной водой, лицо его, въ особенности глаза горѣли огнемъ, ознобъ пробѣгалъ по спинѣ и во всемъ тѣлѣ что-то быстро и равномѣрно дрожало.

— Ну, готово у васъ все? сказалъ Денисовъ. Давай лошадей.

Лошадей подали. Денисовъ разсердился на казака за то, что подпруги были слабы, и, разбранивъ его, сѣлъ. Петя взялся за стремя. Лошадь, по привычкѣ, хотѣла куснуть его за ногу, но Петя, не чувствуя своей тяжести, быстро вскочилъ въ сѣдло и, оглядываясь на тронувшихся сзади въ темнотѣ гусаръ, подъѣхалъ къ Денисову.

— Василій Өеодоровичъ, вы мнѣ поручите что нибудь? Пожалуйста.... ради Бога.... сказалъ онъ. Денисовъ казалось забылъ про существованіе Пети. Онъ оглянулся на него.

— Объ одномъ тебя пг'ошу; сказалъ онъ строго: слушаться меня и никуда не соваться.

Во все время переѣзда Денисовъ ни слова не говорилъ больше съ Петей и ѣхалъ молча. Когда подъѣхали къ опушкѣ лѣса, въ полѣ замѣтно уже стало свѣтлѣть. Денисовъ поговорилъ что то шопотомъ съ Эсауломъ и казаки

стали проѣзжать мимо Пети и Денисова. Когда они всѣ проѣхали, Денисовъ тронулъ свою лошадь и поѣхалъ подъ гору. Садясь на зады и скользя, лошади спускались съ своими сѣдоками въ лощину. Петя ѣхалъ рядомъ съ Денисовымъ. Дрожь во всемъ его тѣлѣ все усиливалась. Становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе, только туманъ скрывалъ отдаленные предметы. Съѣхавъ внизъ и оглянувшись назадъ, Денисовъ кивнулъ головой казаку, стоявшему подлѣ него.

— Сигналъ! проговорилъ онъ. Казакъ поднялъ руку, раздался выстрѣлъ. И въ тоже мгновенье послышался топотъ впереди поскакавшихъ лошадей, крики съ разныхъ сторонъ и еще выстрѣлы.

Въ тоже мгновеніе какъ раздались первые звуки топота и крика, Петя, ударивъ свою лошадь и выпустивъ поводья, не слушая Денисова, кричавшаго на него, поскакалъ впередъ. Петѣ показалось, что вдругъ совершенно, какъ середъ дня, ярко разсвѣло въ ту минуту какъ послышался выстрѣлъ. Онъ подскакалъ къ мосту. Впереди по дорогѣ скакали казаки. На мосту онъ столкнулся съ отставшимъ казакомъ и поскакалъ дальше. Впереди какіе-то люди — должно быть это были Французы,—бѣжали съ правой стороны дороги на лѣвую. Одинъ упалъ въ грязь подъ ногами Петиной лошади.

У одной избы столпились казаки что-то дѣлая. Изъ середины толпы послышался страшный крикъ. Петя подскакалъ къ этой толпѣ и первое что онъ увидалъ было блѣдное съ трясущейся нижней челюстью лицо Француза, державшагося за древко направленной на него пики.

— Ура!.... Ребята...,наши.... прокричалъ Петя и, давъ поводья разгорячившейся лошади, поскакалъ впередъ по улицѣ.

Впереди слышны были выстрѣлы. Казаки, гусары и Русскіе оборванные плѣнные, бѣжавшіе съ обѣихъ сторонъ дороги, всѣ громко и нескладно кричали что-то. Молодцоватый, безъ шапки съ краснымъ нахмуреннымъ лицомъ, Французъ въ синей

шинели, отбивался штыкомъ отъ гусаровъ. Когда Петя подскакалъ, Французъ уже упалъ. Опять опоздалъ, мелькнуло въ головѣ Пети и онъ поскакалъ туда, откуда слышались частые выстрѣлы. Выстрѣлы раздавались на дворѣ того барскаго дома, на которомъ онъ былъ вчера ночью съ Долоховымъ. Французы засѣли тамъ за плетнемъ въ густомъ, заросшемъ кустами, саду и стрѣляли по казакамъ столпившимся у воротъ. Подъѣзжая къ воротамъ, Петя въ пороховомъ дыму увидалъ Долохова, съ блѣднымъ, зеленоватымъ лицемъ, кричавшаго что-то людямъ. «Въ объѣздъ. Пѣхоту подождать!» кричалъ онъ въ то время какъ Петя подъѣхалъ къ нему.

— Подождать?... Ураааа!... закричалъ Петя и, не медля ни одной минуты, поскакалъ къ тому мѣсту, откуда слышались выстрѣлы и гдѣ гуще былъ пороховой дымъ. Послышался залпъ, провизжали пустыя и во что то шлепнувшія пули. Казаки и Долоховъ вскакали вслѣдъ за Петей въ ворота дома. Французы въ колеблющемся густомъ дымѣ, одни бросали оружіе и выбѣгали изъ кустовъ навстрѣчу казакамъ, другіе бѣжали подъ гору къ пруду. Петя скакалъ на своей лошади вдоль по барскому двору и, вмѣсто того, чтобы держать поводья, странно и быстро махалъ обѣими руками и все дальше и дальше сбивался съ сѣдла на одну сторону. Лошадь, набѣжавъ на тлѣвшій въ утреннемъ свѣтѣ костеръ, уперлась и Петя тяжело упалъ на мокрую землю. Казаки видѣли какъ быстро задергались его руки и ноги, несмотря на то что голова его не шевелилась. Пуля пробила ему голову.

Переговоривши съ старшимъ Французскимъ офицеромъ, который вышелъ къ нему изъ-за дома съ платкомъ на шпагѣ и объявилъ, что они сдаются, Долоховъ, слѣзъ съ лошади и подошелъ къ неподвижно съ раскинутыми руками, лежавшему Петѣ.

— Готовъ, сказалъ онъ, нахмурившись и пошелъ въ ворота на встрѣчу ѣхавшему къ нему Денисову.

— Убитъ?! вскрикнулъ Денисовъ, увидавъ еще издалека то знакомое ему, несомнѣнно безжизненное положеніе, въ которомъ лежало тѣло Пети.

— Готовъ, повторилъ Долоховъ, какъ будто выговариваніе этого слова доставляло ему удовольствіе и быстро пошелъ къ плѣннымъ, которыхъ окружили спѣшившіеся казаки.—Брать не будемъ! крикнулъ онъ Денисову.

Денисовъ не отвѣчалъ; онъ подъѣхалъ къ Петѣ, слѣзъ съ лошади и дрожащими руками повернулъ къ себѣ запачканное кровью и грязью, уже поблѣднѣвшее лицо Пети.

«Я привыкъ что нибудь сладкое. Отличный изюмъ, берите весь», вспомнилось ему. И казаки съ удивленіемъ оглянулись на звуки, похожіе на собачій лай, съ которыми Денисовъ быстро отвернулся, подошелъ къ плетню и схватился за него.

Въ числѣ отбитыхъ Денисовымъ и Долоховымъ русскихъ плѣнныхъ былъ Пьеръ Безухой.

XII.

О той партіи плѣнныхъ, въ которой былъ Пьеръ, во время всего своего движенія отъ Москвы, не было отъ французскаго начальства никакого новаго распоряженія. Партія эта, 22-го Октября, находилась уже не съ тѣми войсками и обозами, съ которыми она вышла изъ Москвы. Половина обоза съ сухарями, который шелъ за ними первые переходы была отбита казаками, другая половина уѣхала впередъ; пѣшихъ кавалеристовъ, которые шли впереди, не было ни одного больше; они всѣ исчезли. Артиллерія, которая первые переходы виднѣлась впереди, замѣнилась теперь огромными обозами маршала Жюно, конвоируемаго Вестфальцами. Сзади плѣнныхъ ѣхалъ обозъ кавалерійскихъ вещей.

Отъ Вязьмы, французскія войска, прежде шедшія тремя коллонами, шли теперь одной кучей. Тѣ признаки безпорядка, которые замѣтилъ Пьеръ на первомъ привалѣ изъ Москвы, теперь дошли до послѣдней степени.

Дорога, по которой они шли, съ обѣихъ сторонъ была уложена мертвыми лошадьми; оборванные люди, отсталые отъ разныхъ командъ, безпрестанно перемѣняясь, то присоединялись, то опять отставали отъ шедшей колонны.

Нѣсколько разъ во время похода бывали фальшивыя тревоги и солдаты конвоя поднимали ружья, стрѣляли и бѣжали стремглавъ, давя другъ друга, но потомъ опять собирались и бранили другъ друга, за напрасный страхъ.

Эти три сборища, шедшія вмѣстѣ—кавалерійское депо, депо плѣнныхъ и обозъ Жюно, — все еще составляли что то отдѣльное и цѣльное, хотя и то, и другое, и третье быстро таяло.

Въ депо, въ которомъ было 120 повозокъ сначала, теперь оставалось не больше 60-ти; остальныя были отбиты или брошены. Изъ обоза Жюно тоже было оставлено и отбито нѣсколько повозокъ. Три повозки были разграблены набѣжавшими отсталыми солдатами изъ корпуса Даву. Изъ разговоровъ нѣмцевъ, Пьеръ слышалъ, что къ этому обозу ставили караулъ больше чѣмъ къ плѣннымъ, и что одинъ изъ ихъ товарищей, солдатъ, нѣмецъ, былъ разстрѣленъ по приказанію самого маршала, за то, что у солдата нашли серебряную ложку, принадлежавшую маршалу.

Больше же всего изъ этихъ трехъ сборищъ растаяло депо плѣнныхъ. Изъ 330-ти человѣкъ, вышедшихъ изъ Москвы, теперь оставалось меньше ста. Плѣнные еще болѣе чѣмъ сѣдла кавалерійскаго депо и чѣмъ обозъ Жюно, тяготили конвоирующихъ солдатъ. Сѣдла и ложки Жюно они понимали, что могли на что нибудь пригодиться, но, для чего было голоднымъ и холоднымъ солдатамъ стоять на караулѣ и стеречь такихъ же холодныхъ и голодныхъ рус-

скихъ, которые мерли и отставали дорогой, которыхъ велѣно было пристрѣливать—это было нетолько непонятно, но и противно. И конвойные, какъ бы боясь въ томъ горестномъ положеніи, въ которомъ они сами находились, не отдаться бывшему въ нихъ чувству жалости къ плѣннымъ и тѣмъ ухудшить свое положеніе, особенно мрачно и строго обращались съ ними.

Въ Дорогобужѣ, въ то время, какъ заперѣвъ плѣнныхъ въ конюшню, конвойные солдаты ушли грабить свои же магазины, нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ солдатъ подкопались подъ стѣну и убѣжали; но были захвачены Французами и разстрѣляны.

Прежній введенный, при выходѣ изъ Москвы, порядокъ, чтобы плѣнные офицеры шли отдѣльно отъ солдатъ, уже давно былъ уничтоженъ; всѣ тѣ, которые могли идти, шли вмѣстѣ и Пьеръ съ третьяго перехода уже опять соединился съ Каратаевымъ и лиловой, кривоногой собакой, которая избрала себѣ хозяиномъ Каратаева.

Съ Каратаевымъ, на третій день выхода изъ Москвы, сдѣлалась та лихорадка, отъ которой онъ лежалъ въ Московскомъ гошпиталѣ и, по мѣрѣ того какъ Каратаевъ ослабѣвалъ, Пьеръ отдалялся отъ него. Пьеръ не зналъ отчего, но съ тѣхъ поръ, какъ Каратаевъ сталъ слабѣть, Пьеръ долженъ былъ дѣлать усиліе надъ собой, чтобы подойти къ нему. И подходя къ нему и слушая тѣ тихіе стоны, съ которыми Каратаевъ обыкновенно на привалахъ ложился и, чувствуя усилившійся теперь запахъ, который издавалъ отъ себя Каратаевъ, Пьеръ отходилъ отъ него подальше и не думалъ о немъ.

Въ плѣну, въ балаганѣ, Пьеръ узналъ не умомъ, а всѣмъ существомъ своимъ, жизнью, что человѣкъ сотворенъ для счастья, что счастье въ немъ самомъ, въ удовлетвореніи естественныхъ, человѣческихъ потребностей, и что все несчастье происходитъ не отъ недостатка, а отъ излишка;

но теперь, въ эти последнія три недели похода, онъ узналъ еще новую, утѣшительную истину — онъ узналъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего страшнаго. Онъ узналъ, что такъ какъ нѣтъ на свѣтѣ положенія, въ которомъ бы человѣкъ былъ счастливъ и вполнѣ свободенъ, такъ и нѣтъ положенія, въ которомъ бы онъ былъ бы несчастливъ и не-свободенъ. Онъ узналъ, что есть граница страданій и граница свободы и что эта граница очень близка; что тотъ человѣкъ, который страдалъ отъ того, что въ розовой постели его завернулся одинъ листокъ, точно также страдалъ, какъ страдалъ онъ теперь, засыпая на голой, сырой землѣ, остужая одну сторону и согрѣвая другую; что, когда онъ бывало надѣвалъ свои бальные, узкіе башмаки, онъ точно также страдалъ какъ и теперь, когда онъ шелъ уже босой совсѣмъ (обувь его давно растрепалась), ногами, покрытыми болячками. Онъ узналъ, что когда онъ, какъ ему казалось, по собственной своей волѣ, женился на своей женѣ, онъ былъ не болѣе свободенъ, чѣмъ теперь, когда его запирали на ночь въ конюшню. Изъ всего того, что потомъ и онъ называлъ страданіемъ, но которое тогда онъ почти не чувствовалъ, главное были босыя, стертыя, заструпѣлыя ноги. (Лошадиное мясо было вкусно и питательно, селитренный букетъ пороха, употребляемаго вмѣсто соли, былъ даже пріятенъ, холода большаго не было и днемъ, на ходу всегда бывало жарко, а ночью были костры; вши, ѣвшіе его, согрѣвали его тѣло). Одно было тяжело въ первое время—это ноги.

Во второй день перехода, осмотрѣвъ у костра свои болячки, Пьеръ думалъ невозможнымъ ступить на нихъ; но когда всѣ поднялись, онъ пошелъ прихрамывая и потомъ, когда разогрѣлся, пошелъ безъ боли, хотя къ вечеру страшнѣе еще было смотрѣть на ноги. Но онъ не смотрѣлъ на нихъ и думалъ о другомъ.

Теперь только Пьеръ понялъ всю силу жизненности человѣка и спасительную силу перемѣщенія, вниманія, вло-

женную въ человѣка, подобную тому спасительному клапану въ паровикахъ, который выпускаетъ лишній паръ, какъ только плотность его превышаетъ извѣстную норму.

Онъ не видалъ и не слыхалъ какъ пристрѣливали отсталыхъ плѣнныхъ, хотя болѣе сотни изъ нихъ уже погибли такимъ образомъ. Онъ не думалъ о Каратаевѣ, который слабѣлъ съ каждымъ днемъ и очевидно скоро долженъ былъ подвергнуться той же участи. Еще менѣе Пьеръ думалъ о себѣ. Чѣмъ труднѣе становилось его положеніе, чѣмъ страшнѣе была будущность, тѣмъ независимѣе отъ того положенія, въ которомъ онъ находился, приходили ему радостныя и успокоительныя мысли, воспоминанія и представленія.

XIII.

22-го числа, въ полдень, Пьеръ шелъ въ гору по грязной скользской дорогѣ, глядя на свои ноги и на неровности пути. Изрѣдка онъ взглядывалъ на знакомую толпу, окружающую его, и опять на свои ноги. И то и другое было одинаково свое и знакомое ему. Лиловый, кривоногій Сѣрый весело бѣжалъ стороной дороги, изрѣдка, въ доказательство своей ловкости и довольства, поджимая заднюю лапу и прыгая на трехъ и потомъ опять на всѣхъ четырехъ, бросаясь съ лаемъ на вороньевъ, которые сидѣли на падали. Сѣрый былъ веселѣе и глаже, чѣмъ въ Москвѣ. Со всѣхъ сторонъ лежало мясо различныхъ животныхъ—отъ человѣческаго до лошадинаго, въ различныхъ степеняхъ разложенія; и волковъ не подпускали шедшіе люди, такъ что Сѣрый могъ наѣдаться сколько угодно.

Дождикъ шелъ съ утра и казалось, что вотъ вотъ онъ пройдетъ и на небѣ расчиститъ, какъ вслѣдъ за непродолжительной остановкой припускалъ дождикъ еще сильнѣе.

Напитанная дождемъ дорога уже не принимала въ себя воды и ручьи текли по колеямъ.

Пьеръ шелъ оглядываясь по сторонамъ, считая шаги по три и загибалъ на пальцахъ. Обращаясь къ дождю, онъ внутренно приговаривалъ: ну ка, ну ка еще, еще наддай.

Ему казалось, что онъ ни о чемъ не думаетъ; но далеко и глубоко гдѣ-то, что-то важное и утѣшительное думала его душа. Это что-то было тончайшее духовное извлеченіе изъ вчерашняго его разговора съ Каратаевымъ.

Вчера, на ночномъ привалѣ, озябнувъ у потухшаго огня Пьеръ всталъ и перешелъ къ ближайшему, лучше горящему костру. У костра, къ которому онъ подошелъ, сидѣлъ Платонъ, укрывшись, какъ ризой, съ головой шинелью и разсказывалъ солдатамъ, своимъ спорымъ, пріятнымъ, но слабымъ, болѣзненнымъ голосомъ, знакомую Пьеру исторію. Было уже за полночь. Это было то время, въ которое Каратаевъ обыкновенно оживалъ отъ лихорадочнаго припадка и бывалъ особенно оживленъ. Подойдя къ костру и услыхавъ слабый, болѣзненный голосъ Платона, и увидавъ его ярко освѣщенное огнемъ жалкое лицо, Пьера что-то непріятно кольнуло въ сердце. Онъ испугался своей жалости къ этому человѣку, и хотѣлъ уйти, но другаго костра не было и Пьеръ, стараясь не глядѣть на Платона, подсѣлъ къ костру.

— Что, какъ твое здоровье? спросилъ онъ.

— Что здоровье? На болѣзнь плакаться—Богъ смерти не дастъ, сказалъ Каратаевъ, и тотчасъ же возвратился къ начатому разсказу.

— И вотъ, братецъ ты мой, продолжалъ Платонъ съ улыбкой на худомъ, блѣдномъ лицѣ, и съ особеннымъ, радостнымъ блескомъ въ глазахъ. — Вотъ, братецъ ты мой....

Пьеръ зналъ эту исторію давно, Каратаевъ разъ шесть ему одному разсказывалъ эту исторію и всегда съ особеннымъ радостнымъ чувствомъ. Но какъ ни хорошо зналъ Пьеръ

эту исторію, онъ теперь прислушался къ ней, какъ къ чему то новому и тотъ тихій восторгъ, который разсказывая, видимо испытывалъ Каратаевъ, сообщился и Пьеру. Исторія эта была о старомъ купцѣ, благообразно и богобоязненно жившемъ съ семьей и поѣхавшимъ однажды съ товарищемъ, богатымъ купцомъ къ Макарью.

Остановившись на постояломъ дворѣ, оба купца заснули и на другой день товарищъ купца былъ найденъ зарѣзаннымъ и ограбленнымъ. Окровавленный ножъ найденъ былъ подъ подушкой стараго купца. Купца судили, наказали кнутомъ, и выдернувъ ноздри—какъ слѣдуетъ по порядку,— говорилъ Каратаевъ,—сослали въ каторгу.

—«И вотъ, братецъ ты мой, (на этомъ мѣстѣ Пьеръ за-» «сталъ разсказъ Каратаева) проходитъ тому дѣлу годовъ» «десять или больше того. Живетъ старичокъ на каторгѣ.» «Какъ слѣдоваетъ покоряется, худаго не дѣлаетъ. Только у» «Бога смерти проситъ. — Хорошо. И соберись они, ноч-» «нымъ дѣломъ, каторжные-то, также вотъ какъ мы съ то-» «бой, и старичокъ съ ними. И зашелъ разговоръ, кто за» «что страдаетъ, въ чемъ Богу виноватъ. Стали сказывать,» «тотъ душу, загубилъ тотъ двѣ, тотъ поджогъ, тотъ бѣг-» «лый, такъ ни за что. Стали старичка спрашивать; ты за» «что молъ, дѣдушка, страдаешь? Я, братцы мои миленькіе,» «говоритъ, за свои, да за людскіе грѣхи страдаю. А я ни» «душъ ни губилъ, ни чужаго не бралъ, акромя что нищую» «братію одѣлялъ. Я, братцы мои миленькіе, купецъ; и богат-» «ство большое имѣлъ. Такъ и такъ, говоритъ. И разска-» «залъ имъ, значитъ, какъ все дѣло было по порядку. Я,» «говоритъ, о себѣ не тужу. Меня, значитъ, Богъ сыскалъ.» «Одно, говоритъ, мнѣ свою старуху и дѣтокъ жаль. И такъ» «то заплакалъ старичокъ. Случись въ ихъ кампаніи тотъ» «самый человѣкъ, значитъ, что купца убилъ. Гдѣ, гово-» «ритъ, дѣдушка, было? Когда, въ какомъ мѣсяцѣ? все рас-» «просилъ. Заболѣло у него сердце. Подходитъ такимъ мане-»

«ромъ къ старичку—хлопъ, въ ноги. За меня, ты, говоритъ,» «старичокъ, пропадаешь. Правда, истинная; безвинно на-» «прасно, говоритъ, ребятушки, человѣкъ этотъ мучится. Я,» «говоритъ, то самое дѣло сдѣлалъ и ножъ тебѣ подъ го-» «лова сонному подложилъ. Прости, говоритъ, дѣдушка меня» «ты ради Христа».

Каратаевъ замолчалъ, радостно улыбаясь, глядя на огонь и поправилъ полѣнья.

«Старичокъ и говоритъ: Богъ молъ тебя проститъ, а мы» «всѣ говоритъ, Богу грѣшны. Я за свои грѣхи страдаю, самъ» «заплакалъ горючьми слезьми. Что же думаешь, соколикъ,» все свѣтлѣе и свѣтлѣе, сіяя восторженной улыбкой, говорилъ Каратаевъ, какъ будто въ томъ, что онъ имѣлъ теперь разсказать, заключалась главная прелесть и все значеніе разсказа—«что же думаешь, соколикъ, объявился этотъ убійца» «самый по начальству. Я, говоритъ, шесть душъ загубилъ,» «(большой злодѣй былъ), но всего мнѣ жальче старичка этого.» «Пускай же онъ на меня не плачится. Объявился:» «списали, послали бумагу какъ слѣдоваетъ. Мѣсто дальнее,» «пока судъ да дѣло, пока всѣ бумаги списали какъ должно» «по начальствамъ значитъ. До Царя доходило. Пока что,» «пришелъ царскій указъ: выпустить купца, дать ему награж-» «денья сколько тамъ присудили—пришла бумага, стали ста-» «ричка разъискивать. Гдѣ такой старичокъ безвинно на-» «прасно страдалъ? Отъ Царя бумага вышла. Стали искать.» Нижняя челюсть Каратаева дрогнула. «А его ужъ Богъ» простилъ—померъ. Такъ-то соколикъ», закончилъ Каратаевъ и долго, молча, улыбаясь смотрѣлъ передъ собой.

Не самый разсказъ этотъ, но таинственный смыслъ его, та восторженная радость, которая сіяла въ лицѣ Каратаева при этомъ разсказѣ, таинственное значеніе этой радости, это-то смутно и радостно наполняло теперь душу Пьера.

XIV.

A vos places![1]) вдругъ закричалъ голосъ. Между плѣнными и конвойными произошло радостное смятеніе и ожиданіе чего то счастливаго и торжественнаго. Со всѣхъ сторонъ послышались крики команды и съ лѣвой стороны, рысью, объѣзжая плѣнныхъ, показались кавалеристы хорошо одѣтые, на хорошихъ лошадяхъ. На всѣхъ лицахъ было выраженіе напряженности, которая бываетъ у людей при близости высшихъ властей. Плѣнные сбились въ кучу, ихъ столкнули съ дороги; конвойные построились.

— L'Empereur! l'Empereur! Le maréchal. Le duc![2]) и только что проѣхали сытые конвойные, какъ прогремѣла карета цугомъ, на сѣрыхъ лошадяхъ. Пьеръ мелькомъ увидалъ спокойное, красивое, толстое и бѣлое лицо человѣка въ треугольной шляпѣ. Это былъ одинъ изъ Маршаловъ. Взглядъ Маршала обратился на крупную, замѣтную фигуру Пьера и въ томъ выраженіи, съ которымъ Маршалъ этотъ нахмурился и отвернулъ лицо, Пьеру показалось, состраданіе и желаніе скрыть его.

Генералъ, который велъ депо, съ краснымъ, испуганнымъ лицомъ, погоняя свою худую лошадь, скакалъ за каретой. Нѣсколько офицеровъ сошлось вмѣстѣ, солдаты окружили ихъ. У всѣхъ были взволнованно—напряженныя лица.

— Qu'est ce qu'il a dit? Qu'est ce qu'il a dit?....[3]) слышалъ Пьеръ.

Во время проѣзда Маршала, плѣнные сбились въ кучу и Пьеръ увидалъ Каратаева, котораго онъ не видалъ еще въ

---

[1]) По мѣстимъ.

[2]) Императоръ! Маршалъ! Герцогъ!

[3]) Что онъ сказалъ? Что? что?

нынѣшнее утро. Каратаевъ въ своей шинелькѣ сидѣлъ, прислонившись къ березѣ. Въ лицѣ его кромѣ выраженія вчерашняго родостнаго умиленія при разсказѣ о безвинномъ страданіи купца, свѣтилось еще выраженіе тихой торжественности.

Каратаевъ смотрѣлъ на Пьера, своими добрыми круглыми глазами, подернутыми теперь слезою и видимо подзывалъ его къ себѣ, хотѣлъ сказать что-то. Но Пьеру слишкомъ страшно было за себя. Онъ сдѣлалъ такъ, какъ будто не видалъ его взгляда и поспѣшно отошелъ.

Когда плѣнные опять тронулись, Пьеръ оглянулся назадъ. Каратаевъ сидѣлъ на краю дороги, у березы; и два Француза что то говорили надъ нимъ. Пьеръ не оглядывался больше. Онъ шелъ, прихрамывая въ гору.

Сзади, съ того мѣста, гдѣ сидѣлъ Каратаевъ, послышался выстрѣлъ. Пьеръ слышалъ явственно этотъ выстрѣлъ, но въ то же мгновеніе, какъ онъ услыхалъ его, Пьеръ вспомнилъ, что онъ не кончилъ еще начатое передъ проѣздомъ Маршала вычисленіе о томъ, сколько переходовъ оставалось до Смоленска. И онъ сталъ считать. Два французскіе солдата, изъ которыхъ одинъ держалъ въ рукѣ снятое, дымящееся ружье, пробѣжалъ мимо Пьера. Они оба были блѣдны и въ выраженіи ихъ лицъ —одинъ изъ нихъ робко взглянулъ на Пьера—было что-то похожее на то, что онъ видѣлъ въ молодомъ солдатѣ на казни. Пьеръ посмотрѣлъ на солдата и вспомнилъ о томъ, какъ этотъ солдатъ третьяго дня сжегъ, высушивая на кострѣ, свою рубаху и какъ смѣялись надъ нимъ.

Собака завыла сзади, съ того мѣста, гдѣ сидѣлъ Каратаевъ. «Экая дура, о чемъ она воетъ?» подумалъ Пьеръ.

Солдаты товарищи, шедшіе рядомъ съ Пьеромъ, не оглядывались также какъ и онъ на то мѣсто, съ котораго послышался выстрѣлъ и потомъ вой собаки; но строгое выраженіе лежало на всѣхъ лицахъ.

XV.

Депо, и плѣнные, и обозъ Маршала остановились въ деревнѣ Шамшевѣ. Все сбилось въ кучу у костровъ. Пьеръ подошелъ къ костру, поѣлъ жаренаго лошадинаго мяса, легъ спиной къ огню и тотчасъ же заснулъ. Онъ спалъ опять тѣмъ же сномъ, какимъ онъ спалъ въ Можайскѣ послѣ Бородина.

Опять событія дѣйствительности соединялись съ сновидѣніями, и опять кто-то, самъ ли онъ или кто другой, говорилъ ему мысли и даже тѣ же мысли, которыя ему говорились въ Можайскѣ.

— Жизнь есть все. Жизнь есть Богъ. Все перемѣщается и движется, и это движеніе есть Богъ. И пока есть жизнь, есть наслажденіе самосознанія Божества. Любить жизнь, любить Бога. Труднѣе и блаженнѣе всего любить эту жизнь въ своихъ страданіяхъ, въ безвинности страданій.

— Каратаевъ! вспомнилось Пьеру.

И вдругъ Пьеру представился какъ живой, давно забытый, кроткій старичокъ учитель, который въ Швейцаріи преподавалъ Пьеру Географію. — «Постой, сказалъ старичокъ.» И онъ показалъ Пьеру глобусъ? Глобусъ этотъ былъ живой, колеблющійся шаръ, неимѣющій размѣровъ. Вся поверхность шара состояла изъ капель, плотно сжатыхъ между собой. И капли эти всѣ двигались, перемѣщались и то сливались изъ нѣсколькихъ въ одну, то изъ одной раздѣлялись на многія. Каждая капля стремилась разлиться, захватить наибольшее пространство, но другія, стремясь къ тому же, сжимали ее, иногда уничтожали, иногда сливались съ нею.

— Вотъ жизнь, сказалъ старичокъ учитель.

Какъ это просто и ясно подумалъ Пьеръ. Какъ я могъ не знать этого прежде.

— Въ серединѣ Богъ, и каждая капля стремится расшириться, чтобы въ наибольшихъ размѣрахъ отражать Его. И ростетъ, и сливается и сжимается, и уничтожается на поверхности, уходитъ въ глубину и опять всплываетъ. Вотъ онъ Каратаевъ, вотъ разлился и исчезъ.—Vous avez compris mon enfant сказалъ учитель.

— Vous avez compris sacré nom,[1]) закричалъ голосъ, и Пьеръ проснулся.

Онъ приподнялся и сѣлъ. У костра, присѣвъ на корточкахъ, сидѣлъ Французъ, только что оттолкнувшій русскаго солдата и жарилъ надѣтое на шомполъ мясо. Жилистыя, засученныя обросшія волосами, красныя руки, съ короткими пальцами, ловко поворачивали шомполъ. Коричневое, мрачное лицо, съ насупленными бровями, ясно виднѣлось въ свѣтѣ угольевъ.

Ça lui èst bien egal, проворчалъ онъ быстро обращаясь къ солдату, стоявшему за нимъ.... brigand. Va![2]) И солдатъ, вертя шомполъ, мрачно взглянулъ на Пьера. Пьеръ отвернулся, вглядываясь въ тѣни. Одинъ русскій солдатъ плѣнный, тотъ, котораго оттолкнулъ Французъ, сидѣлъ у костра и трепалъ по чемъ-то рукой. Вглядѣвшись ближе, Пьеръ узналъ лиловую собаченку, которая, виляя хвостомъ, сидѣла подлѣ солдата.

— А, пришла? сказалъ Пьеръ. — А, Пла.... началъ онъ и не договорилъ. Въ его воображеніи вдругъ, одновременно, связываясь между собой, возникло воспоминаніе о взглядѣ, которымъ смотрѣлъ на него Платонъ, сидя подъ деревомъ, о выстрѣлѣ, слышанномъ на томъ мѣстѣ, о воѣ собаки, о преступныхъ лицахъ двухъ Французовъ, пробѣжавшихъ мимо его, о снятомъ дымящемся ружьѣ, объ отсутствіи Каратаева на этомъ привалѣ, и онъ готовъ уже

---

[1]) Вы поняли мое дитя. Вы поняли мое дитя....

[2]) Ему все равно разбойникъ! Право!

былъ понять, что Каратаевъ убитъ, но въ то же самое мгновенье въ его душѣ, взявшись Богъ знаетъ откуда, возникло воспоминаніе о вечерѣ, проведенномъ имъ, съ красавицей полькой, лѣтомъ, на балконѣ своего Кіевскаго дома. И все-таки, не связавъ воспоминаній нынѣшняго дня и не сдѣлавъ о нихъ вывода, Пьеръ закрылъ глаза и картина лѣтней природы смѣшалась съ воспоминаніемъ о купаньи, о жидкомъ колеблющемся шарѣ и онъ опустился куда-то въ воду, такъ что вода сошлась надъ его головой.

Передъ восходомъ солнца его разбудили громкіе, частые выстрѣлы и крики. Мимо Пьера пробѣжали Французы.

— Les cosaques![1]) прокричалъ одинъ изъ нихъ и черезъ минуту толпа русскихъ лицъ окружила Пьера.

Долго не могъ понять Пьеръ того, что съ нимъ было. Со всѣхъ сторонъ онъ слышалъ вопли радости товарищей.

— Братцы! Родимые мои, голубчики! плача кричали старые солдаты, обнимая казаковъ и гусаръ. Гусары и казаки окружали плѣнныхъ и торопливо предлагали кто платья, кто сапоги, кто хлѣба. Пьеръ рыдалъ сидя посреди ихъ и не могъ выговорить ни слова; онъ обнялъ перваго подошедшаго къ нему солдата и плача цѣловалъ его.

Долоховъ стоялъ у воротъ разваленнаго дома пропуская мимо себя толпу обезоруженныхъ, французовъ. Французы, взволнованные всѣмъ происшедшимъ, громко говорили между собой; но, проходя мимо Долохова, который слегка хлесталъ себя по сапогамъ нагайкой, и глядѣлъ на нихъ своимъ холоднымъ, стеклянным, ничего добраго не обѣщающимъ, взглядомъ, говоръ ихъ замолкалъ. Съ другой стороны стоялъ казакъ Долохова и считалъ плѣнныхъ, отмѣчая сотни чертой мела на воротахъ.

---

[1]) Казаки!

— Сколько? спросилъ Долоховъ у казака, считавшаго плѣнныхъ.

— На вторую сотню, отвѣчалъ казакъ.

— Filez, filez,[1]) приговаривалъ Долоховъ, выучившись этому выраженію у французовъ и встрѣчаясь глазами съ проходившими плѣнными, взглядъ его вспыхивалъ жестокимъ блескомъ.

Денисовъ съ мрачнымъ лицомъ, снявъ папаху, шелъ позади казаковъ, несшихъ къ вырытой въ саду ямѣ, тѣло Пети Ростова.

XVI.

Съ 28-го октября, когда начались морозы, бѣгство Французовъ получило только болѣе трагическій характеръ замерзающихъ и изжаривающихся на смерть у костровъ людей и продолжающихъ въ шубахъ и колясках ѣхать съ награбленнымъ добромъ Императора, королей и герцоговъ; но, въ сущности своей, процессъ бѣгства и разложенія французской арміи нисколько не измѣнился.

Отъ Москвы до Вязьмы изъ 73-хъ тысячной французской арміи, не считая гвардію (которая во всю войну ничего не дѣлала кромѣ грабежа) изъ 73-хъ арміи, осталось 36 тысячъ (изъ этого числа не болѣе пяти тысячъ выбыло въ сраженіяхъ). Вотъ первый членъ прогрессіи, которымъ, математически вѣрно, опредѣляются послѣдующіе. Французская армія, въ той же пропорціи таяла и уничтожалась отъ Москвы до Вязьмы, отъ Вязьмы до Смоленска, отъ Смоленска до Березины, отъ Березины до Вильно, независимо отъ большей или меньшей степени холода, преслѣдованія, загражденія пути и всѣхъ другихъ условій взятыхъ отдѣльно. Послѣ Вязьмы войска французскія вмѣсто трехъ колоннъ сбились въ одну кучу и такъ шли до конца. Бертье писалъ своему Государю, (извѣстно какъ отдаленно отъ истины позволяютъ себѣ начальники описывать положеніе арміи) онъ писалъ:

[1]) Проходите проходи.

«Je crois devoir faire connaître à Votre Majesté l'état de «ses troupes dans les différens corps d'armée que j'ai été à «même d'observer depuis deux ou trois jours dans différens «passages. Elles sont presque débandées. Le nombre des sol- «dats qui suivent les drapeaux est en proportion du quart «au plus dans presque tous les régiments, les autres mar- «chent isolément dans différentes directions et pour leur «compte, dans l'espérance de trouver des subsistances et «pour se débarrasser de la discipline. En général ils regar- «dent Smolensk comme le point où ils doivent se refaire. «Ces derniers jours on a remarqué que beaucoup de soldats «jettent leurs cartouches et leurs armes. Dans cet état de «choses, l'interêt du service de Votre Majesté exige, quelles «que soient ses vues ultérieures, qu'on rallie l'armée à Smolensk «en commençant à la débarasser des non-combattans, tels «que hommes demontés et des bagages inutiles et du maté- «riel de l'artillerie qui n'est plus en proportion avec les «forces actuelles. En outre les jours de repos, des subsistan- «ces sont nécissaires aux soldats qui sont exténués par la «faim et la fatigue; beaucoup sont morts ces derniers jours «sur la route et dans les bivacs. Cet état de choses va «toujours en augmentant et donne lieu de craindre que si l'on «n'y prête un prompt remède, on ne soit plus maître des «troupes dans un combat [1]). Le 9 Novembre, à 30 verstes «de Smolensk.»

[1]) «Долгомъ поставляю донести Вашему Величеству о состояніи кор- «пусовъ, осмотрѣнныхъ мною на маршѣ въ послѣдніе три дня. Они «почти въ совершенномъ разбродѣ. Только четвертая часть солдатъ «остается при знаменахъ; прочіе идутъ сами по себѣ разными на- «правленіями, стараясь сыскать пропитаніе и избавиться отъ служ- «бы. Всѣ думаютъ только о Смоленскѣ, гдѣ надѣятся отдохнуть. Въ «послѣдніе дни много солдатъ побросали патроны и ружья. Какія бы «ни были Ваши дальнѣйшія намѣренія, но польза службы Вашего «Величества требуетъ собрать корпуса въ Смоленскѣ и отдѣлить отъ «нихъ спѣшенныхъ кавалеристовъ, безоружныхъ, лишніе обозы и

Ввалившись въ Смоленскъ, представлявшійся имъ обѣтованной землей, Французы убивали другъ друга за провіантъ, ограбили свои же магазины и когда все было разграблено, побѣжали дальше.

Всѣ шли, сами не зная куда и зачѣмъ они идутъ. Еще менѣе другихъ зналъ это геній Наполеона, такъ какъ никто ему не приказывалъ. Но все таки онъ и его окружающіе соблюдали свои давнишнія привычки; писались приказы, письма, рапорты, ordre du jour, называли другъ друга: «Sire, Mon Cousin, Prince d'Ekmuhl, roi de Naples и т. д. Но приказы и рапорты были только на бумагѣ, ничто по нимъ не исполнялось, потому что не могло исполняться, и несмотря на именованіе другъ друга Величествами, Высочествами и двоюродными братьями, всѣ они чувствовали что они жалкіе и гадкіе люди, надѣлавшіе много зла, за которое теперь приходилось расплачиваться. И не смотря на то, что они притворялись будто заботятся объ арміи, они думали только каждый о себѣ и о томъ, какъ бы поскорѣе уйти и спастись.

XVII.

Дѣйствія русскаго и французскаго войскъ во время обратной кампаніи отъ Москвы и до Нѣмана подобны игрѣ въ жмурки, когда двумъ играющимъ завязываютъ глаза и одинъ изрѣдка звонитъ колокольчикомъ, чтобы увѣдомить о себѣ ловящаго. Сначала тотъ, кто ловитъ, звонитъ, не боясь непріятеля, но когда ему приходится плохо, онъ, стараясь

«часть артиллеріи, ибо она теперь не въ соразмѣрности съ числомъ «войскъ. Необходимо продовольствіе и нѣсколько дней покоя; сол«даты изнурены голодомъ и усталостью; многіе умерли на дорогѣ и «на бивакахъ. Такое бѣдственное положеніе безпрестанно усиливается «и заставляетъ опасаться, что если не будутъ приняты быстрыя «мѣры для предотвращанія зла, мы скоро не будемъ имѣть войска».

не слышно идти, убѣгаетъ отъ своего врага и, часто, думая убѣжать, идетъ прямо къ нему въ руки.

Сначала Наполеоновскія войска еще давали о себѣ знать— это было въ первый періодъ движенія по Калужской дорогѣ, но потомъ, выбравшись на Смоленскую дорогу, они побѣжали, прижимая рукой язычекъ колокольчика, и часто думая, что они уходятъ, набѣгали прямо на Русскихъ.

При быстротѣ бѣга Французовъ и за ними Русскихъ и вслѣдствіе того изнуренія лошадей, главное средство приблизительнаго узнаванія положенія, въ которомъ находится непріятель— разъѣзды кавалеріи, не существовало. Кромѣ того, вслѣдствіи частыхъ и быстрыхъ перемѣнъ положеній обѣихъ армій свѣдѣнія, какія и были, не могли поспѣвать во время. Если втораго числа приходило извѣстіе о томъ, что армія непріятеля была тамъ-то перваго числа, то третьяго числа, когда можно было предпринять что нибудь, уже армія эта сдѣлала два перехода и находилась совсѣмъ въ другомъ положеніи.

Одна армія бѣжала, другая догоняла. Отъ Смоленска Французамъ предстояло много различныхъ дорогъ; и казалось бы тутъ, простоявъ четыре дня, Французы могли бы узнать гдѣ непріятель, сообразить что нибудь выгодное и предпринять что нибудь новое. Но послѣ четырехдневной остановки, толпы ихъ опять побѣжали не вправо, не влѣво, но, безъ всякихъ маневровъ и соображеній, по старой, худшей дорогѣ, на Красное и Оршу—по пробитому слѣду.

Ожидая врага сзади, а не спереди, Французы бѣжали, растянувшись и раздѣлившись другъ отъ друга на 24 часа разстоянія. Впереди всѣхъ бѣжалъ Императоръ, потомъ короли, потомъ герцоги. Русская армія, думая, что Наполеонъ возьметъ вправо за Днѣпръ, что было одно разумно, подалась тоже вправо и вышла на большую дорогу къ Красному. И тутъ, какъ въ игрѣ въ жмурки, Французы наткнулись на нашъ авангардъ. Неожиданно увидавъ врага, Французы

смѣшались, пріостановились отъ неожиданности испуга, но потомъ опять побѣжали, бросая своихъ сзади слѣдовавшихъ товарищей. Тутъ, какъ сквозь строй русскихъ войскъ, проходили три дня, одна за одной, отдѣльныя части Французовъ, сначала Вице-короля, потомъ Даву, потомъ Нея. Всѣ они побросали другъ друга, побросали всѣ свои тяжести, артиллерію, половину народа, и убѣгали, только по ночамъ справа полукругами обходя русскихъ.

Ней, шедшій послѣднимъ (потому что, несмотря на несчастное ихъ положеніе или именно вслѣдствіе его, имъ хотѣлось побить тотъ полъ, который ушибъ ихъ, онъ занялся взрываніемъ никому не мѣшавшихъ стѣнъ Смоленска)—шедшій послѣднимъ, Ней, съ своимъ 10-ти тысячнымъ корпусомъ, прибѣжалъ въ Оршу къ Наполеону только съ тысячью человѣками, побросавъ и всѣхъ людей и всѣ пушки; и ночью, украдучись, пробравшись лѣсомъ черезъ Днѣпръ.

Отъ Орши побѣжали дальше по дорогѣ къ Вильно, точно также играя въ жмурки съ преслѣдующей арміей. На Березинѣ опять замѣшались, многіе потонули, многіе сдались, но тѣ, которые перебрались черезъ рѣку, побѣжали дальше. Главный начальникъ ихъ надѣлъ шубу и сѣвъ въ сани, поскакалъ одинъ, оставивъ своихъ товарищей. Кто могъ — уѣхалъ тоже, кто не могъ, — сдался или умеръ.

XVIII.

Казалось бы въ этой-то кампаніи бѣгства Французовъ, когда они дѣлали все то, что только можно было, чтобы погубить себя; когда ни въ одномъ движеніи этой толпы, начиная отъ поворота на Калужскую дорогу и до бѣгства начальника отъ арміи, не было ни малѣйшаго смысла,—казалось бы въ этотъ періодъ кампаніи, невозможно уже исто-

рикамъ приписывающимъ дѣйствія массъ волѣ одного человѣка, описывать это отступленіе въ ихъ смыслѣ. Но нѣтъ. Горы книгъ написаны историками объ этой кампаніи и вездѣ описаны распоряженія Наполеона и глубокомысленные его планы—маневры, руководившіе войскомъ и геніальныя распоряженія его маршаловъ.

Отступленіе отъ Мало-Ярославца тогда, когда ему даютъ дорогу въ обильный край, и когда ему открыта та паралельная дорога по которой потомъ преслѣдовалъ его Кутузовъ, ненужное отступленіе по раззоренной дорогѣ, объясняется намъ по разнымъ глубокомысленнымъ соображеніямъ. По такимъ же глубокомысленнымъ соображеніямъ описывается его отступленіе отъ Смоленска на Оршу. Потомъ описывается его геройство при Красномъ, гдѣ онъ будто бы готовится принять сраженіе и самъ командовать, и ходитъ съ березовой палкой и говоритъ:

— J'ai assez fait l'Empereur, il est temps de faire le général [1]),—и, несмотря на то, тотчасъ же послѣ этого, бѣжитъ дальше, оставляя на произволъ судьбы разрозненныя части арміи, находящіяся сзади.

Потомъ описываютъ намъ величіе души маршаловъ въ особенности Нея — величіе души состоящее въ томъ, что онъ ночью пробрался лѣсомъ въ обходъ черезъ Днѣпръ и безъ знаменъ и артиллеріи и безъ девяти десятыхъ войска прибѣжалъ въ Оршу.

И наконецъ послѣдній отъѣздъ Великаго Императора отъ геройской арміи представляется намъ историками какъ что-то великое и геніальное. Даже этотъ послѣдній поступокъ бѣгства, на языкѣ человѣческомъ, называемый послѣдней степенью подлости, которой учиться стыдится каждый ре-

---

[1]) Довольно уже я представлялъ Императора, теперь время быть Генераломъ.

бенокъ, и этотъ поступокъ на языкѣ историковъ получаетъ оправданіе.

Тогда, когда уже невозможно дальше растянуть столь эластичныя нити историческихъ разсужденій, когда дѣйствіе уже явно противно тому, что все человѣчество называетъ добромъ и даже справедливостью, является у историковъ спасительное понятіе о величіи. Величіе какъ будто исключаетъ возможность мѣры хорошаго и дурнаго. Для великаго—нѣтъ дурнаго. Нѣтъ ужаса, который бы могъ быть поставленъ въ вину тому, кто великъ.

— «C'est grand!» говорятъ историки, и тогда уже нѣтъ ни хорошаго, ни дурнаго, а есть «grand», и «не grand.» Grand—хорошо, не grand—дурно. Grand есть свойство, по ихъ понятіямъ, какихъ-то особенныхъ животныхъ, называемыхъ ими героями. И Наполеонъ, убираясь въ теплой шубѣ домой отъ гибнущихъ не только товарищей, но (по его мнѣнію) людей, имъ приведенныхъ, сюда чувствуетъ que c'est grand и душа его покойна.

Du sublime (онъ что-то sublime[1]) видитъ въ себѣ) au ridicule il n'y a qu'un pas[2]) говоритъ онъ. И весь міръ 50 лѣтъ повторяетъ: sublime! Grand! Napoléon le grand! Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas[3]).

И никому въ голову не придетъ, что признаніе величія, неизмѣримаго мѣрой хорошаго и дурнаго, есть только признаніе своей ничтожности и неизмѣримой малости.

Для насъ, съ данной намъ Христомъ мѣрой хорошаго и дурнаго, нѣтъ неизмѣримаго. И нѣтъ величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, добра и правды.

---

[1]) Отъ величественнаго до смѣшнаго только одинъ шагъ.

[2]) Величественное.

[3]) Величественное: Великое Наполеонъ Великій. Отъ величественнаго до смѣшнаго только шагъ.

XIX.

Кто изъ русскихъ людей, читая описанія послѣдняго періода кампаніи 1812 года, не испытывалъ тяжелаго чувства досады неудовлетворенности и неясности. Кто не задавалъ себѣ вопросовъ: какъ не забрали, не уничтожили всѣхъ Французовъ, когда всѣ три арміи окружали ихъ въ превосходящемъ числѣ, когда разстроенные Французы голодая и замерзая сдавались толпами и когда (какъ намъ разсказываетъ исторія) цѣль русскихъ состояла именно въ томъ, чтобы остановить, отрѣзать и забрать въ плѣнъ всѣхъ Французовъ.

Какимъ образомъ то Русское войско, которое, слабѣе числомъ Французовъ, дало Бородинское сраженіе, какимъ образомъ это войско, съ трехъ сторонъ окружавшее Французовъ и имѣвшее цѣлью ихъ забрать, не достигло своей цѣли? Неужели такое громадное преимущество передъ нами имѣютъ Французы, что мы съ превосходными силами, окруживъ не могли побить ихъ? Какимъ образомъ это могло случиться?

Исторія (та которая называется этимъ словомъ), отвѣчая на эти вопросы говоритъ, что это случилось оттого что Кутузовъ и Тормасовъ и Чичаговъ и тотъ-то, и тотъ-то, не сдѣлали такихъ-то и такихъ-то маневровъ.

Но отчего они не сдѣлали всѣхъ этихъ маневровъ? Отчего, ежели они были виноваты въ томъ, что не достигнута была предназначавшаяся цѣль,—отчего ихъ не судили и не казнили? Но, даже ежели и допустить, что виною *неудачи* Русскихъ были Кутузовъ и Чичаговъ и т., п. нельзя понять все-таки почему и въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находились русскія войска подъ Краснымъ и подъ Березиной, (въ обоихъ случаяхъ русскія были въ превосходныхъ силахъ) почему не взято

въ плѣнъ Французское войско съ маршалами королями и Императорами, когда въ этомъ состояла цѣль Русскихъ?

Объясненіе этого страннаго явленія тѣмъ, (какъ то дѣлаютъ Русскіе военные историки) что Кутузовъ помѣшалъ нападенію, неосновательно по тому, что мы знаемъ, что воля Кутузова не могла удержать войска отъ нападенія подъ Вязьмой и подъ Тарутинымъ.

Почему то Русское войско, которое съ слабѣйшими силами одержало побѣду подъ Бородинымъ, надъ непріятелями во всей его силѣ, подъ Краснымъ и подъ Березиной, въ превосходныхъ силахъ было побѣждено разстроенными толпами Французовъ?

Если цѣль русскихъ состояла въ томъ, чтобы отрѣзать и взять въ плѣнъ Наполеона и маршаловъ и цѣль эта не только не была достигнута, а всѣ попытки къ достиженію этой цѣли всякій разъ были разрушены самымъ постыднымъ образомъ, то послѣдній періодъ кампаніи совершенно справедливо представляется Французами рядомъ побѣдъ и совершенно несправедливо представляется Русскими историками побѣдоноснымъ.

Русскіе военные историки, настолько, насколько для нихъ обязательна логика, невольно приходятъ къ этому заключенію; и, не смотря на лирическія воззванія о мужествѣ и преданности и т. д., должны невольно признаться, что отступленіе Французовъ изъ Москвы есть рядъ побѣдъ Наполеона и пораженій Кутузова.

Но, оставивъ совершенно въ сторонѣ народное самолюбіе, чувствуется, что заключеніе это само въ себѣ заключаетъ противурѣчіе, такъ какъ рядъ побѣдъ Французовъ привелъ ихъ къ совершенному уничтоженію, а рядъ пораженій Русскихъ привелъ ихъ къ полному уничтоженію врага и очищенію своего отечества.

Источникъ этого противурѣчія лежитъ въ томъ, что историками, изучающими событія по письмамъ Государей и Ге-

нераловъ, по реляціямъ, рапортамъ, планамъ и т. п. предположена ложная, никогда не существовавшая цѣль послѣдняго періода войны 1812 года, цѣль будто бы состоявшая въ томъ чтобы отрѣзать и поймать Наполеона съ маршалами и арміей.

Цѣли этой никогда не было и не могло быть, потому что она не имѣла смысла, и достиженіе ея было совершенно невозможно.

Цѣль эта не имѣла никакого смысла во-первыхъ потому, что разстроенная армія Наполеона со всей возможной быстротой бѣжала изъ Россіи, т. е. исполняла то самое, что могъ желать всякій Русскій. Для чего же было дѣлать различныя операціи надъ Французами, которые бѣжали такъ быстро, какъ только они могли?

Во-вторыхъ, безсмысленно было становиться на дорогѣ людей, всю свою энергію направившихъ на бѣгство.

Въ третьихъ, безсмысленно было терять свои войска для уничтоженія Французскихъ армій, уничтожавшихся безъ внѣшнихъ причинъ въ такой прогрессіи, что безъ всякаго загораживанія пути, онѣ не могли перевести черезъ границу больше того, что они перевели въ декабрѣ мѣсяцѣ, т. е. одну сотую всего войска.

Въ четвертыхъ, безсмысленно было желаніе взять въ плѣнъ Императора, Королей, Герцоговъ,—людей, плѣнъ которыхъ въ высшей степени затруднилъ бы дѣйствія Русскихъ, какъ то признавали самые искусные дипломаты того времени (J. Maistre и другіе). Еще безсмысленнѣе было желаніе взять корпуса Французовъ, когда свои войска растаяли на половину до Краснаго, а къ корпусамъ плѣнныхъ надо было отдѣлять дивизіи конвоя, и когда свои солдаты не всегда получали полный провіантъ и забранные уже плѣнные мерли съ голода.

Весь глубокомысленный планъ о томъ, чтобы отрѣзать и поймать Наполеона съ арміей, былъ подобенъ тому плану огородника, который, выгоняя изъ огорода потоптавшую его

гряды скотину, забѣжалъ бы къ воротамъ и сталъ бы по головѣ бить эту скотину. Одно, что можно бы было сказать въ оправданіе огородника, было бы то, что онъ очень разсердился. Но это нельзя было даже сказать про составителей проэкта, потому что не они пострадали отъ потоптанныхъ грядъ.

Но кромѣ того, что отрѣзываніе Наполеона съ арміей было безсмысленно, оно было невозможно.

Невозможно это было во первыхъ потому что, такъ какъ изъ опыта видно, что движеніе колоннъ на пяти верстахъ въ одномъ сраженіи никогда не совпадаетъ съ планами; то вѣроятность того, чтобы Чичаговъ, Кутузовъ и Витгенштейнъ сошлись во-время въ назначенное мѣсто, была столь ничтожна, что она равнялась невозможности; какъ то и думалъ Кутузовъ, еще при полученіи плана, сказавшій, что диверсіи на большія разстоянія не приносятъ желаемыхъ результатовъ.

Во вторыхъ невозможно было потому что, для того, чтобы парализировать ту силу инерціи, съ которой двигалось назадъ войско Наполеона, надо было безъ сравненія большія войска, чѣмъ тѣ, которыя имѣли Русскіе.

Въ третьихъ невозможно это было потому, что военное слово отрѣзать не имѣетъ никакого смысла. Отрѣзать можно кусокъ хлѣба, но не армію. Отрѣзать армію—перегородить ей дорогу—никакъ нельзя, ибо мѣста кругомъ всегда много гдѣ можно обойти, и есть ночь, во время которой ничего не видно, въ чемъ могли бы убѣдиться военные ученые хоть изъ примѣровъ Краснаго и Березины. Взять же въ плѣнъ никакъ нельзя безъ того, чтобы тотъ, кого берутъ въ плѣнъ, на это не согласился, какъ нельзя поймать ласточку, хотя и можно взять ее, когда она сядетъ на руку. Взять въ плѣнъ можно того, кто сдается какъ Нѣмцы по правиламъ стратегіи и тактики. Но Французскія войска совершенно справедливо не находили

этого удобнымъ, такъ какъ одинаковая голодная и холодная смерть ожидала ихъ на бѣгствѣ и въ плѣну.

Въ четвертыхъ же и главное, это было невозможно потому, что никогда, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ міръ, не было войны при тѣхъ страшныхъ условіяхъ, при которыхъ она происходила въ 1812 году, и Русскія войска въ преслѣдованіи Французовъ напрягли всѣ свои силы и не могли сдѣлать бо̀льшаго не уничтожившись сами.

Въ движеніи Русской арміи отъ Тарутина до Краснаго выбыло пятьдесятъ тысячъ больными и отсталыми, т. е. число равное населенію большаго губернскаго города. Половина людей выбыла изъ арміи безъ сраженій.

И объ этомъ-то періодѣ кампаніи, когда войска безъ сапогъ и шубъ, съ неполнымъ провіантомъ, безъ водки, по мѣсяцамъ ночуютъ въ снѣгу и при 15-ти градусахъ мороза, когда дня только 7 и 8 часовъ, а остальное ночь, во время которой не можетъ быть вліянія дисциплины; когда, не такъ какъ въ сраженьи, на нѣсколько часовъ только люди вводятся въ область смерти, гдѣ уже нѣтъ дисциплины, а когда люди по мѣсяцамъ живутъ всякую минуту борясь съ смертью отъ голода и холода, когда въ мѣсяцъ погибаетъ половина арміи, — объ этомъ-то періодѣ кампаніи намъ разсказываютъ историки, какъ Милорадовичъ, долженъ былъ сдѣлать фланговый маршъ туда-то, а Тормасовъ туда-то, и какъ Чичаговъ долженъ былъ передвинуться туда-то (передвинуться выше колѣна въ снѣгу) и какъ тотъ опрокинулъ и отрѣзалъ, и т. д. и т. д.

Русскіе, умиравшіе на половину, сдѣлали все, что можно сдѣлать и должно было сдѣлать для достиженія достойной народа цѣли, и не виноваты въ томъ, что другіе русскіе люди, сидѣвшіе въ теплыхъ комнатахъ, предполагали сдѣлать то, что было невозможно.

Все это странное непонятное теперь противорѣчіе факта съ описаніемъ исторіи, происходитъ только оттого, что

историки, писавшіе объ этомъ событіи, писали исторію прекрасныхъ чувствъ и словъ разныхъ генераловъ, а не исторію событій.

Для нихъ кажутся очень занимательны слова Милорадовича, награды, которыя получилъ тотъ и этотъ Генералъ и ихъ предположенія; а вопросъ о тѣхъ 50,000, которыя остались по гошпиталямъ и могиламъ, даже не интересуетъ ихъ, потому что не подлежитъ ихъ изученію.

А между тѣмъ стоитъ только отвернуться отъ изученія рапортовъ и генеральныхъ плановъ, а вникнуть въ движеніе тѣхъ сотенъ тысячъ людей, принимавшихъ прямое непосредственное участіе въ событіи и всѣ, казавшіеся прежде неразрѣшимыми вопросы, вдругъ, съ необыкновенной легкостью и простотой получаютъ несомнѣнное разрѣшеніе.

Цѣль отрѣзыванія Наполеона съ арміей никогда не существовала, кромѣ какъ въ воображеніи десятка людей. Она не могла существовать, потому что она была безсмысленна и достиженіе ея было невозможно.

Цѣль народа была одна: очистить свою землю отъ нашествія. Цѣль эта достигалась во первыхъ сама собою, такъ какъ Французы бѣжали и потому слѣдовало только не останавливать это движеніе. Во вторыхъ цѣль эта достигалась дѣйствіями народной войны, уничтожавшей Французовъ, и въ третьихъ тѣмъ, что большая русская армія шла слѣдомъ за Французами, готовая употребить силу въ случаѣ остановки движенія Французовъ.

Русская армія должна была дѣйствовать какъ кнутъ на бѣгущее животное. И опытный погонщикъ зналъ, что самое выгодное держать кнутъ поднятымъ, угрожая имъ, а не по головѣ стегать бѣгущее животное.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Когда человѣкъ видитъ умирающее животное, ужасъ охватываетъ его: то, что есть, онъ самъ—сущность его, въ его глазахъ очевидно уничтожается—перестаетъ быть. Но когда умирающее есть человѣкъ и человѣкъ любимый—ощущаемый, тогда кромѣ ужаса передъ уничтоженіемъ жизни, чувствуется разрывъ и духовная рана, которая также какъ и рана физическая иногда убиваетъ, иногда залечивается, но всегда болитъ и боится внѣшняго раздражающаго прикосновенія.

Послѣ смерти князя Андрея, Наташа и княжна Марья одинаково чувствовали это. Онѣ нравственно согнувшись и зажмурившись, отъ грознаго нависшаго надъ ними облака смерти, не смѣли взглянуть въ лицо жизни. Онѣ осторожно берегли свои открытыя раны отъ оскорбительныхъ, болѣзненныхъ прикосновеній. Все: быстро проѣхавшій экипажъ по улицѣ, напоминаніе объ обѣдѣ, вопросъ дѣвушки о платьѣ, которое надо приготовить; еще хуже, слово неискренняго, слабаго участія болѣзненно раздражало рану, казалось оскорбленіемъ и нарушало ту необходимую тишину, въ которой онѣ обѣ старались прислушиваться къ незамолкшему еще въ ихъ воображеніи страшному, строгому хору и мѣшало вглядываться въ тѣ таинственныя безконечныя дали, которыя на мгновенье открылись передъ ними.

Только вдвоемъ имъ было не оскорбительно и не больно. Онѣ мало говорили между собой. Ежели онѣ говорили, то о самыхъ незначительныхъ предметахъ. И та, и другая

одинаково избѣгали упоминанія о чемъ-нибудь имѣющемъ отношеніе къ будущему.

Признавать возможность будущаго казалось имъ оскорбленіемъ его памяти. Еще осторожнѣе онѣ обходили въ своихъ разговорахъ все то, что могло имѣть отношеніе къ умершему. Имъ казалось, что то, что онѣ пережили и перечувствовали, не могло быть выражено словами. Имъ казалось, что всякое упоминаніе словами о подробностяхъ его жизни, нарушало величіе и святыню совершившагося въ ихъ глазахъ таинства.

Безпрестанныя воздержанія рѣчи, постоянное старательное обхожденіе всего того, что могло навести на слово о немъ: эти остановки съ разныхъ сторонъ на границѣ того, чего нельзя было говорить еще чище и яснѣе выставляли передъ ихъ воображеніемъ то, что онѣ чувствовали.

Но чистая, полная печаль также невозможна, какъ чистая и полная радость. Княжна Марья по своему положенію одной независимой хозяйки своей судьбы, опекунши и воспитательницы племянника, первая была вызвана жизнью изъ того міра печали, въ которомъ она жила первыя двѣ недѣли. Она получила письма отъ родныхъ, на которыя надо было отвѣчать; комната, въ которую помѣстили Николушку была сыра и онъ сталъ кашлять. Алпатычъ пріѣхалъ въ Ярославль съ отчетами о дѣлахъ и съ предложеніями и совѣтами переѣхать въ Москву во Вздвиженскій домъ, который остался цѣлъ и требовалъ только небольшихъ починокъ. Жизнь не останавливалась и надо было жить. Какъ ни тяжело было княжнѣ Марьѣ выдти изъ того міра уединеннаго созерцанія, въ которомъ она жила до сихъ поръ, какъ ни жалко и какъ будто совѣстно было покинуть Наташу одну; заботы жизни требовали ея участія и она невольно отдалась имъ. Она повѣряла счеты съ Алпатычемъ, совѣтовалась съ Десалемъ о племянникѣ и дѣлала распоряженія и приготовленія для своего переѣзда въ Москву.

Наташа оставалась одна и съ тѣхъ поръ какъ княжна Марья стала заниматься приготовленіями къ отъѣзду, избѣгала и ея.

Княжна Марья предложила графинѣ отпустить съ собой Наташу въ Москву, и мать и отецъ радостно согласились на это предложеніе, съ каждымъ днемъ замѣчая упадокъ физическихъ силъ дочери и полагая для нея полезнымъ и перемѣну мѣста, и помощь московскихъ врачей.

— Я никуда не поѣду, отвѣчала Наташа, когда ей сдѣлали это предложеніе, только пожалуйста оставьте меня, сказала она и выбѣжала изъ комнаты, съ трудомъ удерживая слезы, не столько горя, сколько досады и озлобленія.

Послѣ того какъ она почувствовала себя покинутой княжной Марьей и одинокой въ своемъ горѣ, Наташа большую часть времени, одна въ своей комнатѣ, сидѣла съ ногами въ углу дивана и что-нибудь разрывая или переминая своими тонкими, напряженными пальцами, упорнымъ неподвижнымъ взглядомъ смотрѣла на то, на чемъ останавливались глаза. Уединеніе это изнуряло, мучало ее; но оно было для нея необходимо. Какъ только кто-нибудь входилъ къ ней, она быстро вставала, измѣняла положеніе и выраженіе взгляда и бралась за книгу или шитье, очевидно съ нетерпѣніемъ ожидая ухода того кто помѣшалъ ей.

Ей все казалось, что она вотъ, вотъ сейчасъ пойметъ, проникнетъ то, на что съ страшнымъ, непосильнымъ ей вопросомъ устремленъ былъ ея душевный взглядъ.

Въ концѣ декабря, въ черномъ, шерстяномъ платьѣ, съ небрежно связанной пучкомъ косой, худая и блѣдная Наташа сидѣла съ ногами въ углу дивана напряженно комкая и распуская концы пояса и смотрѣла на уголъ двери.

Она смотрѣла туда, куда ушелъ онъ, на ту сторону жизни. И та сторона жизни, о которой она прежде никогда не думала, которая прежде ей казалась такою далекою невѣроятною, теперь была ей ближе и роднѣе, понятнѣе,

чѣмъ эта сторона жизни, въ которой все было или пустота и разрушеніе, или страданіе и оскорбленіе.

Она смотрѣла туда, гдѣ она знала, что былъ онъ; но она не могла его видѣть иначе какъ такимъ, какимъ онъ былъ здѣсь. Она видѣла его опя ь такимъ же, какимъ онъ былъ въ Мытищахъ, у Троицы, въ Ярославлѣ.

Она видѣла его лицо, слышала его голосъ и повторяла его слова и свои слова, сказанныя ему, и иногда придумывала за себя и за него новыя слова, которыя тогда могли бы быть сказаны.

Вотъ онъ лежитъ на креслѣ въ своей бархатной шубкѣ, облокотивъ голову на худую блѣдную руку. Грудь его страшно низка и плечи подняты. Губы твердо сжаты, глаза блестятъ и на блѣдномъ лбу вспрыгиваетъ и изчезаетъ морщина. Одна нога его чуть замѣтно быстро дрожитъ. Наташа знаетъ, что онъ борется съ мучительной болью. Что такое эта боль? Зачѣмъ боль? Что онъ чувствуетъ? Какъ у него болитъ? думаетъ Наташа. Онъ замѣтилъ ея вниманье, поднялъ глаза и не улыбаясь сталъ говорить.

— Одно ужасно, сказалъ онъ: это связать себя на вѣки съ страдающимъ человѣкомъ. Это вѣчное мученье. И онъ испытующимъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее. Наташа какъ и всегда отвѣтила тогда прежде чѣмъ успѣла подумать о томъ, что она отвѣчаетъ; она сказала: это не можетъ такъ продолжаться, этого не будетъ, вы будете здоровы—совсѣмъ.

Она теперь сначала видѣла его и переживала теперь все то, что она чувствовала тогда. Она вспомнила продолжительный грустный строгій взглядъ его при этихъ словахъ и поняла значеніе упрека и отчаянія этого продолжительнаго взгляда.

— Я согласилась, говорила себѣ теперь Наташа, что было бы ужасно, еслибы онъ остался всегда страдающимъ. Я сказала это тогда такъ только, потому что для него это было бы ужасно, а онъ понялъ это иначе. Онъ подумалъ,

что это *для меня* ужасно бы было. Онъ тогда еще хотѣлъ жить—боялся смерти. И я такъ грубо, глупо сказала ему. Я не думала этого. Я думала совсѣмъ другое. Если бы я сказала то, что думала, я бы сказала: пускай бы онъ умиралъ, все время умиралъ бы передъ моими глазами, я была бы счастлива въ сравненіи съ тѣмъ, что я теперь. Теперь... Ничего никого нѣтъ. Зналъ ли онъ это? Нѣтъ. Не зналъ и никогда не узнаетъ. И теперь никогда, никогда уже нельзя поправить этаго. И опять онъ говорилъ ей тѣ же слова, но теперь въ воображеніи своемъ Наташа отвѣчала ему иначе. Она останавливала его и говорила: ужасно для васъ, но не для меня. Вы знайте, что мнѣ безъ васъ нѣтъ ничего въ жизни, и страдать съ вами для меня лучшее счастіе. И онъ бралъ ея руку и жалъ ее такъ, какъ онъ жалъ ее въ тотъ страшный вечеръ, за четыре дня передъ смертью. И въ воображеніи своемъ она говорила ему еще другія нѣжныя любовныя рѣчи, которыя она могла бы сказать тогда, которыя она говорила теперь.—Я люблю тебя!... тебя.... люблю люблю.. . говорила она, судорожно сжимая руки, стискивая зубы съ ожесточеннымъ усиліемъ....

И сладкое горе охватывало ея и слезы ужь выступали въ глаза, но вдругъ она спрашивала себя: кому она говоритъ это? Гдѣ онъ *и кто* онъ теперь? И опять все застилалось сухимъ, жесткимъ недоумѣніемъ и опять, напряженно сдвинувъ брови, она вглядывалась туда, гдѣ онъ былъ. И вотъ, вотъ, ей казалось, она проникаетъ тайну.... Но въ ту минуту какъ ужь ей открывалось, казалось непонятное, громкій стукъ ручки замка двери болѣзненно поразилъ ея слухъ. Быстро и неосторожно съ испуганнымъ, незанятымъ ею выраженіемъ лица, въ комнату вошла горничная Дуняша.

— Пожалуйте къ папашѣ, скорѣе, сказала Дуняша съ особеннымъ и оживленнымъ выраженіемъ. — Несчастье, о Петрѣ Ильичѣ.... письмо всхлипнувъ проговорила она.

II.

Кромѣ общаго чувства отчужденія отъ всѣхъ людей, Наташа въ это время испытывала особенное чувство отчужденія отъ лицъ своей семьи. Всѣ свои: отецъ, мать, Соня, были такъ ей близки, привычны, такъ будничны, что всѣ ихъ слова, чувства, казались ей оскорбленіемъ того міра, въ которомъ она жила послѣднее время и она не только была равнодушна, но враждебно смотрѣла на нихъ. Она слышала слова Дуняши, о Петрѣ Ильичѣ, о несчастіи, но не поняла ихъ.

— Какое тамъ у нихъ несчастіе, какое можетъ быть несчастіе. У нихъ все свое старое, привычное и покойное, мысленно сказала Наташа.

Когда она вошла въ залу, отецъ быстро выходилъ изъ комнаты графини. Лицо его было сморщенно и мокро отъ слезъ. Онъ видимо выбѣжалъ изъ той комнаты, чтобы дать волю давившимъ его рыданіямъ. Увидавъ Наташу, онъ отчаянно взмахнулъ руками и разразился болѣзненно судорожными всхлипываніями, исказившими его круглое мягкое лицо.

— Пе... Петя... Поди, поди, она... она... зоветъ... И онъ, рыдая какъ дитя, быстро сѣменя ослабѣвшими ногами, подошелъ къ стулу и упалъ почти на него, закрывъ лицо руками.

Вдругъ какъ электрическій токъ пробѣжалъ по всему существу Наташи. Что-то страшно больно ударило ее въ сердце. Она почувствовала страшную боль; ей показалось, что что-то открывается въ ней и что она умираетъ. Но вслѣдъ за болью она почувствовала мгновенно освобожденіе отъ запрета жизни, лежавшаго на ней. Увидавъ отца и услыхавъ изъ за-двери страшный грубый крикъ матери, она мгновенно забыла себя и свое горе. — Она подбѣжала къ отцу, но онъ, безсильно махая рукой указывалъ на дверь матери. Княжна Марья, блѣдная, съ дрожащей нижней челюстью, вышла изъ двери и взяла Наташу за руку, говоря ей, что-то. Наташа не видѣла, не слышала ее. Она

быстрыми шагами вошла въ дверь, останавилась на мгновеніе, какъ бы въ борьбѣ съ самой собой, и подбѣжала къ матери.

Графиня лежала на креслѣ странно—неловко вытягиваясь и билась головой объ стѣну. Соня и дѣвушки держали ее за руки.

— Наташу, Наташу!... кричала графиня. Неправда, неправда... Онъ лжетъ... Наташу! кричала она, отталкивая отъ себя окружавшихъ.—Подите прочь всѣ, неправда! Убили!.. ха ха ха!... неправда!

Наташа стала колѣномъ на кресло, нагнулась надъ матерью, обняла ее съ неожиданной силой, подняла, повернула къ себѣ ея лицо и прижалась къ пей.

— Маменька!... голубчикъ!.... Я тутъ, другъ мой. Маменька, шептала она ей, пе замолкая ни на секунду.

Она не выпускала матери, нѣжно боролась съ ней, требовала подушки, воды, разстегивала и разрывала платье на матери.—Другъ мой, голубушка... Маменька—душенька, не переставая шептала она цѣлуя ея голову, руки, лицо и чувствуя какъ неудержимо ручьями, щекоча ей носъ и щеки текли ея слезы.

Графиня сжала руку дочери, закрыла глаза и затихла на мгновеніе. Вдругъ она съ непривычной быстротой поднялась, безсмысленно оглянулась и, увидавъ Наташу, стала изъ всѣхъ силъ сжимать ея голову. Потомъ она повернула къ себѣ ея морщившееся отъ боли лицо и долго вглядывалась въ него.—Наташа ты меня любишь, сказала она тихимъ довѣрчивымъ шепотомъ.—Наташа ты не обманешь меня? Ты мнѣ скажешь всю правду.

Наташа смотрѣла на нее налитыми слезами въ глазахъ и въ лицѣ ея была только мольба о прощеніи и любви.

— Другъ мой? маменька, повторяла она, напрягая всѣ силы своей любви на то, что какъ-нибудь снять съ нея на себя излишекъ давившаго ея горя.

И опять въ безсильной борьбѣ съ дѣйствительностью, мать отказываясь вѣрить въ то, что она могла жить, когда былъ убитъ цвѣтущій жизнью ея любимый мальчикъ, спасалась отъ дѣйствительности въ мірѣ безумія.

Наташа не помнила какъ прошелъ этотъ день, ночь, слѣдующій день и слѣдующая ночь. Она не спала и не отходила отъ матери. Любовь Наташи упорная терпѣливая, не какъ объясненіе, не какъ утѣшеніе, а какъ призывъ къ жизни, всякую секунду какъ будто со всѣхъ сторонъ обнимала графиню.—На третью ночь графиня затихла на нѣсколько минутъ и Наташа закрыла глаза, облокотивъ голову на ручку кресла. Кровать скрипнула, Наташа открыла глаза. Графиня сидѣла на кровати и тихо говорила.

— Какъ я рада, что ты пріѣхалъ. Ты усталъ, хочешь чаю? Наташа подошла къ ней. Ты похорошѣлъ и возмужалъ, продолжала графиня, взявъ дочь за руку.

— Маменька, что вы, говорите!...

— Наташа, его нѣтъ, нѣтъ больше. И, обнявъ дочь, въ первый разъ графиня начала плакать.

III.

Княжна Марья отложила свой отъѣздъ. Соня, графъ старались замѣнить Наташу, но не могли. Они видѣли, что она одна могла удерживать мать отъ безумнаго отчаянія. Три недѣли Наташа безвыходно жила при матери, спала на креслѣ въ ея комнатѣ, поила, кормила ее и, не переставая, говорила съ ней, говорила потому что одинъ нѣжный, ласкающій голосъ ея успокаивалъ графиню.

Душевная рана матери не могла залечиться. Смерть Пети оторвала половину ея жизни. Черезъ мѣсяцъ послѣ извѣстія о смерти Пети, заставшаго ее свѣжей и бодрой 50-ти лѣтней женщиной, она вышла изъ своей комнаты

полумертвой и не принимающей участія въ жизни—старухой. Но таже рана, которая на половину убила графиню, эта новая рана вызвала Наташу къ жизни.

Душевная рана, происходящая отъ разрыва духовнаго тѣла, точно также какъ и рана физическая, какъ ни странно это кажется, послѣ того какъ глубокая рана зажила и кажется сошедшейся своими краями, рана душевная какъ и физическая заживаетъ только изнутри, выпирающей силой жизни.

Также зажила рана Наташи. Она думала, что жизнь ея кончена. Но вдругъ любовь къ матери показала ей, что сущность ея жизни—любовь, еще жива въ ней. Проснулась любовь и проснулась жизнь.

Послѣдніе дни князя Андрея связали Наташу съ княжной Марьей. Новое несчастье еще болѣе сблизило ихъ. Княжна Марья отложила свой отъѣздъ и послѣднія три недѣли какъ за больнымъ ребенкомъ ухаживала за Наташей. Послѣднія недѣли, проведенныя Наташей въ комнатѣ матери надорвали ея физическія силы.

Однажды княжна Марья въ серединѣ дня замѣтивъ, что Наташа дрожитъ въ лихорадочномъ ознобѣ, увела ее къ себѣ и уложила на своей постелѣ. Наташа легла, но когда княжна Марья, опустивъ сторы, хотѣла выйти, Наташа подозвала ее къ себѣ.

— Мнѣ не хочется спать. Мари, посиди со мной.

— Ты устала—постарайся заснуть.

— Нѣтъ, нѣтъ. Зачѣмъ ты увела меня? Она спроситъ.

— Ей гораздо лучше. Она нынче такъ хорошо говорила, сказала княжна Марья.

Наташа лежала въ постели, и въ полутьмѣ комнаты разсматривала лицо княжны Марьи.

— Похожа она на него? думала Наташа.—Да, похожа и не похожа. Но она особенная, чужая, совсѣмъ новая, неизвѣстная. И она любитъ меня. Что у ней на душѣ? Все

доброе. Но какъ? Какъ она думаетъ? Какъ она на меня смотритъ? Да, она прекрасная.

— Маша, сказала она робко притянувъ къ себѣ ея руку.—Маша, ты не думай, что я дурная. Нѣтъ? Маша, голубушка. Какъ я тебя люблю. Будемъ совсѣмъ, совсѣмъ друзьями.

И Наташа обнимая стала цѣловать руки и лицо княжны Марьи. Княжна Марья стыдилась и радовалась этому выраженію чувствъ Наташи.

Съ этаго дня между княжной Марьей и Наташей установилась та страстная и нѣжная дружба, которая бываетъ только между женщинами.—Онѣ безпрестанно цѣловались, говорили другъ другу нѣжныя слова и большую часть времени проводили вмѣстѣ. Если одна выходила, то другая была бозпокойна и спѣшила присоединиться къ ней. Онѣ вдвоемъ чувствовали бо̀льшее согласіе между собой чѣмъ порознь, каждая сама съ собою. Между ними установилось чувство сильнѣйшее чѣмъ дружба: это было исключительное чувство возможности жизни только въ присутствіи другъ друга.

Иногда онѣ молчали цѣлые часы; иногда, уже лежа въ постеляхъ, онѣ начинали говорить и говорили до утра. Онѣ говорили большей частью о дальнемъ прошедшемъ. Княжна Марья разсказывала про свое дѣтство, про свою мать, про своего отца, про свои мечтанія; и Наташа прежде съ спокойнымъ непониманіемъ отворачивавшаяся отъ этой жизни преданности, покорности, отъ поэзіи христіанскаго самоотверженія, теперь чувствуя себя связанной любовью съ княжной Марьей, полюбила и прошедшее княжны Марьи и поняла непонятную ей прежде сторону жизни. Она не думала прилагать къ своей жизни, покорность и самоотверженіе, потому что она привыкла искать другихъ радостей, но она поняла и полюбила въ другой эту прежде непонятную ей добродѣтель. Для княжны Марьи слушавшей разсказы о дѣт-

ствѣ и первой молодости Наташи тоже открывалась прежде непонятная сторона жизни, вѣра въ жизнь, въ наслажденія жизни.

Онѣ все точно также никогда не говорили про *него*, съ тѣмъ чтобы не нарушать словами, какъ имъ казалось, той высоты чувства, которая была въ нихъ, а это умолчаніе о немъ дѣлало то, что понемногу не вѣря этому, онѣ забывали его.

Наташа похудѣла, поблѣднѣла и физически такъ стала слаба, что всѣ постоянно говорили о ея здоровьѣ, и ей это пріятно было. Но иногда на нее неожиданно находилъ нетолько страхъ смерти, но страхъ болѣзни, слабости, потери красоты и невольно она иногда внимательно разглядывала свою голую руку, удивляясь на ея худобу или заглядывалась по утрамъ въ зеркало на свое вытянувшееся жалкое, какъ ей казалось, лицо. Ей казалось, что это такъ должно быть и вмѣстѣ съ тѣмъ становилось страшно и грустно.

Одинъ разъ она скоро взошла наверхъ и тяжело запыхалась. Тотчасъ же невольно она придумала себѣ дѣло внизу и оттуда вбѣжала опять вверхъ, пробуя силы и наблюдая за собой.

Другой разъ она позвала Дуняшу и голосъ ея задребезжалъ. Она еще разъ кликнула ее, несмотря на то, что она слышала ея шаги,—кликнула тѣмъ груднымъ голосомъ, которымъ она пѣвала и прислушалась къ нему.

Она не знала этого, не повѣрила бы, но подъ казавшимся ей непроницаемымъ слоемъ ила застлавшимъ ея душу, уже пробивались тонкія, нѣжныя молодыя иглы травы, которыя должны были укорениться и такъ застлать своими жизненными побѣгами задавившее ея горе, что его скоро будетъ не видно и не замѣтно. Рана заживала изнутри.

Въ концѣ января княжна Марья уѣхала въ Москву и Графъ настоялъ на томъ, чтобы Наташа ѣхала съ нею, съ тѣмъ чтобы посовѣтоваться съ докторами.

IV.

Послѣ столкновенія при Вязьмѣ, гдѣ Кутузовъ не могъ удержать свои войска отъ желанія опрокинуть, отрѣзать и т. д., дальнѣйшее движеніе бѣжавшихъ Французовъ и за ними бѣжавшихъ русскихъ, до Краснаго, происходило безъ сраженій. Бѣгство было такъ быстро, что бѣжавшая за Французами, русская армія не могла поспѣвать за ними, что лошади въ кавалеріи и артиллеріи становились, и что свѣдѣнія о движеніи Французовъ были всегда невѣрны.

Люди русскаго войска были такъ измучены этимъ непрерывнымъ движеніемъ, по 40 верстъ въ сутки, что не могли двигаться быстрѣе.

Чтобы понять степень истощенія русской арміи, надо только ясно понять значеніе того факта, что потерявъ ранеными и убитыми во все время движенія отъ Тарутина не болѣе пяти тысячъ человѣкъ, не потерявъ сотни людей плѣнными, армія русская, вышедшая изъ Тарутина въ числѣ ста тысячъ, пришла къ Красному въ числѣ пятидесяти тысячъ.

Быстрое движеніе русскихъ за Французами дѣйствовало на русскую армію точно также разрушительно, какъ и бѣгство Французовъ. Разница была только въ томъ, что русская армія двигалась произвольно, безъ угрозы погибели, которая висѣла надъ французской арміей, и въ томъ, что отсталые больные у Французовъ — оставались въ рукахъ врага, а отсталые русскіе оставались у себя, дома. Главная причина уменьшенія арміи Наполеона была быстрота движенія, и несомнѣннымъ доказательствомъ тому служитъ соотвѣтственное уменьшеніе русскихъ войскъ.

Вся дѣятельность Кутузова, какъ это было подъ Тарутинымъ и подъ Вязьмой, была направлена только къ тому,

чтобы,—насколько то было въ его власти,—не останавливать этого гибельнаго для Французовъ движенія (какъ хотѣли въ Петербургѣ и въ арміи русскіе генералы), а содѣйствовать ему и облегчить движеніе своихъ войскъ.

Но, кромѣ того, со времени выказавшихся въ войскахъ утомленія и огромной убыли, происходившихъ отъ быстроты движенія, еще другая причина представлялась Кутузову для замедленія движенія войскъ и для выжиданія. Цѣль русскихъ войскъ была—слѣдованіе за Французами. Путь Французовъ былъ неизвѣстенъ, и потому, чѣмъ ближе слѣдовали наши войска по пятамъ Французовъ, тѣмъ больше они проходили разстоянія. Только слѣдуя въ нѣкоторомъ разстояніи, можно было, по кратчайшему пути, перерѣзывать зигзаги, которые дѣлали Французы. Всѣ искусные маневры, которые предлагали генералы, выражались въ передвиженіяхъ войскъ, въ увеличеніи переходовъ, а единственно разумная цѣль состояла въ томъ, чтобы уменьшить эти переходы. И къ этой цѣли, во всю кампанію отъ Москвы до Вильны, была направлена дѣятельность Кутузова—не случайно, не временно, но такъ послѣдовательно, что онъ ни разу не измѣнилъ ей.

Кутузовъ зналъ не умомъ, или наукой, а всѣмъ русскимъ существомъ своимъ, зналъ и чувствовалъ то, что чувствовалъ каждый русскій солдатъ, что Французы побѣждены, что враги бѣгутъ, и надо выпроводить ихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, за одно съ солдатами, всю тяжесть этого неслыханнаго по быстротѣ и времени года, похода.

Но генераламъ, въ особенности не русскимъ, желавшимъ отличиться, удивить кого-то, забрать въ плѣнъ для чего-то какого нибудь герцога или короля,—генераламъ этимъ казалось теперь, когда всякое сраженіе было и гадко и безсмысленно, имъ казалось, что теперь-то самое время давать сраженія и побѣждать кого-то. Кутузовъ только пожималъ плечами,

когда ему, одинъ за другимъ, представляли проэкты маневровъ съ тѣми дурно обутыми, безъ полушубковъ, полуголодными солдатами, которые въ одинъ мѣсяцъ, безъ сраженій, растаяли до половины и съ которыми, при наилучшихъ условіяхъ продолжающагося бѣгства, надо было пройдти до границы пространство больше того, которое было пройдено.

Въ особенности это стремленіе отличиться и маневрировать, опрокидывать и отрѣзывать, проявлялось тогда, когда русскія войска наталкивались на войска Французовъ.

Такъ это случилось подъ Краснымъ, гдѣ думали найти одну изъ трехъ колоннъ Французовъ и наткнулись на самаго Наполеона съ 16-ю тысячами. Несмотря на всѣ средства, употребленныя Кутузовымъ для того, чтобы избавиться отъ этого пагубнаго столкновенія и чтобы сберечь свои войска, три дня у Краснаго продолжалось добиваніе разбитыхъ сборищъ Французовъ, измученными людьми русской арміи.

Толь написалъ диспозицію: die erste Colonne marschirt и т. д. И, какъ всегда, сдѣлалось все не по диспозиціи. Принцъ Евгеній Виртембергскій разстрѣливалъ съ горы мимо бѣгущія толпы Французовъ и требовалъ подкрѣпленія, которое не приходило. Французы по ночамъ, обѣгая Русскихъ, разсыпались, прятались въ лѣса и пробирались, кто какъ могъ, дальше.

Милорадовичъ, который говорилъ, что онъ знать ничего не хочетъ о хозяйственныхъ дѣлахъ отряда, котораго никогда нельзя было найти, когда его было нужно, «chevalier sans peur et sans reproche»[1]), какъ онъ самъ называлъ себя, и охотникъ до разговоровъ съ Французами, посылалъ парламентеровъ, требуя сдачи, терялъ время и дѣлалъ не то, что ему приказывали.

---

[1]) Рыцарь безъ страха и упрека.

— Дарю вамъ, ребята, эту колонну, говорилъ онъ, подъѣзжая къ войскамъ и указывая кавалеристамъ на Французовъ. И кавалеристы на еле-двигающихся лошадяхъ, подгоняя ихъ шпорами и саблями, рысцой, послѣ сильныхъ напряженій, подъѣзжали къ подаренной колоннѣ, т. е. къ толпѣ обмороженныхъ, закоченѣвшихъ и голодныхъ Французовъ; и подаренная колонна кидала оружіе и сдавалась, чего ей уже давно хотѣлось.

Подъ Краснымъ взяли 26 тысячъ плѣнныхъ, сотни пушекъ, какую-то палку, которую называли маршальскимъ жезломъ и спорили о томъ, кто тамъ отличился, и были этимъ довольны, но очень сожалѣли о томъ, что не взяли Наполеона, или хоть какого нибудь героя, маршала и упрекали въ этомъ другъ друга и въ особенности Кутузова.

Люди эти, увлекаемые своими страстями, были слѣпыми исполнителями только самаго печальнаго закона необходимости; но они считали себя героями и воображали что то̀, что они дѣлали, было самое достойное и благородное дѣло. Они обвиняли Кутузова и говорили, что онъ съ самаго начала кампаніи мѣшалъ имъ побѣдить Наполеона, что онъ думаетъ только объ удовлетвореніи своихъ страстей и не хотѣлъ выходить изъ Полотняныхъ Заводовъ потому, что ему тамъ было покойно, что онъ подъ Краснымъ остановилъ движенье потому, что, узнавъ о присутствіи Наполеона, онъ совершенно потерялся, что можно предполагать, что онъ находится въ заговорѣ съ Наполеономъ, что онъ подкупленъ имъ [1], и т. д., и т. д.

Мало того, что современники, увлекаемые страстями, говорили такъ,—потомство и исторія признали Наполеона grand, а Кутузова—иностранцы—хитрымъ, развратнымъ, слабымъ придворнымъ старикомъ;—Русскіе—чѣмъ-то неопредѣленнымъ,—какой-то куклой, полезной только по своему русскому имени....

[1]) Записки Вильсона.

V.

Въ 12 и 13 годахъ Кутузова прямо обвиняли за ошибки. Государь былъ недоволенъ имъ. И въ исторіи, написанной недавно по высочайшему повелѣнію, сказано, что Кутузовъ былъ хитрый придворный лжецъ, боявшійся имени Наполеона и своими ошибками подъ Краснымъ и подъ Березиной, лишившій русскія войска славы—полной побѣды надъ Французами[1]).

Такова судьба не великихъ людей, не grand-homme, которыхъ не признаетъ русскій умъ, а судьба тѣхъ рѣдкихъ, всегда одинокихъ людей, которые, постигая волю Провидѣнія, подчиняютъ ей свою личную волю. Ненависть и презрѣніе толпы наказываютъ этихъ людей за прозрѣніе высшихъ законовъ.

Для русскихъ историковъ—странно и страшно сказать— Наполеонъ, — это ничтожнѣйшее орудіе исторіи, никогда и нигдѣ, даже въ изгнаніи, не выказавшій человѣческаго достоинства, Наполеонъ есть предметъ восхищенія и восторга; онъ grand. Кутузовъ же, тотъ человѣкъ, который отъ начала и до конца своей дѣятельности въ 1812 году, отъ Бородина и до Вильны, ни разу ни однимъ дѣйствіемъ, ни словомъ не измѣняя себѣ, являетъ необычайный въ исторіи примѣръ самоотверженія и сознанія въ настоящемъ будущаго значенія событія, Кутузовъ представляется имъ чѣмъ-то неопредѣленнымъ и жалкимъ, и говоря о Кутузовѣ и 12 годѣ, имъ всегда какъ будто немножко стыдно.

А между тѣмъ, трудно себѣ представить историческое лицо, дѣятельность котораго такъ неизмѣнно постоянно была бы направлена къ одной и той же цѣли. Трудно вообразить

---

[1]) Исторія 1812 года Богдановича: характеристика Кутузова и разсужденіе о неудовлетворительности результатовъ Красненскихъ сраженій.

себѣ цѣль болѣе достойную и болѣе совпадающую съ волею всего народа. Еще труднѣе найти другой примѣръ въ исторіи, гдѣ бы цѣль, которую поставило себѣ историческое лицо, была бы такъ совершенно достигнута, какъ та цѣль, къ достиженію которой была направлена вся дѣятельность Кутузова въ 12-мъ году.

Кутузовъ никогда не говорилъ о 40 вѣкахъ, которые смотрятъ съ пирамидъ, о жертвахъ, которыя онъ приноситъ отечеству, о томъ, что̀ онъ намѣренъ совершить или совершилъ: онъ вообще ничего не говорилъ о себѣ, не игралъ никакой роли, казался всегда самымъ простымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ и говорилъ самыя простыя и обыкновенныя вещи. Онъ писалъ письма своимъ дочерямъ и M-me Stahl, читалъ романы, любилъ общество красивыхъ женщинъ, шутилъ съ генералами, офицерами и солдатами и никогда не противорѣчилъ тѣмъ людямъ, которые хотѣли ему что нибудь доказывать. Когда графъ Ростопчинъ на Яузскомъ мосту подскакалъ къ Кутузову съ личными упреками о томъ, кто виноватъ въ погибели Москвы, и сказалъ:—«какже вы обѣщали не оставлять Москвы, не давъ сраженья?»—Кутузовъ отвѣчалъ: «Я и не оставлю Москвы безъ сраженія», несмотря на то, что Москва была уже оставлена. Когда пріѣхавшій къ нему отъ Государя Аракчеевъ сказалъ, что надо бы Ермолова назначить начальникомъ артиллеріи, Кутузовъ отвѣчалъ: «Да, я и самъ только что говорилъ это»,—хотя онъ за минуту говорилъ совсѣмъ другое. Какое дѣло было ему, одному понимавшему тогда весь громадный смыслъ событія, среди безтолковой толпы, окружавшей его, какое ему дѣло было до того, къ себѣ или къ нему отнесетъ графъ Ростопчинъ бѣдствіе столицы? Еще менѣе могло занимать его то, кого назначатъ начальникомъ артиллеріи.

Не только въ этихъ случаяхъ, но безпрестанно этотъ старый человѣкъ, дошедшій опытомъ жизни до убѣж-

денія въ томъ, что мысли и слова, служащія имъ выраженіемъ, не суть двигатели людей, говорилъ слова совершенно безсмысленныя,—первыя, которыя ему приходили въ голову.

Но этотъ самый человѣкъ, такъ пренебрегавшій своими словами, ни разу во всю свою дѣятельность не сказалъ ни одного слова, которое было бы не согласно съ той единственной цѣлью, къ достиженію которой онъ шелъ во время всей войны. Очевидно, невольно, съ тяжелой увѣренностью, что не поймутъ его, онъ неоднократно въ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ высказывалъ свою мысль. Начиная отъ Бородинскаго сраженья, съ котораго начался его разладъ съ окружающими, онъ одинъ говорилъ, что *Бородинское сраженіе есть побѣда,* и повторялъ это и изустно, и въ рапортахъ, и въ донесеніяхъ, до самой своей смерти. Онъ одинъ сказалъ, *что потеря Москвы не есть потеря Россіи.* Онъ въ отвѣтъ Лористону на предложенія о мирѣ отвѣчалъ, *что мира не можетъ быть, потому что такова воля народа;* онъ одинъ во время отступленія Французовъ говорилъ, что *всѣ наши маневры не нужны, что все сдѣлается само собою лучше, чѣмъ мы того желаемъ, что непріятелю надо дать золотой мостъ, что ни Тарутинское, ни Вяземское, ни Красненское сраженія не нужны, что съ чѣмъ нибудь надо придти на границу, что за десять Французовъ онъ не отдастъ одного Русскаго.*

И онъ одинъ, этотъ придворный человѣкъ, какъ намъ изображаютъ его, человѣкъ, который лжетъ Аракчееву съ цѣлью угодить Государю,—онъ одинъ, этотъ придворный человѣкъ, въ Вильно, тѣмъ заслуживая немилость Государя, говоритъ, что *дальнѣйшая война за границей вредна и безполезна.*

Но одни слова не доказали бы, что онъ тогда понималъ значеніе событія. Дѣйствія его — всѣ безъ малѣйшаго отступленія, всѣ направлены къ одной и той же цѣли, выражающейся въ трехъ дѣйствіяхъ: 1) напрячь всѣ свои

силы для столкновенія съ Французами, 2) побѣдить ихъ и 3) изгнать изъ Россіи, облегчая, на сколько возможно, бѣдствія народа и войска.

Онъ, тотъ медлитель Кутузовъ, котораго девизъ есть терпѣніе и время, врагъ рѣшительныхъ дѣйствій, онъ даетъ Бородинское сраженіе, облекая приготовленія къ нему въ безпримѣрную торжественность. Онъ, тотъ Кутузовъ, который въ Аустерлицкомъ сраженіи, прежде начала его, говоритъ, что оно будетъ проиграно, въ Бородинѣ, не смотря на увѣренія генераловъ, о томъ, что сраженіе проиграно, не смотря на неслыханный въ исторіи примѣръ того, что послѣ выиграннаго сраженія войско должно отступать, онъ одинъ, въ противность всѣмъ, до самой смерти утверждаетъ, что Бородинское сраженіе—побѣда. Онъ одинъ во все время отступленія настаиваетъ на томъ, чтобы не давать сраженій, которыя теперь безполезны, не начинать новой войны и не переходить границъ Россіи.

Теперь понять значеніе событія, если только не прилагать къ дѣятельности массъ, цѣлей, которыя были въ головѣ десятка людей, легко, такъ какъ все событіе съ его послѣдствіями лежитъ передъ нами.

Но какимъ образомъ тогда этотъ старый человѣкъ, одинъ въ противность мнѣнія всѣхъ, могъ угадать такъ вѣрно значеніе народнаго смысла событія, что ни разу во всю свою дѣятельность не измѣнилъ ему?

Источникъ этой необычайной силы прозрѣнія въ смыслъ совершающихся явленій, лежалъ въ томъ народномъ чувствѣ, которое онъ носилъ въ себѣ во всей чистотѣ и силѣ его.

Только признаніе въ немъ этого чувства заставило народъ такими странными путями, изъ въ немилости находящагося старика, выбрать его, противъ воли Царя, въ представители народной войны. И только это чувство поставило его на ту высшую человѣческую высоту, съ которой онъ, главнокомандующій, направлялъ всѣ свои силы,

не на то, чтобы убивать и истреблять людей, а на то, чтобы спасать и жалѣть ихъ.

Простая скромная, и потому истинно величественная фигура эта, не могла улечься въ ту лживую форму европейскаго героя, мнимо управляющаго людьми, которую придумала исторія.

Для лакея не можетъ быть великаго человѣка, потому—что у лакея свое понятіе о величіи.

VI.

5 ноября былъ первый день такъ называемаго Красненкаго сраженія. Передъ вечеромъ, когда уже послѣ многихъ споровъ и ошибокъ генераловъ, зашедшихъ не туда, куда надо; послѣ разсылокъ адъютантовъ, съ противу-приказаніями, когда уже стало ясно, что непріятель вездѣ бѣжитъ, и сраженія не можетъ быть и не будетъ, Кутузовъ выѣхалъ изъ Краснаго и поѣхалъ въ Доброе, куда была переведена въ нынѣшній день главная квартира.

День былъ ясный, морозный. Кутузовъ съ огромной свитой недовольныхъ имъ, шушукающихся за нимъ генераловъ, верхомъ на своей жирной, бѣлой лошадкѣ ѣхалъ къ Доброму. По всей дорогѣ толпились, отогрѣваясь у костровъ, партіи взятыхъ нынѣшній день, французскихъ плѣнныхъ, (ихъ взято было въ этотъ день 7 тысячъ). Недалеко отъ Добраго, огромная толпа оборванныхъ, обвязанныхъ и укутанныхъ чѣмъ попало плѣнныхъ гудѣла говоромъ, стоя на дорогѣ подлѣ длиннаго ряда отпряженныхъ французскихъ орудій. При приближеніи главнокомандующаго говоръ замолкъ, и всѣ глаза уставились на Кутузова, который въ своей бѣлой съ краснымъ околышемъ шапкѣ и ватной шинели, горбомъ сидѣвшей на его сутуловыхъ плечахъ, медленно подвигался по дорогѣ. Одинъ изъ генераловъ докладывалъ Кутузову, гдѣ взяты орудія и плѣнные.

Кутузовъ, казалось чѣмъ-то озабоченъ и не слышалъ

словъ генерала. Онъ недовольно щурился и внимательно и пристально вглядывался въ тѣ фигуры плѣнныхъ, которые представляли особенно жалкій видъ. Бо̀льшая часть лицъ французскихъ солдатъ были изуродованы отмороженными носами и щеками, и почти у всѣхъ были красные, распухшіе и гноившіеся глаза.

Одна кучка Французовъ стояла близко у дороги, и два солдата — лицо одного изъ нихъ было покрыто болячками,—разрывали руками кусокъ сыраго мяса. Что-то было страшное и животное въ томъ бѣгломъ взглядѣ, который они бросили на проѣзжавшихъ и въ томъ злобномъ выраженіи, съ которымъ солдатъ съ болячками, взглянувъ на Кутузова, тотчасъ же отвернулся и продолжалъ свое дѣло.

Кутузовъ долго внимательно поглядѣлъ на этихъ двухъ солдатъ; еще болѣе сморщившись, онъ прищурилъ глаза и раздумчиво покачалъ головой. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣтилъ русскаго солдата, который, смѣясь и трепля по плечу Француза, что-то ласково говорилъ ему. Кутузовъ опять съ тѣмъ же выраженіемъ покачалъ головой.

— Что ты говоришь? спросилъ онъ у генерала, продолжавшаго докладывать и обращавшаго вниманіе главнокомандующаго на французскія взятыя знамена, стоявшія передъ фронтомъ Преображенскаго полка.

— А знамена! сказалъ Кутузовъ, видимо съ трудомъ отрываясь отъ предмета, занимавшаго его мысли. Онъ разсѣянно оглянулся. Тысячи глазъ со всѣхъ сторонъ, ожидая его сло̀ва, смотрѣли на него.

Передъ Преображенскимъ полкомъ онъ остановился, тяжело вздохнулъ и закрылъ глаза. Кто-то изъ свиты махнулъ, чтобы державшіе знамена солдаты подошли и поставили ихъ древками знаменъ вокругъ главнокомандующаго. Кутузовъ помолчалъ нѣсколько секундъ и видимо неохотно, подчиняясь необходимости своего положенія, поднялъ голову и началъ говорить. Толпы офи-

церовъ окружили его. Онъ внимательнымъ взглядомъ обвелъ кружокъ офицеровъ, узнавъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

— Благодарю всѣхъ! сказалъ онъ, обращаясь къ солдатамъ и опять къ офицерамъ. Въ тишинѣ, воцарившейся вокругъ него, отчетливо слышны были его медленно выговариваемыя слова: — благодарю всѣхъ за трудную и вѣрную службу, Побѣда совершеная, и Россія не забудетъ васъ. Вамъ слава во вѣки! Онъ помолчалъ, оглядываясь.

— Нагни, нагни ему голову-то, сказалъ онъ солдату, державшему французскаго орла и нечаянно опустившему его передъ знаменемъ Преображенцевъ.—Пониже, пониже, такъ-то вотъ. Ура! ребята, быстрымъ движеніемъ подбородка, обратясь къ солдатамъ проговорилъ онъ.

Ура-ра-ра! заревѣли тысячи голосовъ.

Пока кричали солдаты, Кутузовъ, согнувшись на сѣдлѣ, склонилъ голову, и глазъ его засвѣтился кроткимъ, какъ будто насмѣшливымъ, блескомъ.

— Вотъ что братцы, сказалъ онъ, когда замолкли голоса..

И вдругъ голосъ и выраженіе лица его измѣнились: перересталъ говорить главнокомандующій, а заговорилъ простой, старый человѣкъ, очевидно что-то самое нужное желавшій сообщить теперь своимъ товарищамъ.

Въ толпѣ офицеровъ и въ рядахъ солдатъ произошло движеніе, чтобы яснѣе слышать то, что онъ скажетъ теперь.

— А вотъ что, братцы. Я знаю, трудно вамъ, да что же дѣлать! Потерпите; не долго осталось. Выпроводимъ гостей, отдохнемъ тогда. За службу вашу, васъ Царь не забудетъ. Вамъ трудно, да все же вы дома; а они—видите до чего они дошли, сказалъ онъ, указывая на плѣнныхъ. Хуже нищихъ послѣднихъ. Пока они были сильны, мы себя не жалѣли, а теперь ихъ и пожалѣть можно. Тоже и они люди. Такъ ребята?

Онъ смотрѣлъ вокругъ себя и въ упорныхъ почтительно недоумѣвающихъ, устремленныхъ на него взглядахъ онъ

читалъ сочувствіе своимъ словамъ: лицо его становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе отъ старческой кроткой улыбки, звѣздами морщившейся въ углахъ губъ и глазъ. Онъ помолчалъ и какъ бы въ недоумѣніи опустилъ голову.

— А и то сказать, кто же ихъ къ вамъ звалъ? По дѣломъ имъ, м...и...в.г....., вдругъ сказалъ онъ, поднявъ голову. И взмахнувъ ногайкой, онъ галопомъ, въ первый разъ во всю кампанію, поѣхалъ прочь отъ радостно хохотавшихъ и ревѣвшихъ ура, разстроивавшихъ ряды солдатъ.

Слова, сказанныя Кутузовымъ, едва ли были поняты войсками. Никто не съумѣлъ бы передать содержанія сначала торжественной и подъ конецъ простодушно-стариковской рѣчи фельдмаршала; но сердечный смыслъ этой рѣчи не только былъ понятъ, но то самое, то самое чувство величественнаго торжества въ соединеніи съ жалостью къ врагамъ и сознаніемъ своей правоты, выраженнаго атимъ, именно этимъ стариковскимъ, добродушнымъ ругательствомъ,—это самое чувство лежало въ душѣ каждаго солдата и выразилось радостнымъ долго неумолкавшимъ крикомъ. Когда послѣ этого одинъ изъ генераловъ съ вопросомъ о томъ, не прикажетъ ли главнокомандующій пріѣхать коляскѣ, обратился къ нему, Кутузовъ, отвѣчая, неожиданно всхлипнулъ, видимо находясь въ сильномъ волненіи.

VII.

8-го ноября послѣдній день Красненскихъ сраженій, уже смерклось, когда войска пришли на мѣсто ночлега. Весь день былъ тихій, морозный, съ падающимъ легкимъ, рѣдкимъ снѣгомъ; къ вечеру стало выясняться. Сквозь снѣжинки виднѣлось черно-лиловое звѣздное небо, и морозъ сталъ усиливаться.

Мушкатерскій полкъ, вышедшій изъ Тарутина въ числѣ 3000, теперь, въ числѣ 900 человѣкъ, пришелъ, однимъ изъ первыхъ, на назначенное мѣсто ночлега, въ деревнѣ на

большой дорогѣ Квартиргеры, встрѣтившіе полкъ, объявили, что всѣ избы заняты больными и мертвыми Французами, кавалеристами и штабами. Была только одна изба для полковаго командира.

Полковой командиръ подъѣхалъ къ своей избѣ. Полкъ прошелъ деревню и у крайнихъ избъ на дорогѣ поставилъ ружья въ козлы.

Какъ огромное, многочленное животное, полкъ принялся за работу устройства своего логовища и пищи. Одна часть солдатъ разбрелась, по колѣно въ снѣгу, въ березовый лѣсъ, бывшій вправо отъ деревни, и тотчасъ-же послышались въ лѣсу стукъ топоровъ, тесаковъ, трескъ ломающихся сучьевъ и веселые голоса; другая часть возилась около центра полковыхъ повозокъ и лошадей, поставленныхъ въ кучку, доставая котлы, сухари, и задавая кормъ лошадямъ; третья часть разсыпалась въ деревнѣ, устраивая помѣщенія штабнымъ, выбирая мертвыя тѣла Французовъ, лежавшія по избамъ и растаскивая доски, сухія дрова и солому съ крышъ для костровъ и плетни для защиты.

Человѣкъ пятнадцать солдатъ за избами, съ края деревни, съ веселымъ крикомъ раскачивали высокій плетень сарая, съ котораго снята уже была крыша.

— Ну, ну, разомъ, налегни! кричали голоса, и въ темнотѣ ночи раскачивалось съ морознымъ трескомъ огромное замороженное снѣгомъ полотно плетня. Чаще и чаще трещали нижніе колья, и наконецъ плетень завалился вмѣстѣ съ солдатами, напиравшими на него. Послышался громкій грубо-радостный крикъ и хохотъ.

— Берись по двое! рочагъ подавай сюда! вотъ такъ-то! Куда лѣзешь-то?

— Ну, разомъ... Да стой ребята!.. Съ накрика!

— Всѣ замолкли и негромкій бархатно-пріятный голосъ запѣлъ пѣсню. Въ концѣ третьей строфы, въ разъ съ окончаніемъ послѣдняго звука, двадцать голосовъ дружно вскрикнули: «уууу! Идетъ! Разомъ! Навались дѣтки!...»

но несмотря на дружныя усилія, плетень мало тронулся и въ установившемся молчаніи, слышалось тяжелое пыхтѣнье.

— Эй вы, шестой роты! Черти, дьяволы! Подсоби .. тоже мы пригодимся.

Шестой роты человѣкъ двадцать, шедшіе въ деревню, присоединились къ тащившимъ; и плетень, сажепей въ пять длины и въ сажень ширины, изогнувшись, надавя и рѣжа плечи, пыхтѣвшихъ солдатъ, двинулся впередъ по улицѣ деревни.

— Иди что-ли... Падай, эка... Чего ствлъ? То-то... Веселыя, безобразныя ругательства не замолкали.

— Вы чего? вдругъ послышался начальственный голосъ солдата, набѣжавшаго на несущихъ.

— Господа тутъ; въ избѣ самъ анаралъ, а вы, черти, дьяволы, матершинники. Я васъ! крикнулъ фельдфебель и съ размаха ударилъ въ спину перваго подвернувшагося солдата.—Развѣ тихо нельзя?

Солдаты замолкли. Солдатъ, котораго ударилъ фелдфебель, сталъ покряхтывая обтирать лицо, которое онъ въ кровь разодралъ наткнувшись на плетень.

— Вишь, чортъ, дерется какъ! Ажь всю морду раскровянилъ, сказалъ онъ робкимъ шопотомъ, когда отошелъ фельдфебель.—Али не любишь? сказалъ смѣющійся голосъ; и, умѣряя звуки голосовъ, солдаты пошли дальше. Выбравшись за деревню, они опять заговорили, также громко, пересыпая разговоръ тѣми же безцѣльными ругательствами.

Въ избѣ, мимо которой проходили солдаты, собралось высшее начвльство, и за чаемъ, шелъ оживленный разговоръ о прошедшемъ днѣ и предполагаемыхъ маневрахъ будущаго. Предполагалось сдѣлать фланговый маршъ влѣво, отрѣзать вице-короля и захватить его.

Когда солдаты притащили плетень, уже съ разныхъ сторонъ разгорвлись костры кухонь. Трещали дрова, таялъ снѣгъ, и черныя тѣни солдатъ туда и сюда сновали по всему занятому, притоптанному въ снѣгу, пространству.

Топоры, тесаки работали со всѣхъ сторонъ. Все дѣлалось безъ всякаго приказанія. Тащились дрова про запасъ ночи, пригораживались шалашики начальству, варились котелки, справлялись ружья и амуниція.

Притащенный плетень осьмой ротой поставленъ полукругомъ со стороны сѣвера, подпертъ сошками и передъ нимъ разложенъ костеръ. Пробили зарю, сдѣлали разсчетъ, поужинали и размѣстились на ночь у костровъ,— кто чиня обувь, кто куря трубку, кто до нага раздѣтый, выпаривая вшей.

VIII.

Казалось бы, что въ тѣхъ, почти невообразимо тяжелыхъ условіяхъ существованія, въ которыхъ находились въ то время русскіе солдаты—безъ теплыхъ сапогъ, безъ полушубковъ, безъ крыши надъ головой, въ снѣгу при 18° мороза, безъ полнаго даже количества провіанта, не всегда поспѣвавшаго за арміею, — казалось, солдаты должны бы были представлять самое печальное и унылое зрѣлище.

Напротивъ, никогда, въ самыхъ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ, войско не представляло болѣе веселаго, оживленнаго зрѣлища. Это происходило оттого, что каждый день выбрасывалось изъ войска все то, что начинало унывать, или слабѣть. Все, что было физически и нравственно слабаго, давно уже осталось назади: оставался одинъ цвѣтъ войска—по силѣ духа и тѣла.

Къ осьмой ротѣ, пригородившей плетень, собралось больше всего народа. Два фельдфебеля присѣли къ нимъ, и костеръ ихъ пылалъ ярче другихъ. Они требовали за право сидѣнья подъ плетнемъ, приношенія дровъ.

— Эй, Макѣевъ, чтожъ ты, ... запропалъ, или тебя волки съѣли? Неси дровъ-то, кричалъ одинъ краснорожій, рыжій солдатъ, щурившійся и мигавшій отъ дыма, но не отодвигавшійся отъ огня. — Поди хоть ты, ворона,

неси дровъ, обратился этотъ солдатъ къ другому. Рыжій былъ не унтеръ-офицеръ и не ефрейторъ, но былъ здоровый солдатъ, и потому повелѣвалъ тѣми, которые были слабѣе его. Худенькій, маленькій, съ вострымъ носикомъ, солдатъ, котораго назвали вороной, покорно всталъ и пошелъ было, исполнять приказаніе; но въ это время въ свѣтъ костра вступила уже тонкая красивая фигура молодаго солдата, несшаго беремя дровъ.

— Давай сюда. Во важно-то!

Дрова наломали, надавили, поддули ртами и полами шинелей, и пламя зашипѣло и затрещало. Солдаты, придвинувшись, закурили трубки. Молодой, красивый солдатъ, который притащилъ дрова, подперся руками въ бока и сталъ быстро и ловко топотать озябшими ногами на мѣстѣ!

— Ахъ, маменька, холодная роса, да хороша, да въ мушкатера.... Припѣвалъ онъ, какъ будто икая на каждомъ слогѣ пѣсни.

— Эй, подметки отлетятъ! крикнулъ рыжій, замѣтивъ, что у плясуна болталась подметка.—Экой ядъ плясать.

Плясунъ остановился, оторвалъ болтавшуюся кожу и бросилъ въ огонь.

— И то, братъ, сказалъ онъ; и сѣвъ, досталъ изъ ранца обрывокъ французскаго синяго сукна и сталъ обвертывать имъ ногу.—Съ пару зашлись, прибавилъ онъ, вытягивая ноги къ огню.

— Скоро новые отпустятъ. Говорятъ, перебьемъ до конца, тогда всѣмъ по двойному товару.

— А вишь, сукинъ сынъ Петровъ, отсталъ таки, сказалъ фельдфебель.

— Я его давно замѣчалъ, сказалъ другой.

— Да что, солдатенокъ.....

— А въ третьей ротѣ сказывали за вчерашній день девять человѣкъ не досчитали.

— Да, вотъ суди, какъ ноги match зазнобишь, куда пойдешь?

— Э пустое болтать! сказалъ фельдфебель.

— Али и тебѣ хочется того же, сказалъ старый солдатъ съ упрекомъ обращаясь къ тому который сказалъ, что ноги зазнобилъ.

— А ты что же думаешь, вдругъ приподнявшись изъ закостра, пискливымъ и дрожащимъ голосомъ заговорилъ востроносенькій солдатъ, котораго называли ворона.—Кто гладокъ, такъ похудаетъ, а худому смерть. Вотъ хоть бы я. Мочи моей нѣтъ, сказалъ онъ вдругъ рѣшительно, обращаясь къ фелдфебелю;—вели въ госпиталь отослать; ломота одолѣла; а то все одно отстанешь....

— Ну буде, буде, спокойно сказалъ фельдфебель.

Солдатикъ замолчалъ, и разговоръ продолжался.

— Нынче мало ли Французовъ этихъ побрали; а сапогъ, прямо сказать, ни на одномъ настоящихъ нѣтъ, такъ, одна названье. началъ одинъ изъ солдатъ новый разговоръ.

— Все казаки поразули. Чистили для полковника избу, выносили ихъ. Жалости смотрѣть, ребята, сказалъ плясунъ. Разворочали ихъ; такъ живой одинъ, вѣришь ли, лопочетъ что-то, по своему.

— А чистый народъ, ребята. сказалъ первый. Бѣлый, вотъ какъ береза бѣлый, и бравые есть, скажи, благородные.

— А ты думаешь какъ? У него отъ всѣхъ званій набраны.

— А ничего не знаютъ по нашему, съ улыбкой недоумѣнія сказалъ плясунъ. Я ему говорю: «чьей короны?» а онъ свое лопочетъ. Чудесный народъ!

— Вѣдь то мудрено, братцы мои, продолжалъ тотъ, который удивлялся ихъ бѣлизнѣ,—сказывали мужики подъ Можайскимъ, какъ стали убирать битыхъ, гдѣ страженья то была, такъ вѣдь что, говоритъ, почитай мѣсяцъ лежали мертвые ихніе-то. Чтожъ, говоритъ, лежитъ, говоритъ, ихній-то, какъ бумага бѣлый, чистый, ни синь пороха не пахнетъ.

— Чтожъ, отъ холода что-ль? спросилъ одинъ.

— Эка ты умный! Отъ холода! Жарко вѣдь было. Кабы

отъ стужи, такъ и наши бы тоже, не протухли. А то, говоритъ, подойдешь къ нашему, весь, говоритъ, прогнилъ въ червяхъ. Такъ, говоритъ, платками обвяжемся, да отворотя морду, и тащимъ: мочи нѣтъ. А ихній, говоритъ, какъ бумага бѣлый; ни синь пороха не пахнетъ.

Всѣ помолчали.

— Должнò отъ пищи, сказалъ фельдфебель,—господскую пищу жрали.

Никто не возражалъ.

— Сказывалъ мужикъ-то этотъ, подъ Можайскимъ, гдѣ страженья то была, ихъ съ десяти деревень согнали, 20 дёнъ возили, не свозили всѣхъ, мертвыхъ-то. Волкòвъ этихъ что, говоритъ.....

— Та страженье была настоящая, сказалъ старый солдатъ.—Только и было чѣмъ помянуть; а то все послѣ того....., Такъ только народу мученье.

— И то, дядюшка, позавчера набѣжали мы. Такъ куда те, до себя не допущаютъ. Живо ружья покидали. На колѣнки. Пардонъ—говоритъ. Такъ только примѣръ одинъ.—Сказывали самаго Поліона-то, Платовъ два раза бралъ. Слова не знаетъ.— Возьметъ, возьметъ: Вотъ на те, въ рукахъ, прикинется птицей, улетитъ да и улетитъ. И убить тоже нѣтъ положенья.

— Эка врать здоровъ ты, Киселевъ; посмотрю я на тебя.

— Какое врать, правда истинная.

— А кабы на мой обычай, я бы его изловимши, да въ землю бы закопалъ. Да осиновымъ коломъ. А то что народу загубилъ.

— Все одно конецъ сдѣлаемъ, не будетъ ходить,—зѣвая сказалъ старый солдатъ.

Разговоръ замолкъ, солдаты стали укладываться.

— Вишь звѣзды-то, страсть, такъ и говорятъ! Скажи, бабы холсты разложили, сказалъ солдатъ, любуясь на млечный путь.

— Это, ребята, къ урожайному году.

— Дровецъ-то еще надо будетъ.

— Спину погрѣешь, а брюха замерзла. Вотъ чуда.

— О, Господи!

— Что толкаешься-то—про тебя одиаго огонь что-ли? Вишь...... развалился.

Изъ-за устанавливающагося молчанія, послышался храпъ нѣкоторыхъ заснувшихъ; остальные поварачивались и грѣлись, изрѣдка переговариваясь. Отъ дальнаго, шаговъ за сто, костра послышался дружный, веселый хохотъ.

— Вишь грохочатъ въ пятой ротѣ, сказалъ одинъ солдатъ.—И народу что,—страсть!

— Одинъ солдатъ поднялся и пошелъ къ пятой ротѣ.

— То-то смѣху, сказалъ онъ, возвращаясь.—Два Француза пристали. Одинъ мерзлый вовсе, а другой такой куражный, бяда! Пѣсни играетъ.

— О-о? пойти посмотрѣть....—Нѣсколько солдатъ направились къ пятой ротѣ.

IX.

Пятая рота стояла подлѣ самаго лѣса. Огромный костеръ ярко горѣлъ, посреди снѣга, освѣщая отягченныя инеемъ вѣтви деревьевъ.

Въ серединѣ ночи, солдаты пятой роты услыхали въ лѣсу шаги по снѣгу и хряскъ сучьевъ.

— Ребята вѣдмедь, сказалъ одинъ солдатъ. Всѣ подняли головы; прислушались, и изъ лѣса, въ яркій свѣтъ костра, выступили двѣ, держащіяся другъ за друга человѣческія, странно одѣтыя фигуры.

Это были два, прятавшіеся въ лѣсу, Француза. Хрипло говоря что-то на непонятномъ солдатамъ языкѣ, они подошли къ костру. Одинъ былъ повыше ростомъ въ офицерской шляпѣ и казался совсѣмъ ослабѣвшимъ. Подойдя къ костру, онъ хотѣлъ сѣсть, но упалъ на землю. Другой ма-

ленькій, коренастый, обвязанный платкомъ по щекамъ, солдатъ былъ сильнѣе. Онъ поднялъ своего товарища и, указывая на свой ротъ, говорилъ что-то. Солдаты окружили Французовъ, подстелили больному шинель и обоимъ принесли каши и водки.

Ослабѣвшій французскій офицеръ былъ Рамбаль; повязанный платкомъ былъ его деньщикъ Морель.

Когда Морель выпилъ водки и доѣлъ котелокъ каши, онъ вдругъ болѣзненно развеселился и началъ, не переставая, говорить что-то, непонимавшимъ его солдатамъ. Рамбаль отказывался отъ ѣды и молча лежалъ на локтѣ у костра, безсмысленными красными глазами, глядя на русскихъ солдатъ. Изрѣдка онъ издавалъ протяжный стонъ и опять замолкалъ. Морель, показывая на плечи, внушалъ солдатамъ, что это былъ офицеръ, и что его надо отогрѣть. Офицеръ русскій, подошедшій къ костру, послалъ спросить у полковника, не возьметъ ли онъ къ себѣ отогрѣть французскаго офицера; и когда вернулись и сказали, что полковникъ велѣлъ привести офицера, Рамбалю передали, чтобы онъ шелъ. Онъ всталъ и хотѣлъ идти, но пошатнулся и упалъ бы, если бы подлѣ стоящій солдатъ не поддержалъ его.

— Что? Не будешь? насмѣшливо подмигнувъ, сказалъ одинъ солдатъ, обращаясь къ Рамбалю.

— Э, дуракъ! Что врешь нескладно. То-то мужикъ, право мужикъ, послышались съ разныхъ сторонъ упреки пошутившему солдату. Рамбаля окружили, подняли двое на руки, перехватившись ими, и понесли въ избу. Рамбаль обнялъ шеи солдатъ и когда его понесли, жалобно заговорилъ:

— Oh, mes braves, oh, mes bons, mes bons amis! Voilà des hommes! oh, mes braves, mes bons amis[1])! и какъ ребенокъ, головой склонился на плечо одному солдату.

---

[1]) О молодцы! О мои добрые, добрые друзья.

Между тѣмъ Морель сидѣлъ на лучшемъ мѣстѣ, окруженный солдатами.

Морель маленькій, коренастый Французъ, съ воспаленными, слезившимися глазами, обвязанный по бабьи платкомъ сверхъ фуражки, былъ одѣтъ въ женскую шубёнку. Онъ видимо захмѣлѣвъ, обнявши рукой солдата, сидѣвшаго подлѣ него, пѣлъ хриплымъ, перерывающимся голосомъ французскую пѣсню. Солдаты держались за бока, глядя на него.

— Ну-ка, ну-ка, научи, какъ? Я живо перейму.— Какъ?.... говорилъ шутникъ пѣсенникъ, котораго обнималъ Морель.

— Vive Henri quatre.

Vive ce roi vaillant! пропѣлъ Морель, подмигивая глазомъ. Ce diableà quatre....

— Виварика! Вифъ серувару! сидябляка.... повторилъ солдатъ, взмахнувъ рукой и дѣйствительно уловивъ напѣвъ.

— Вишь ловко! Го-го-го-го-го!.... поднялся съ разныхъ сторонъ грубый, радостный хохотъ. Морель сморщившись, смѣялся тоже.

— Ну, валяй еще, еще!

Qui eut le triple talent.

De boire, de battre.

Et d'être un vert galant....

— А вѣдь тоже складно.—Ну, ну, Залетаевъ!....

— Кю... съ усиліемъ выговорилъ Залетаевъ.—Кью-ю-ю... вытянулъ онъ, старательно оттопыривъ губы,—летриптала де бу де ба и детравагала, пропѣлъ онъ.

— Ай, важно! Вотъ такъ Хранцузъ! ой... го-го-го.— Чтожъ еще ѣсть хочешь?

— Дай ему каши-то; вѣдь не скоро наѣстся съ голоду-то.

Опять ему дали каши; и Морель, посмѣиваясь, принялся за третій котелокъ. Радостныя улыбки стояли на всѣхъ лицахъ молодыхъ солдатъ, смотрѣвшихъ на Мореля. Старые солдаты, считавшіе неприличнымъ заниматься такими пу-

стяками, лежали съ другой стороны костра, но изрѣдка, преподнимаясь на локтѣ, съ улыбкой взглядывали на Мореля.

— Тоже люди, сказалъ одинъ изъ нихъ, уворачиваясь въ шинель.—И полынь на своемъ кореню растетъ.

Оо! Господи, Господи! Какъ звѣздно, страсть! Къ морозу.... И все затихло.

Звѣзды, какъ будто зная, что теперь никто не увидитъ ихъ, разыгрались въ черномъ небѣ. То вспыхивая, то потухая, то вздрагивая, онѣ хлопотливо о чемъ-то радостномъ, но таинственномъ, перешептывались между собою.

X.

Войска французскія равномѣрно таяли въ математически-правильной прогрессіи. И тотъ переходъ черезъ Березину, про который такъ много было писано, была только одна изъ промежуточныхъ ступеней уничтоженія французской арміи, а вовсе не рѣшительный эпизодъ кампаніи. Ежели про Березину такъ много писали и пишутъ, то со стороны Французовъ, это произошло только потому, что на Березинскомъ прорванномъ мосту бѣдствія, претерпѣваемыя французской арміей прежде равномѣрно, здѣсь вдругъ сгруппировались въ одинъ моментъ, и въ одногитрагическое зрѣлище, которое у всѣхъ осталось въ памяти. Со стороны же Русскихъ такъ много говорили и писали про Березину только потому, что вдали отъ театра войны, въ Петербургѣ, былъ составленъ планъ (Пфулемъ же) поимки въ стратегическую западню Наполеона на рѣкѣ Березинѣ. Всѣ увѣрились, что все будетъ на дѣлѣ точно такъ, какъ въ планѣ и потому настаивали на томъ, что именно Березинская переправа погубила Французовъ. Въ сущности же результаты Березинской переправы были гораздо менѣе гибельны для Французовъ потерей орудій и плѣнныхъ, чѣмъ Красное, какъ то показываютъ цифры.

Единственное значеніе Березинской переправы заключается

въ томъ, что эта переправа очевидно и несомнѣнно доказала ложность всѣхъ плановъ отрѣзыванья и справедливость единственно возможнаго, требуемаго и Кутузовымъ и всѣми войсками (массой) образа дѣйствій,—только слѣдованія за непріятелемъ. Толпа Французовъ бѣжала съ постоянно усиливающейся силой быстроты, со всею энергіей направленной на достиженіе цѣли. Она бѣжала какъ раненый звѣрь, и нельзя ей было стать на дорогѣ. Это доказало нестолько устройство переправы, сколько движеніе на мостахъ. Когда мосты были прорваны, безоружные солдаты, московскіе жители, женщины съ дѣтьми, бывшіе въ обозѣ Французовъ, все подъ вліяніемъ силы инерціи не сдавалось, а бѣжало впередъ въ лодки, въ мерзлую воду.

Стремленіе это было разумно. Положеніе и бѣгущихъ и преслѣдующихъ было одинаково дурно. Оставаясь со своими, каждый въ бѣдствіи надѣялся на помощь товарища, на опредѣленное, занимаемое имъ мѣсто между своими. Отдавшись же Русскимъ, онъ былъ въ томъ же положеніи бѣдствія, но становился на низшую ступень въ раздѣлѣ удовлетворенія потребностей жизни. Французамъ не нужно было имѣть вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что половина плѣнныхъ, съ которыми не знали что дѣлать, несмотря на все желаніе Русскихъ спасти,— гибли отъ холода и голода; они чувствовали, что это не могло быть иначе. Самые жалостливые, русскіе начальники и охотники до Французовъ, Французы въ русской службѣ, не могли ничего сдѣлать для плѣнныхъ. Французовъ губило бѣдствіе, въ которомъ находилось русское войско. Нельзя было отнять хлѣбъ и платье у голодныхъ, нужныхъ солдатъ, чтобы отдать не вреднымъ, не ненавидимымъ, не виноватымъ, но просто не нужнымъ Французамъ. Нѣкоторые и дѣлали это; но это было только исключеніе.

Назади была вѣрная погибель; впереди была надежда.

Корабли были сожжены; не было другаго спасенія, кромѣ совокупнаго бѣгства, и на это совокупное бѣгство были устремлены всѣ силы Французовъ.

Чѣмъ дальше бѣжали Французы, чѣмъ жальче были ихъ остатки, въ особенности послѣ Березины, на которую, вслѣдствіе петербургскаго плана, возлагались особенныя надежды, тѣмъ сильнѣе разгорались страсти русскихъ начальниковъ, обвинявшихъ другъ друга и въ особенности Кутузова. Полагая, что неудача Березинскаго петербургскаго плана будетъ отнесена къ нему, недовольство имъ, презрѣніе къ нему и подтруниваніе надъ нимъ выражались сильнѣе и сильнѣе. Подтруниваніе и презрѣніе, само собой разумѣется, выражалось въ почтительной формѣ, въ той формѣ, въ которой Кутузовъ не могъ и спросить въ чемъ и за что его обвиняютъ. Съ нимъ не говорили серьезно; докладывая ему и спрашивая его разрѣшенія, дѣлали видъ исполненія печальнаго обряда, а за спиной его подмигивали и на каждомъ шагу старались его обманывать.

Всѣми этими людьми, именно потому, что они не могли понимать его, было признано, что со старикомъ говорить нечего; что онъ никогда не пойметъ всего глубокомыслія ихъ плановъ; что онъ будетъ отвѣчать свои фразы (имъ казалось, что это только фразы) о золотомъ мостѣ, о томъ, что за границу нельзя придти съ толпой бродягъ и т. п. Это все они уже слышали отъ него. И все, что онъ говорилъ: напримѣръ, то, что надо подождать провіантъ, что люди безъ сапогъ, все это было такъ просто, а все, что они предлагали было такъ сложно и умно, что очевидно было для нихъ, что онъ былъ глупъ и старъ, а они были не властные геніальные полководцы.

Въ особенности послѣ соединенія армій блестящаго адмирала и героя Петербурга Витгенштейна, это настроеніе и штабная сплетня дошли до высшихъ предѣловъ. Кутузовъ видѣлъ это и, вздыхая, пожималъ только плечами. Только одинъ разъ, послѣ Березины, онъ разсердился и на-

писалъ Бенигсену, доносившему отдѣльно государю,—слѣдующее письмо:

«По причинѣ болѣзненныхъ вашихъ припадковъ, извольте, ваше высокопревосходительство, съ полученія сего, отправиться въ Калугу, гдѣ и ожидайте дальнѣйшаго повелѣнія и назначенія отъ Его Императорскаго Величества».

Но вслѣдъ за отсылкой Бенигсена, къ арміи пріѣхалъ великій князь Константинъ Павловичъ, дѣлавшій начало кампаніи и удаленный изъ арміи Кутузовымъ. Теперь великій князь, пріѣхавъ къ арміи, сообщилъ Кутузову о неудовольствіи Государя Императора за слабые успѣхи нашихъ войскъ и за медленность движенія. — Государь Императоръ самъ на дняхъ, намѣревался прибыть къ арміи.

Старый человѣкъ столь же опытный въ придворномъ дѣлѣ, какъ и въ военномъ, тотъ Кутузовъ, который въ августѣ того же года былъ выбранъ главнокомандующимъ противъ воли Государя, тотъ который удалилъ Наслѣдника и великаго князя изъ арміи, тотъ, который своей властью, въ противность воли Государя предписалъ оставленіе Москвы, этотъ Кутузовъ теперь тотчасъ же понялъ, что время его кончено, что роль его сыграна и что этой мнимой власти у него уже нѣтъ больше. И не по однимъ придворнымъ отношеніямъ онъ понялъ это. Съ одной стороны онъ видѣлъ, что военное дѣло, то, въ которомъ онъ игралъ свою роль,—кончено, и чувствовалъ, что его призваніе исполнено. Съ другой стороны, онъ въ тоже самое время, сталъ чувствовать физическую усталость въ своемъ старомъ тѣлѣ и необходимость физическаго отдыха.

29 Ноября Кутузовъ въѣхалъ въ Вильно, — въ свою добрую Вильну, какъ онъ говорилъ. Два раза въ свою службу Кутузовъ былъ въ Вильнѣ Губернаторомъ. Въ богатой, уцѣлѣвшей Вильнѣ, кромѣ удобствъ жизни, которыхъ такъ давно уже онъ былъ лишенъ, Кутузовъ нашелъ старыхъ друзей и воспоминанія. И онъ, вдругъ отвер-

нувшись отъ всѣхъ военныхъ и государственныхъ заботъ, погрузился въ ровную привычную жизнь на столько, на сколько ему давали покоя страсти, кипѣвшія вокругъ него, какъ будто все, что совершалось теперь и имѣло совершиться въ историческомъ мірѣ, нисколько его не касалось.

Чичаговъ, одинъ изъ самыхъ страстныхъ отрѣзывателей и опрокидывателей, Чичаговъ, который хотѣлъ сначала сдѣлать диверсію въ Грецію, а потомъ въ Варшаву, но никакъ не хотѣлъ идти туда, куда ему было велѣно, Чичаговъ извѣстный своей смѣлостью рѣчи съ Государемъ, Чичаговъ, считавшій Кутузова собою облагодѣтельствованнымъ, потому что когда онъ былъ посланъ въ 11-мъ году для заключенія міра съ Турціей, помимо Кутузова, онъ, убѣдившись, что міръ уже заключенъ, призвалъ передъ Государемъ, что заслуга заключенія міра принадлежитъ Кутузову; этотъ-то Чичаговъ, первый, встрѣтилъ Кутузова въ Вильнѣ у зàмка, въ которомъ долженъ былъ остановиться Кутузовъ. Чичаговъ въ флотскомъ вицмундирѣ, съ кортикомъ, держа фуражку подъ мышкой, подалъ Кутузову строевой рапортъ и ключи отъ города. То презрительно-почтительное отношеніе молодежи къ выжившему изъ ума старику, выражалось въ высшей степени во всемъ обращеніи Чичагова, знавшаго уже обвиненія, взводимыя на Кутузова.

Разговаривая съ Чигаговымъ, Кутузовъ между прочимъ сказалъ ему, что отбитые у него въ Борисовѣ экипажи съ посудою цѣлы и будутъ возвращены ему.

— C'est pour me dire que je n'ai pas sur quoi manger... Je puis au contraire vous fournir de tout dans le cas même où vous voudrez donner des diners, [1]) вспыхнувъ проговорилъ Чичаговъ, каждымъ словомъ своимъ желавшій доказать свою правоту и потому предполагавшій что и Кутузовъ былъ

[1]) Вы хотите мнѣ сказать, что мнѣ не на чемъ ѣсть. Напротивъ могу вамъ служить всѣмъ, даже если бы вы захотѣли давать обѣды.

озабоченъ этимъ самымъ. Кутузовъ улыбнулся своей тонкой проницательной улыбкой и, пожавъ плечами, отвѣчалъ: ce n'est que pour vous dire ce que je vous dis[1]).

Въ Вильнѣ, Кутузовъ, въ противность волѣ Государя, остановилъ бо̀льшую часть войскъ. Кутузовъ, какъ говорили его приближенные, необыкновенно опустился и физически ослабѣлъ въ это свое пребываніе въ Вильнѣ. Онъ неохотно занимался дѣлами по арміи, предоставлялъ все своимъ генераламъ и, ожидая Государя, предавался разсѣянной жизни.

Выѣхавъ съ своей свитой—графомъ Толстымъ, княземъ Волконскимъ, Аракчеевымъ и другими, 7-го декабря, изъ Петербурга, Государь 11-го декабря пріѣхалъ въ Вильно и въ дорожныхъ саняхъ прямо подъѣхалъ къ за̀мку. У за̀мка, несмотря на сильный морозъ, стояло человѣкъ сто генераловъ и штабныхъ офицеровъ, въ полной парадной формѣ, и почетный караулъ Семеновскаго полка.

Курьеръ, подскакавшій къ за̀мку, на потной тройкѣ, впереди Государя, прокричалъ: «Ѣдетъ!» Коновницынъ бросился въ сѣни доложить Кутузову, дожидавшемуся въ маленькой швейцарской комнаткѣ.

Черезъ минуту толстая большая фигура старика, въ полной парадной формѣ, со всѣми регаліями, покрывавшими грудь, и подтянутымъ шарфомъ брюхомъ, перекачиваясь, вышла на крыльцо. Кутузовъ надѣлъ шляпу по фронту, взялъ въ руки перчатки, и бочкомъ, съ трудомъ переступая внизъ ступеней, сошелъ съ нихъ и взялъ въ руку приготовленный для подачи Государю, рапортъ.

Бѣготня, шопотъ, еще отчаянно пролетѣвшая тройка, и всѣ глаза устремились на подскакивающія сани, въ которыхъ уже видны были фигуры Государя и Волконскаго.

Все это по 50-ти-лѣтней привычкѣ физически тревожно подѣйствовало на стараго генерала; онъ озабоченно тороп-

[1]) Я хочу сказать то, что говорю.

ливо ощупалъ себя, поправилъ шляпу и въ разъ, въ ту минуту какъ Государь, выйдя изъ саней, поднялъ къ нему глаза, подбодрившись и вытянувшись подалъ рапортъ и сталъ говорить своимъ мѣрнымъ заискивающимъ голосомъ.

Государь быстрымъ взглядомъ окинулъ Кутузова съ головы до ногъ, на мгновенье нахмурился, но тотчасъ же, преодолѣвъ себя, подошелъ, и, разставивъ руки, обнялъ стараго генерала. Опять по старому, привычному впечатлѣнію и по отношенію къ задушевной мысли его, объятіе это какъ и обыкновенно подѣйствовало на Кутузова: онъ всхлипнулъ.

Государь поздорововался съ офицерами, съ Семеновскимъ карауломъ и, пожавъ еще разъ за руку старика, пошелъ съ нимъ, въ замокъ.

Оставшись на единѣ съ фельдмаршаломъ, Государь высказалъ ему свое неудовольствіе за медленность преслѣдованія, за ошибки въ Красномъ и на Березинѣ и сообщилъ свои соображенія о будущемъ походѣ за границу. Кутузовъ не дѣлалъ ни возраженій, ни замѣчаній. То самое покорное и безсмысленное выраженіе, съ которымъ онъ семь лѣтъ тому назадъ, выслушивалъ приказанія Государя на Аустерлицкомъ полѣ, установилось теперь на его лицѣ.

Когда Кутузовъ вышелъ изъ кабинета и своей тяжелой, ныряющей походкой, опустивъ голову, пошелъ по залѣ, чей-то голосъ остановилъ его.

— Ваша свѣтлость, сказалъ кто-то.

Кутузовъ поднялъ голову и долго смотрѣлъ въ глаза графу Толстому, который, съ какой-то маленькой вещицей на серебряномъ блюдѣ, стоялъ передъ нимъ. Кутузовъ, казалось, не понималъ, чего отъ него хотѣли.

Вдругъ онъ какъ будто вспомнилъ; чуть замѣтная улыбка мелькнула на его пухломъ лицѣ, и онъ, низко, почтительно наклонившись, взялъ предметъ, лежавшій на блюдѣ. Это былъ Георгій 1-й степени.

XII.

На другой день были у фельдмаршала обѣдъ и балъ, которые Государь удостоилъ своимъ присутствіемъ. Кутузову пожалованъ Георгій 1-й степени; Государь оказывалъ ему высочайшія почести; но неудовольствіе Государя противъ фельдмаршала было извѣстно каждому. Соблюдалось приличіе, и Государь показывалъ первый примѣръ этого; но всѣ знали, что старикъ виноватъ и никуда не годится. Когда на балѣ Кутузовъ, по старой Екатерининской привычкѣ, при входѣ Государя въ бальную залу, велѣлъ къ ногамъ его повергнуть взятыя знамена, Государь непріятно поморщился и проговорилъ слова̀, въ которыхъ нѣкоторые слышали: «старый комедіантъ».

Неудовольствіе Государя противъ Кутузова усилилось въ Вильнѣ въ особенности потому, что Кутузовъ очевидно не хотѣлъ или не могъ понимать значеніе предстоящей кампаніи.

Когда на другой день утромъ, Государь сказалъ собравшимся у него офицерамъ—«Вы спасли не одну Россію; вы спасли Европу»—всѣ уже тогда поняли, что война не кончена.

Одинъ Кутузовъ не хотѣлъ понимать этого и открыто говорилъ свое мнѣніе о томъ, что новая война не можетъ улучшить положеніе и увеличить славу Россіи; а только можетъ ухудшить ея положеніе и уменьшить ту высшую степень славы, на которой, по его мнѣнію, теперь стояла Россія. Онъ старался доказать Государю невозможность набранія новыхъ войскъ; говорилъ о тяжеломъ положеніи населеній, о возможности неудачъ и т. п.

При такомъ настроеніи, фельдмаршалъ естественно представлялся только помѣхой и тормазомъ предстоящей войны.

Для избѣжанія столкновеній со старикомъ, самъ собою нашелся выходъ, состоящій въ томъ, чтобы, какъ въ Аустерлицѣ и какъ въ началѣ кампаніи при Барклаѣ, вынуть изъ

подъ главнокомандующаго, не тревожа его, не объявляя ему о томъ, ту почву власти, на которой онъ стоялъ и перенести ее къ самому Государю.

Съ этою цѣлью понемногу переформировался штабъ, и вся существенная сила штаба Кутузова была уничтожена и перенесена къ Государю. Толь, Коновницынъ, Ермоловъ — получили другія назначенія. Всѣ громко говорили, что фельдмаршалъ сталъ очень слабъ и разстроенъ здоровьемъ.

Ему надо было быть слабымъ здоровьемъ, для того чтобы передать свое мѣсто тому, кто заступалъ его. И дѣйствительно здоровье его было слабо.

Какъ естественно, и просто, и постепенно явился Кутузовъ изъ Турціи въ казенную палату Петербурга собирать ополченіе и потомъ въ армію, именно тогда, когда онъ былъ необходимъ, точно также естественно, постепенно и просто теперь, когда роль Кутузова была сыграна, на мѣсто его явился новый, требовавшійся дѣятель.

Война 1812-го года кромѣ своего дорогаго русскому сердцу народнаго значенія, должна была имѣть другое—европейское.

Движенію народовъ съ запада на востокъ, должно было послѣдовать движеніе народовъ съ востока на западъ, и для этой новой войны нуженъ былъ новый дѣятель, имѣющій другія, чѣмъ Кутузовъ свойства, взгляды, движимый другими побужденіями.

Александръ первый, для движенія народовъ съ востока на западъ и для возстановленія границъ народовъ, былъ также необходимъ, какъ необходимъ былъ Кутузовъ для спасенія и славы Россіи.

Кутузовъ не понималъ того, что значило Европа, равновѣсіе, Наполеонъ. Онъ не могъ понимать этого. Представителю русскаго народа, послѣ того, какъ врагъ былъ уничтоженъ, Россія освобождена и поставлена на высшую степень своей славы, русскому человѣку, какъ Русскому, дѣ-

лать больше было нечего. Представителю народной войны ничего не оставалось, кромѣ смерти. И онъ умеръ.

XIII.

Пьеръ, какъ это бо́льшею частью бываетъ, почувствовалъ всю тяжесть физическихъ лишеній и напряженій, испытанныхъ въ плѣну, только тогда, когда эти напряженія и лишенія кончились. Послѣ своего освобожденія изъ плѣна онъ пріѣхалъ въ Орелъ, и на третій день своего пріѣзда, въ то время, какъ онъ собрался въ Кіевъ, заболѣлъ и пролежалъ въ Орлѣ три мѣсяца; съ нимъ сдѣлалась, какъ говорили доктора, желчная горячка. Не смотря на то, что доктора лѣчили его, пускали кровь и давали пить лѣкарства, онъ все таки выздоровѣлъ.

Все, что было съ Пьеромъ со времени освобожденія и до болѣзни, не оставило въ немъ почти никакого впечатлѣнія. Онъ помнилъ только сѣрую, мрачную, то дождливую, то снѣжную погоду, внутреннюю физическую тоску, боль въ ногахъ, въ боку; помнилъ общее впечатлѣніе несчастій, страданій людей; помнилъ тревожившее его любопытство офицеровъ, генераловъ, распрашивавшихъ его, свои хлопоты о томъ, чтобы найти экипажъ и лошадей, и главное, помнилъ свою неспособность мысли и чувства въ то время. Въ день своего освобожденія онъ видѣлъ трупъ Пети Ростова. Въ тотъ же день онъ узналъ что князь Андрей былъ живъ болѣе мѣсяца послѣ Бородинскаго сраженія и только недавно умеръ, въ Ярославлѣ, въ домѣ Ростовыхъ. Въ тотъ же день Денисовъ, сообщившій эту новость Пьеру, между разговоромъ, упомянулъ о смерти Эленъ, предполагая, что Пьеру это уже давно извѣстно. Все это Пьеру казалось тогда только странно. Онъ чувствовалъ, что не можетъ понять значенія всѣхъ этихъ извѣстій. Онъ тогда торопился только поскорѣе уѣхать изъ этихъ мѣстъ, гдѣ люди убивали другъ друга, въ какое нибудь тихое убѣ-

жище и тамъ опомниться, отдохнуть и обдумать все то странное и новое, что онъ узналъ за это время. Но какъ только онъ пріѣхалъ въ Орелъ, онъ заболѣлъ. Проснувшись отъ своей болѣзни, Пьеръ увидалъ вокругъ себя своихъ двухъ людей, пріѣхавшихъ изъ Москвы,—Терентія и Ваську и старшую княжну, которая, живя въ Ельцѣ, въ имѣніи Пьера и узнавъ о его освобожденіи и болѣзни, пріѣхала къ нему, чтобы ходить за нимъ.

Во время своего выздоровленія, Пьеръ только понемногу отвыкалъ отъ сдѣлавшихся привычными ему впечатлѣній послѣднихъ мѣсяцевъ, и привыкалъ къ тому, что его никто никуда не погонитъ завтра, что теплую постель его никто не отниметъ и что у него навѣрное будетъ обѣдъ, и чай, и ужинъ. Но во снѣ онъ еще долго видѣлъ себя все въ тѣхъ же условіяхъ плѣна. Также понемногу Пьеръ понималъ тѣ новости, которыя онъ узналъ послѣ своего выхода изъ плѣна: смерть князя Андрея, смерть жены, уничтоженіе Французовъ.

Радостное чувство свободы, — той полной, неотъемлемой, присущей человѣку свободы, сознаніе которой онъ въ первый разъ испыталъ на первомъ привалѣ, при выходѣ изъ Москвы, наполняло душу Пьера во время его выздоровленія. Онъ удивлялся тому, что эта внутренняя свобода, независимая отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, теперь какъ будто съ излишкомъ, съ роскошью обставлялась и внѣшней свободой. Онъ былъ одинъ въ чужомъ городѣ, безъ знакомыхъ. Никто отъ него ничего не требовалъ; никуда его не посылали. Все, что ему хотѣлось, было у него; вѣчно мучившей его прежде мысли о женѣ больше не было, такъ какъ и ея уже не было.

— Ахъ какъ хорошо! Какъ славно! говорилъ онъ себѣ, когда ему подвигали чисто накрытый столъ съ душистымъ бульономъ, или когда онъ на ночь ложился на мягкую чистую постель, или когда ему вспоминалось, что жены́ и Французовъ нѣтъ больше.—Ахъ какъ хорошо, какъ славно! И по старой привычкѣ онъ дѣлалъ себѣ вопросъ: ну а по-

томъ что? что я буду дѣлать? И тотчасъ же онъ отвѣчалъ себѣ: ничего. Буду жить. Ахъ какъ славно!

То самое, чѣмъ онъ прежде мучился, чего онъ искалъ постоянно, цѣли жизни, теперь для него не существовало. Эта искомая цѣль жизни теперь не случайно не существовала для него, только въ настоящую минуту, но онъ чувствовалъ, что ея нѣтъ и не можетъ быть. И это-то отсутствіе цѣли давало ему то полное, радостное сознаніе свободы, которое въ это время составляло его счастіе.

Онъ не могъ имѣть цѣли, потому-что онъ теперь имѣлъ вѣру, — не вѣру въ какія нибудь правила, или слова́, или мысли, но вѣру въ живаго, всегда ощущаемаго Бога. Прежде онъ искалъ Его въ цѣляхъ, которыя онъ ставилъ себѣ. Это исканіе цѣли было только исканіе Бога; и вдругъ онъ узналъ въ своемъ плѣну не словами, не разсужденіями, но непосредственнымъ чувствомъ, то, что́ ему давно ужъ говорила нянюшка: что Богъ вотъ Онъ, тутъ, вездѣ. Онъ въ плѣну узналъ, что Богъ въ Каратаевѣ болѣе великъ, безконеченъ и непостижимъ, чѣмъ въ признаваемомъ масонами Архитектонѣ вселенной. Онъ испытывалъ чувство человѣка, нашедшаго искомое у себя подъ ногами, тогда какъ онъ напрягалъ зрѣніе, глядя далеко отъ себя. Онъ всю жизнь свою смотрѣлъ туда куда-то, поверхъ головъ окружающихъ людей, а надо было не напрягать глазъ, а только смотрѣть передъ собой.

Онъ не умѣлъ видѣть прежде великаго, непостижимаго и безконечнаго ни въ чемъ. Онъ только чувствовалъ, что оно должно быть гдѣ-то и искалъ его. Во всемъ близкомъ, понятномъ, онъ видѣлъ одно ограниченное, мелкое, житейское, безмысленное. Онъ вооружался умственной зрительной трубой и смотрѣлъ въ даль, туда, гдѣ это мелкое житейское, скрываясь въ туманной дали, казалось ему великимъ и безконечнымъ, оттого только, что оно было не ясно видимо. Такимъ ему представлялась европейская жизнь, политика,

масонство, философія, филантропія. Но и тогда, въ тѣ минуты, которыя онъ считалъ своей слабостью, умъ его проникалъ и въ эту даль, и тамъ онъ видѣлъ тоже мелкое, житейское, безсмысленное. Теперь же онъ выучился видѣть великое, вѣчное и безконечное во всемъ, и потому естественно, чтобы видѣть его, чтобы наслаждаться его созерцаніемъ, онъ бросилъ трубу, въ которую смотрѣлъ до сихъ поръ черезъ головы людей, и радостно созерцалъ вокругъ себя вѣчно измѣняющуюся, вѣчно великую, непостижимую и безконечную жизнь. И чѣмъ ближе онъ смотрѣлъ, тѣмъ больше онъ былъ спокоенъ и счастливъ. Прежде разрушавшій всѣ его умственныя постройки, страшный вопросъ: зачѣмъ? теперь для него не существовалъ. Теперь на этотъ вопросъ—зачѣмъ? въ душѣ его всегда готовъ былъ простой отвѣтъ: затѣмъ, что есть Богъ, тотъ Богъ, безъ воли котораго не спадетъ волосъ съ головы человѣка.

XIV.

Пьеръ почти не измѣнился въ своихъ внѣшнихъ пріемахъ. На видъ онъ былъ точно такимъ-же, какимъ онъ былъ прежде. Также какъ и прежде, онъ былъ разсѣянъ и казался занятымъ не тѣмъ, что было передъ глазами, а чѣмъ-то своимъ, особеннымъ. Разница между прежнимъ и теперешнимъ его состояніемъ состояла въ томъ, что прежде, когда онъ забывалъ то, что было передъ нимъ, то, что ему говорили, онъ, страдальчески сморщивши лобъ, какъ будто пытался и не могъ разглядѣть чего-то, далеко отстоящаго отъ него. Теперь онъ также забывалъ то, что ему говорили и то, что было передъ нимъ; но теперь съ чуть замѣтной, какъ будто насмѣшливой, улыбкой онъ всматривался въ то самое, что было передъ нимъ, вслушивался въ то, что ему говорили, хотя очевидно видѣлъ и слышалъ

что-то совсѣмъ другое. Прежде онъ казался хотя и добрымъ человѣкомъ, но несчастнымъ; и потому невольно люди отдалялись отъ него. Теперь улыбка радости жизни постоянно играла около его рта, и въ глазахъ его свѣтилось участіе къ людямъ,—вопросъ: довольны ли они также какъ и онъ? И людямъ пріятво было въ его присутствіи.

Прежде онъ много говорилъ, горячился, когда говорилъ, и мало слушалъ; теперь онъ рѣдко увлекался разговоромъ и умѣлъ слушать такъ, что люди охотно высказывали ему свои самыя задушевныя тайны.

Княжна, никогда не любившая Пьера и питавшая къ нему особенно враждебное чувство съ тѣхъ поръ, какъ послѣ смерти стараго графа она чувствовала себя обязанной Пьеру, къ досадѣ и удивленію своему, послѣ коротка го пребыванія въ Орлѣ, куда она пріѣхала съ намѣреніемъ доказать Пьеру, что, несмотря на его неблагодарность, она считаетъ долгомъ ходить за нимъ, княжна скоро почувствовала, что она его любитъ. Пьеръ ничѣмъ не заискивалъ расположенія княжны. Онъ только съ любопытствомъ разсматривалъ ее. Прежде княжна чувствовала, что въ его взглядѣ на нее были равнодушіе и насмѣшка; и она, какъ и передъ другими людьми, сжималась передъ нимъ и выставляла только свою боевую сторону жизни; теперь, напротивъ, ова чувствовала, что онъ какъ будто докапывался до самыхъ задушевныхъ сторонъ ея жизни; и она сначала съ недовѣріемъ, а потомъ съ благодарностью высказывала ему затаенныя добрыя стороны своего характера.

Самый хитрый человѣкъ не могъ бы искуснѣе вкрасться въ довѣріе княжны, вызывая ея воспоминанія лучшаго времени молодости и выказывая къ нимъ сочувствіе. А между тѣмъ вся хитрость Пьера состояла только въ томъ, что онъ искалъ своего удовольствія, вызывая въ озлобленной, сухой, и по своему гордой, княжнѣ человѣческія чувства.

— Да, онъ очень, очень добрый человѣкъ, когда находится подъ вліяніемъ недурныхъ людей, а такихъ людей какъ я,—говорила себѣ княжна.

Перемѣна, происшедшая въ Пьерѣ была замѣчена по своему и его слугами — Терентіемъ и Васькой. Они находили что онъ много попростѣлъ. Терентій часто, раздѣвъ барина, съ сапогами и платьемъ въ рукѣ, пожелавъ покойной ночи, медлилъ уходить, ожидая, не вступитъ-ли баринъ въ разговоръ. И бо́льшей частью Пьеръ останавливалъ Терентья, замѣчая, что ему хочется поговорить.

—Ну, такъ скажи мнѣ.... да какже вы доставали себѣ ѣду? спрашивалъ онъ. И Терентій начиналъ разсказъ о Московскомъ раззореніи, о покойномъ графѣ и долго стоялъ съ платьемъ, разсказывая, а иногда слушая разсказы Пьера; и съ пріятнымъ сознаніемъ близости къ себѣ барина и дружелюбія къ нему, уходилъ въ переднюю.

Докторъ, лѣчившій Пьера и навѣщавшій его каждый день, несмотря на то, что по обязанности докторовъ, считалъ своимъ долгомъ имѣть видъ человѣка, каждая минута котораго драгоцѣнна для страждущаго человѣчества, засиживался часами у Пьера, разсказывая свои любимыя исторіи и наблюденія надъ нравами больныхъ вообще и въ особенности дамъ.

—Да, вотъ съ такимъ человѣкомъ поговорить пріятно, не то, что у насъ въ провинціи, говорилъ онъ.

Въ Орлѣ жило нѣсколько плѣнныхъ французскихъ офицеровъ, и докторъ привелъ одного изъ нихъ, молодаго, итальянскаго офицера.

Офицеръ этотъ сталъ ходить къ Пьеру, и княжна смѣялась надъ тѣми нѣжными чувствами, которыя выражалъ итальянецъ къ Пьеру.

Итальянецъ видимо былъ счастливъ только тогда, когда онъ могъ приходить къ Пьеру и разговаривать, и разсказывать ему про свое прошедшее, про свою домашнюю жизнь, про свою

любовь и изливать ему свое негодованіе на Французовъ и въ особенности на Наполеона.

— Ежели всѣ Русскіе хотя немного похожи на васъ, говорилъ онъ Пьеру, — c'est un sacrilège que de faire la guerre à un peuple comme le vôtre[1]). Вы, пострадавшіе столько отъ Французовъ, вы даже злобы не имѣете противъ нихъ.

И страстную любовь Итальянца Пьеръ теперь заслужилъ только тѣмъ, что онъ вызывалъ въ немъ лучшія стороны его души и любовался ими.

Послѣднее время пребыванія Пьера въ Орлѣ, къ нему пріѣхалъ его старый знакомый масонъ — графъ Вилларскій, — тотъ самый, который вводилъ его въ ложу въ 1807 году. Вилларскій былъ женатъ на богатой Русской, имѣвшей большія имѣнія въ Орловской губерніи, и занималъ въ городѣ временное мѣсто по продовольственной части.

Узнавъ что Безухой въ Орлѣ, Вилларскій, хотя и никогда не былъ коротко знакомъ съ нимъ, пріѣхалъ къ нему съ тѣми заявленіями дружбы и близости, которыя выражаютъ обыкновенно другъ другу люди, встрѣчаясь въ пустынѣ. Вилларскій скучалъ въ Орлѣ и былъ счастливъ, встрѣтивъ человѣка одного съ собой круга и съ одинаковыми, какъ онъ полагалъ, интересами.

Но къ удивленію своему, Вилларскій замѣтилъ скоро, что Пьеръ очень отсталъ отъ настоящей жизни и впалъ, какъ онъ самъ съ собою опредѣлялъ Пьера, въ апатію и эгоисмъ.

— Vous vous encroûtez, mon cher[2]), говорилъ онъ ему. Несмотря, на то, Вилларскому было теперь пріятнѣе съ Пьеромъ чѣмъ прежде, и онъ каждый день бывалъ у него. Пьеру же, глядя на Вилларскаго и слушая его теперь,

---

[1]) Это кощунство воевать съ такимъ народомъ, какъ вы.

[2]) Вы запускаетесь, мой милый.

странно и невѣроятно было думать, что онъ самъ очень недавно былъ такой же.

Вилларскій былъ женатый, семейный человѣкъ, занятый и дѣлами имѣнія жены, и службой, и семьей. Онъ считалъ, что всѣ эти занятія суть помѣха въ жизни и что всѣ они презрѣнны, потому что имѣютъ цѣлью личное благо его и семьи. Военныя, административныя, политическія, масонскія соображенія постоянно поглощали его вниманіе. И Пьеръ не стараясь измѣнить его взглядъ, не осуждая его, съ своей теперь постоянно тихой, радостной насмѣшкой, любовался на это странное, столь знакомое ему явленіе.

Въ отношеніяхъ своихъ съ Вилларскимъ, съ княжною, съ докторомъ, со всѣми людьми, съ которыми онъ встрѣчался теперь, въ Пьерѣ была новая черта, заслуживавшая ему расположеніе всѣхъ людей: — это признаніе возможности каждаго человѣка думать, чувствовать и смотрѣть на вещи по своему; признаніе невозможности словами разубѣдить человѣка. Эта законная особенность каждаго человѣка, которая прежде волновала и раздражала Пьера, теперь составляла основу участія и интереса, которые онъ принималъ въ людяхъ. Различіе, иногда совершенное противорѣчіе взглядовъ людей съ своею жизнью и между собою, радовало Пьера и вызывало въ немъ насмѣшливую и кроткую улыбку.

Въ практическихъ дѣлахъ Пьеръ неожиданно теперь почувствовалъ, что у него былъ центръ тяжести, котораго не было прежде. Прежде каждый денежный вопросъ, въ особенности просьбы о деньгахъ, которымъ онъ, какъ очень богатый человѣкъ, подвергался очень часто, приводили его въ безвыходныя волненія и недоумѣнья.—Дать или не дать? спрашивалъ онъ себя.—У меня есть, а ему нужно. Но другому еще нужнѣе. Кому нужнѣе? А можетъ быть оба обманщики? И изъ всѣхъ этихъ предположеній онъ прежде

не находилъ никакого выхода и давалъ всѣмъ, пока было что давать. Точно въ такомъ же недоумѣньи онъ находился прежде при каждомъ вопросѣ, касающемся его состоянія, когда одинъ говорилъ, что надо поступить такъ, а другой—, иначе.

Теперь, къ удивленію своему, онъ нашелъ, что во всѣхъ этихъ вопросахъ не было болѣе сомнѣній и недоумѣній. Въ немъ теперь явился судья, по какимъ-то неизвѣстнымъ ему самому законамъ рѣшавшій, что было нужно и чего не нужно дѣлать.

Онъ былъ также, какъ прежде, равнодушенъ къ денежнымъ дѣламъ; но теперь онъ несомнѣнно зналъ, что должно сдѣлать и чего не должно. Первымъ приложеніемъ этого новаго судьи было для него просьба плѣннаго французскаго полковника, пришедшаго къ нему, много разсказывавшаго о своихъ подвигахъ и подъ конецъ заявившаго почти требованіе о томъ, чтобы Пьеръ далъ ему 4000 франковъ для отсылки женѣ и дѣтямъ. Пьеръ безъ малѣйшаго труда и напряженія отказалъ ему, удивляясь впослѣдствіи, какъ было просто и легко то, что прежде казалось неразрѣшимо труднымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же, отказывая полковнику, онъ рѣшилъ, что необходимо употребить хитрость для того, чтобы, уѣзжая изъ Орля, заставить итальянскаго офицера взять денегъ, въ которыхъ онъ видимо нуждался. Новымъ доказательствомъ для Пьера его утвердившагося взгляда на практическія дѣла было его рѣшеніе вопроса о долгахъ жены и о возобновленіи или невозобновленіи московскихъ домовъ и дачъ.

Въ Орелъ пріѣзжалъ къ нему главный управляющій, и съ нимъ Пьеръ сдѣлалъ общій счетъ своихъ измѣнившихся доходовъ. Пожаръ Москвы стóилъ Пьеру, по учету главноуправляющаго, около двухъ милліоновъ.

Главно-управляющій, въ утѣшеніе этихъ потерь, представилъ Пьеру разсчетъ о томъ, что, несмотря на эти потери, доходы его нетолько не уменьшатся, но увеличатся,

если онъ откажется отъ уплаты долговъ, оставшихся послѣ графини, къ чему онъ не можетъ быть обязанъ, и если онъ не будетъ возобновлять московскихъ домовъ и подмосковной, которые стоили ежегодно 80 тысячъ и ничего не приносили.

— Да, да, это правда, сказалъ Пьеръ, весело улыбаясь.— Да, да, мнѣ ничего этого не нужно. Я отъ раззоренья сталъ гораздо богаче.

Но въ янаарѣ пріѣхалъ Савельичъ изъ Москвы, разсказалъ про положеніе Москаы, про смѣту, которую ему сдѣлалъ архитекторъ для возобновленія дома и подмосковной, говоря про это какъ про дѣло рѣшенное. Въ это же аремя Пьеръ получилъ письма отъ князя Василія и другихъ знакомыхъ изъ Петербурга. Въ письмахъ говорилось о долгахъ жены. И Пьеръ рѣшилъ, что столь понрааиашійся ему планъ управляющаго былъ не вѣренъ, и что ему надо ѣхать въ Петербургъ покончить дѣла жены и строиться въ Москвѣ. Зачѣмъ было это надо, онъ не зналъ; но онъ зналъ несомнѣнно, что это надо. Доходы его вслѣдстаіи этого рѣшенія уменьшались на три четверти. Но это было надо; онъ это чувстаоаалъ.

Вилларскій ѣхалъ въ Москву, и они условились ѣхатьвмѣстѣ.

Пьеръ испытывалъ, во все время саоего выздороаленія въ Орлѣ, чуаство радости, свободы, жизни; но когда онъ, во время своего путешестаія, очутился на вольномъ свѣтѣ, увидалъ сотни новыхъ лицъ, чувстао это еще болѣе усилилось. Онъ все аремя путешествія испытывалъ радость школьника на аакаціи. Всѣ лица: — ямщикъ, смотритель, мужики на дорогѣ, или аъ дереанѣ,—всѣ имѣли для него новый смыслъ. Присутствіе и замѣчанія Вилларскаго, постоянно жалоааашагося на бѣдность, отсталость отъ Еароны, невѣжество Россіи, только возаышали радость Пьера. Тамъ, гдѣ Вилларскій видѣлъ мертвенность, Пьеръ аидѣлъ необычайно могучую силу жизненности, ту силу, которая въ снѣгу, на

этомъ пространствѣ, поддерживала жизнь этого цѣлаго, особеннаго, и единаго народа. Онъ не противорѣчилъ Вилларскому и какъ будто соглашаясь съ нимъ (такъ какъ притворное согласіе было кратчайшее средство обойти разсужденія, изъ которыхъ ничего не могло выдти), радостно улыбался, слушая его.

XV.

Также какъ трудно объяснить для чего, куда спѣшатъ муравьи изъ раскиданной кучки, одни прочь изъ кучки таща соринки, яица и мертвыя тѣла, другіе назадъ въ кучку—для чего они сталкиваются, догоняютъ другъ друга, дерутся,—также трудно было бы объяснить причины, заставлявшія русскихъ людей, послѣ выхода Французовъ, толпиться въ томъ мѣстѣ, которое прежде называлось Москвою. Но также какъ, глядя на разсыпанныхъ вокругъ раззоренной кочки муравьевъ, несмотря на полное уничтоженіе кучки, видно по цѣпкости, энергіи, по безчисленности копышащихся насѣкомыхъ, что раззорено все, кромѣ чего-то неразрушимаго, невещественнаго, составляющаго всю силу кучки, — также и Москва, въ октябрѣ мѣсяцѣ, не смотря на то, что не было ни начальства, ни церквей, ни святыни, ни богатствъ, ни домовъ, была тою же Москвою, какою была въ августѣ. Все было разрушено, кромѣ чего-то невещественнаго, но могущественнаго и неразрушимаго.

Побужденія людей, стремящихся со всѣхъ сторонъ въ Москву, послѣ ея очищенія отъ врага, были самыя разнообразныя, личныя, и въ первое время, бо́льшей частью—дикія, животныя. Одно только побужденіе было общее всѣмъ,—это стремленіе туда, въ то мѣсто, которое прежде называлось Москвой, для приложенія тамъ своей дѣятельности.

Чрезъ недѣлю въ Москвѣ уже было 15 тысячъ жителей, чрезъ двѣ, было 25 тысячъ и т. д. Все возвышаясь и воз-

вышаясь, число это къ осени 1813 г. дошло до цифры, превосходящей население 12-го года.

Первые русскіе люди, которые вступили въ Москву, были казаки отряда Винцинироде, мужики изъ сосѣднихъ деревень и бѣжавшіе изъ Москвы и скрывавшіеся въ ея окрестностяхъ жители. Вступившіе въ раззоренную Москву, Русскіе, заставъ ее разграбленною, стали тоже грабить. Они продолжали то, что дѣлали Французы. Обозы мужиковъ пріѣзжали въ Москву съ тѣмъ, чтобы увозить по деревнямъ все, что было брошено по раззоренньмъ московскимъ домамъ и улицамъ. Казаки увозили, что́ могли, въ свои ставки; хозяева домовъ забирали все то, что они находили въ другихъ домахъ и переносили къ себѣ подъ предлогомъ, что это была ихъ собственность.

Но за первыми грабителями пріѣзжали другіе, третьи, и грабежъ съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ увеличенія грабителей, становился труднѣе и труднѣе и принималъ болѣе опредѣленныя формы.

Французы застали Москву хотя и пустою, но со всѣми формами, органически правильно жившаго города, съ его различными отправленіями торговли, ремеселъ, роскоши, государственнаго управленія, религіи. Формы эти были безжизненны, но онѣ еще существовали. Были ряды, лавки, магазины, лабазы, базары,—большинство съ товарами; были фабрики, ремесленныя заведенія; были дворцы, богатые дома, наполненные предметами роскоши; были больницы, остроги, присутственныя мѣста, церкви, соборы. Чѣмъ далѣе оставались Французы, тѣмъ болѣе уничтожались эти формы городской жизни, и подъ конецъ все слилось въ одно нераздѣльное, безжизненное поле грабежа.

Грабежъ Французовъ, чѣмъ больше онъ продолжался, тѣмъ больше разрушалъ богатства Москвы и силы грабителей. Грабежъ Русскихъ, съ котораго началось занятіе Русскими столицы, чѣмъ дольше онъ продолжался, чѣмъ больше бы-

ло въ немъ участниковъ, тѣмъ быстрѣе возстановлялъ онъ богатство Москвы и правильную жизнь города.

Кромѣ грабителей, народъ самый разнообразный, влекомый — кто любопытствомъ, кто долгомъ службы, кто разсчетомъ, — домовладѣльцы, духовенство, высшіе и низшіе чиновники, торговцы, ремесленники, мужики съ разныхъ сторонъ, какъ кровь къ сердцу, — приливалъ къ Москвѣ.

Черезъ недѣлю уже мужики, пріѣзжавшіе съ пустыми подводами для того, чтобы увозить вещи, были останавливаемы начальствомъ и принуждаемы къ тому, чтобы вывозить мертвыя тѣла изъ города. Другіе мужики, прослышавъ про неудачу товарищей, пріѣзжали въ городъ съ хлѣбомъ, овсомъ, сѣномъ, сбивая цѣну другъ другу до цѣны ниже прежней. Артели плотниковъ, надѣясь на дорогіе заработки, каждый день входили въ Москву, и со всѣхъ сторонъ рубились новые и чинились старые, погорѣлые домà. Купцы въ балаганахъ открывали торговлю. Харчевни, постоялые дворы устраивались въ обгорѣлыхъ домахъ. Духовенство возобновило службы во многихъ не погорѣвшихъ церквахъ. Жертвователи приносили разграбленныя, церковныя вещи. Чиновники прилаживали свои столы съ сукномъ и шкафы съ бумагами въ маленькихъ комнатахъ. Высшее начальство и полиція распоряжались раздачею оставшагося послѣ Французовъ добра. Хозяева тѣхъ домовъ, въ которыхъ было много оставлено свезенныхъ изъ другихъ домовъ вещей, жаловались на несправедливость своза всѣхъ вещей въ Грановитую палату; другіе настаивали на томъ, что Французы изъ разныхъ домовъ свезли вещи въ одно мѣсто, и оттого несправедливо отдавать хозяину дòма тѣ вещи, которыя у него найдены. Бранили полицію; подкупали ее; писали вдесятеро смѣты на погорѣвшія, казенныя вещи; требовали вспомоществованій. Графъ Ростопчинъ писалъ свои прокламаціи.

XVI.

Въ концѣ января, Пьеръ пріѣхалъ въ Москву и помѣстился въ уцѣлѣвшемъ флигелѣ. Онъ съѣздилъ къ графу Ростопчину, къ нѣкоторымъ знакомымъ, вернувшимся въ Москву и собирался на 3-й день ѣхать въ Петербургъ. Всѣ торжествовали побѣду; все кипѣло жизнью въ раззоренной и оживающей столицѣ. Пьеру всѣ были рады; всѣ желали видѣть его и всѣ разспрашивали его про то, что онъ видѣлъ. Пьеръ чувствовалъ себя особенно дружелюбно расположеннымъ ко всѣмъ людямъ, которыхъ онъ встрѣчалъ; но невольно теперь онъ держалъ себя со всѣми людьми на сторожѣ, такъ, чтобы не связать себя чѣмъ нибудь. Онъ на всѣ вопросы, которые ему дѣлали,—важные или самые ничтожные.—спрашивали ли у него: гдѣ онъ будетъ жить? будетъ-ли онъ строиться? когда онъ ѣдетъ въ Петербургъ и возьмется-ли свести ящичекъ? онъ отвѣчалъ: да, можетъ быть, я думаю, и т. д.

О Ростовыхъ онъ слышалъ, что они въ Костромѣ, и мысль о Наташѣ рѣдко приходила ему. Ежели она и приходила, то только какъ пріятное воспоминаніе давно прошедшаго. Онъ чувствовалъ себя не только свободнымъ отъ житейскихъ условій, но и отъ этого чувства, которое онъ, какъ ему казалось, умышленно напустилъ на себя.

На третій день своего пріѣзда въ Москву, онъ узналъ отъ Друбецкихъ, что княжна Марья въ Москвѣ. Смерть, страданія, послѣдніе дни князя Андрея, часто занимали Пьера, и теперь, съ новой живостью, пришли ему въ голову. Узнавъ, за обѣдомъ, что княжна Марья въ Москвѣ и живетъ въ своемъ, не сгорѣвшемъ домѣ, на Вздвиженкѣ, онъ въ тотъ же вечеръ поѣхалъ къ ней.

Дорогой къ княжнѣ Марьѣ, Пьеръ, не переставая, думалъ о князѣ Андреѣ, о своей дружбѣ съ нимъ, о различныхъ

съ нимъ встрѣчахъ и въ особенности о послѣдней въ Бородинѣ.

— Неужели онъ умеръ въ томъ злобномъ настроеніи, въ которомъ онъ былъ тогда? Неужели не открылось ему передъ смертью объясненіе жизни? думалъ Пьеръ. Онъ вспомнилъ о Каратаевѣ, о его смерти, и невольно сталъ сравнивать этихъ двухъ людей, столь различныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь похожихъ по любви, которую онъ имѣлъ къ обоимъ и по тому, что оба жили и оба умерли.

Въ самомъ серьезномъ расположеніи духа Пьеръ подъѣхалъ къ дому стараго князя. Домъ этотъ уцѣлѣлъ. Въ немъ видны были слѣды разрушенія, но характеръ дома былъ тотъ-же. Встрѣтившій Пьера старый официантъ со строгимъ лицомъ, какъ будто желая дать почувствовать гостю, что отсутствіе князя не нарушаетъ порядка дома, сказалъ, что княжна изволила пройдти въ свои комнаты и принимаетъ по воскресеньямъ.

— Доложи; можетъ быть примутъ, сказалъ Пьеръ.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ официантъ; пожалуйте въ портретную.

Черезъ нѣсколько минутъ къ Пьеру вышли официантъ и Десаль. Десаль отъ имени княжны передалъ Пьеру, что она очень рада видѣть его и проситъ, если онъ извинитъ ея за безцеремонность, войти наверхъ, въ ея комнаты.

Въ невысокой комнаткѣ, освѣщенной одной свѣчей, сидѣла княжна и еще кто-то съ ней, въ черномъ платьѣ. Пьеръ помнилъ, что при княжнѣ всегда были компаньонки, но кто такія и какія онѣ, эти компаньонки, Пьеръ не зналъ и не помнилъ.—Это одна изъ компаньонокъ, подумалъ онъ, взглянувъ на даму, въ черномъ платьѣ.

Княжна быстро встала ему на встрѣчу и протянула руку.

— Да, сказала она, всматриваясь въ его измѣнившееся лицо послѣ того, какъ онъ поцѣловалъ ея руку,—вотъ какъ

мы съ вами встрѣчаемся. Онъ и послѣднее время часто говорилъ про васъ, сказала она, переводя свои глаза съ Пьера на компаньонку съ застѣнчивостью, которая на мгновеніе поразила Пьера.

— Я такъ была рада, узнавъ о вашемъ спасеньѣ. Это было единственное, радостное извѣстіе, которое мы получили съ давняго времени. Опять еще безпокойнѣе княжна оглянулась на компаньонку и хотѣла что-то сказать; но Пьеръ перебилъ ее.

— Вы можете себѣ представить, что я ничего не зналъ про него, сказалъ онъ.—Я считалъ его убитымъ. Все что я узналъ, я узналъ отъ другихъ, черезъ третьи руки. Я знаю только, что онъ попалъ къ Ростовымъ.... Какая судьба!

Пьеръ говорилъ быстро, оживленно. Онъ взглянулъ разъ на лицо компаньонки, увидалъ внимательно ласковый, любопытный взглядъ, устремленный на него, и какъ это часто бываетъ во время разговора, онъ почему-то почувствовалъ, что эта компаньонка, въ черномъ платьѣ, милое, доброе, славное существо, которое не помѣшаетъ его задушевному разговору съ княжной Марьей.

Но когда онъ сказалъ послѣднія слова о Ростовыхъ, замѣшательство въ лицѣ княжны Марьи выразилось еще сильнѣе. Она опять перебѣжала глазами съ лица Пьера на лицо дамы въ черномъ платьѣ и сказала:

— Вы не узнаете развѣ?

Пьеръ взглянулъ еще разъ на блѣдное, тонкое, съ черными глазами и страннымъ ртомъ, лицо компаньонки. Что-то родное, давно забытое и больше чѣмъ милое, смотрѣло на него изъ этихъ внимательныхъ глазъ.

— Но нѣтъ, это не можетъ быть,—подумалъ онъ.—Это строгое, худое и блѣдное, постарѣвшее лицо? Это не можетъ быть она. Это только воспоминаніе того. Но въ это время княжна Марья сказала: «Наташа». И лицо, съ внимательными глазами съ трудомъ, съ усиліемъ, какъ отворяется

заржавѣвшая дверь, — улыбнулось, и изъ этой растворенной двери вдругъ пахнуло и обдало Пьера тѣмъ давно забытымъ счастіемъ, о которомъ, въ особенности теперь, онъ не думалъ. Пахнуло, охватило и поглотило его всего. Когда она улыбнулась, уже не могло быть сомнѣній: это была Наташа, и онъ любилъ ее.

Въ первую же минуту Пьеръ, невольно, и ей, и княжнѣ Марьѣ, и главное самому себѣ, сказалъ неизвѣстную ему самому тайну. Онъ покраснѣлъ радостно и страдальчески болѣзненно. Онъ хотѣлъ скрыть свое волненіе. Но чѣмъ больше онъ хотѣлъ скрыть его, тѣмъ яснѣе,—яснѣе, чѣмъ самыми опредѣленными словами, — онъ себѣ, и ей, и княжнѣ Марьѣ говорилъ, что онъ любитъ ее.

— Нѣтъ это такъ, отъ неожиданности, подумалъ Пьеръ. Но только-что онъ хотѣлъ продолжать начатый разговоръ съ княжной Марьей, онъ опять взглянулъ на Наташу и еще сильнѣйшая краска покрыла его лицо,—и еще сильнѣйшее волненіе радости и страха охватило его душу. Онъ запутался въ словахъ и остановился на серединѣ рѣчи.

Пьеръ не замѣтилъ Наташи, потому-что онъ никакъ не ожидалъ видѣть ее тутъ, но онъ не узналъ ея потому, что происшедшая въ ней, съ тѣхъ поръ, какъ онъ не видалъ ея, перемѣна, была огромна. Она похудѣла и поблѣднѣла. Но не это дѣлало ее неузнаваемой: ее нельзя было узнать въ первую минуту, какъ онъ вошелъ, потому-что на этомъ лицѣ, въ глазахъ котораго, прежде всегда свѣтилась затаенная улыбка радости жизни, теперь, когда онъ вошелъ и въ первый разъ взглянулъ на нее, не было и тѣни улыбки; были одни глаза внимательные, добрые, и печально-вопросительные.

Смущеніе Пьера не отразилось на Наташѣ смущеніемъ, но только удовольствіемъ, чуть замѣтно освѣтившемъ все ея лицо.

XVII.

— Она пріѣхала гостить ко мнѣ, сказала княжна Марья. —Графъ и графиня будутъ на дняхъ. Графиня въ ужасномъ положеніи. Но Наташѣ самой нужно было видѣть доктора. Ее насильно отослали со мной.

— Да, есть-ли семья безъ своего горя? сказалъ Пьеръ, обращаясь къ Наташѣ.—Вы знаете, что это былъ въ тотъ самый день, какъ насъ освободили. Я видѣлъ его. Какой былъ прелестный мальчикъ!

Наташа смотрѣла на него, и въ отвѣтъ на его слова, только больше открылись и засвѣтились ея глаза.

— Что можно сказать или подумать въ утѣшенье? сказалъ Пьеръ. — Ничего. Зачѣмъ было умирать такому славному, полному жизни мальчику?

— Да, въ наше время трудно жить бы было безъ вѣры.... сказала княжна Марья.

— Да, да. Вотъ это истинная правда, поспѣшно перебилъ Пьеръ.

— Отчего? спросила Наташа, внимательно глядя въ глаза Пьеру.

— Какъ отчего? сказала княжна Марья.—Одна мысль о томъ, что ждетъ тамъ....

Наташа не дослушавъ княжны Марьи, опять вопросительно поглядѣла на Пьера.

— И оттого, продолжалъ Пьеръ, что только тотъ человѣкъ, который вѣритъ въ то, что есть Богъ, управляющій нами, можетъ перенести такую потерю какъ ея и .....ваша, сказалъ Пьеръ.

Наташа раскрыла уже ротъ, желая сказать что-то, но вдругъ остановилась. Пьеръ поспѣшилъ отвернуться отъ нея и обратился опять къ княжнѣ Марьѣ съ вопросомъ о послѣднихъ дняхъ жизни своего друга. — Смущеніе Пьера теперь почти изчезло; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ,

что исчезла вся его прежняя свобода. Онъ чувствовалъ, что надъ каждымъ его словомъ, дѣйствіемъ, теперь есть судья, судъ, который дороже ему суда всѣхъ людей въ мірѣ. Онъ говорилъ теперь и вмѣстѣ съ своими словами соображалъ то впечатлѣніе, которое производили его слова на Наташу. Онъ не говорилъ нарочно того, что́ бы могло понравиться ей; но что́ бы онъ ни говорилъ, онъ съ ея точки зрѣнія судилъ себя.

Княжна Марья неохотно, какъ это всегда бываетъ, начала разсказывать про то положеніе, въ которомъ она застала князя Андрея. Но вопросы Пьера, его оживленно безпокойный взглядъ, его дрожащее отъ волненія лицо, понемногу, заставили ее вдаться въ подробности, которыя она боялась для самой себя возобновлять въ воображеньи.

— Да, да, такъ, такъ.... говорилъ Пьеръ, нагнувшись впередъ всѣхъ тѣломъ надъ княжной Марьей и жадно вслушиваясь въ ея разсказъ. — Да, да; такъ онъ успокоился? смягчился? Онъ такъ всѣми силами души всегда искалъ одного: быть вполнѣ хорошимъ, что онъ не могъ бояться смерти. Недостатки, которые были въ немъ—если они были—происходили не отъ него. Такъ онъ смягчился? говорилъ Пьеръ.—Какое счастье, что онъ свидѣлся съ вами, сказалъ онъ Наташѣ, вдругъ обращаясь къ ней и глядя на нее полными слезъ глазами.

Лицо Наташи вздрогнуло. Она нахмурилась и на мгновенье опустила глаза. Съ минуту она колебалась: говорить или не говорить.

— Да. это было счастье, сказала она тихимъ груднымъ голосомъ;—для меня навѣрное это было счастье. Она помолчала.—И онъ.... онъ.... онъ говорилъ, что онъ желалъ этого, въ ту минуту, какъ я пришла къ нему.... Голосъ Наташи оборвался. Она покраснѣла, сжала руки на колѣнкахъ и вдругъ, видимо сдѣлавъ усиліе надъ собой, подняла голову и быстро начала говорить:

— Мы ничего не знали, когда ѣхали изъ Москвы. Я не смѣла спросить про него. И вдругъ Соня сказала мнѣ, что онъ съ нами. Я ничего не думала, не могла представить себѣ, въ какомъ онъ положеніи; мнѣ только надо было видѣть его — быть съ нимъ, говорила она, дрожа и задыхаясь. И не давая перебивать себя, она разсказала то, чего она еще никогда, никому не разсказывала: все то, что она пережила въ тѣ три недѣли ихъ путешествія и жизни въ Ярославлѣ.

Пьеръ слушалъ ее съ раскрытымъ ртомъ и не спуская съ нея своихъ глазъ, полныхъ слезами. Слушая ее, онъ не думалъ ни о князѣ Андреѣ, ни о смерти, ни о томъ, что она разсказывала. Онъ слушалъ ее и только жалѣлъ ее за то страданіе, которое она испытывала теперь, разсказывая.

Княжна, сморщившись отъ желанія удержать слезы, сидѣла подлѣ Наташи и слушала въ первый разъ исторію этихъ послѣднихъ дней любви своего брата съ Наташей.

Этотъ мучительный и радостный разсказъ видимо былъ необходимъ для Наташи.

Она говорила, перемѣшивая ничтожнѣйшія подробности съ задушевнѣйшими тайнами, и казалось никогда не могла кончить. Нѣсколько разъ она повторяла тоже самое.

За дверью послышался голосъ Десаля, спрашивавшаго, можно ли Николушкѣ войти проститься.

— Да вотъ и все, все.... сказала Наташа. Она быстро встала въ то время, какъ входилъ Николушка, и почти побѣжала къ двери, стукнулась головой о дверь, прикрытую портьерой, и со стономъ, не то боли, не то печали, вырвалась изъ комнаты.

Пьеръ смотрѣлъ на дверь, въ которую она вышла и не понималъ, отчего онъ вдругъ одинъ остался во всемъ мірѣ.

Княжна Марья вызвала его изъ разсѣянности, обративъ его вниманіе на племянника, который вошелъ въ комнату. Лицо Николушки, похожее на отца, въ минуту душевнаго размягченія, въ которомъ Пьеръ теперь находился, такъ на него подѣйствовало что онъ, поцѣловавъ Николушку, поспѣшно всталъ и, доставъ платокъ, отошелъ къ окну. Онъ хотѣлъ проститься съ княжной Марьей, но она удержала его.

— Нѣтъ, мы съ Наташей не спимъ иногда до третьяго часа; пожалуйста посидите. Я велю дать ужинать. Подите внизъ; мы сейчасъ придемъ.

Прежде чѣмъ Пьеръ вышелъ, княжна сказала ему: — Это въ первый разъ она такъ говорила о немъ.

XVIII.

Пьера провели въ освѣщенную большую столовую; черезъ нѣсколько минутъ послышались шаги, и княжна съ Наташей вошла въ комнату. Наташа была спокойна, хотя строгое безъ улыбки выраженіе теперь опять установилось на ея лицѣ. Княжна Марья, Наташа и Пьеръ одинаково испытывали то чувство неловкости, которое слѣдуетъ обыкновенно за оконченнымъ, серьезнымъ и задушевнымъ разговоромъ. Продолжать прежній разговоръ невозможно; говорить о пустякахъ,—совѣстно, а молчать непріятно, потому, что хочется говорить, а этимъ молчаніемъ какъ будто притворяешься. Они молча подошли къ столу. Офиціанты отодвинули и подвинули стулья. Пьеръ развернулъ холодную салфетку и, рѣшившись прервать молчаніе, взглянулъ на Наташу и княжну Марью. Обѣ очевидно въ тоже время рѣшились на тоже: у обѣихъ въ глазахъ свѣтилось довольство жизнью и признаніе того, что кромѣ горя есть и радости.

— Вы пьете водку, графъ? сказала княжна Марья, и эти слова вдругъ разогнали тѣни прошедшаго.

— Разскажите же про себя, сказала княжна Марья, — про васъ разсказываютъ такія невѣроятныя чудеса.

— Да, съ своей теперь привычной улыбкой кроткой насмѣшки отвѣчалъ Пьеръ. — Мнѣ самому даже разсказываютъ про такія чудеса, какихъ я и во снѣ не видѣлъ. Марья Абрамовна приглашала меня къ себѣ и все разсказывала мнѣ, что со мной случилось или должно было случиться. Степанъ Степанычъ тоже научилъ меня, какъ мнѣ надо разсказывать. Вообще я замѣтилъ, что быть интереснымъ человѣкомъ очень покойно (я теперь интересный человѣкъ); меня зовутъ, и мнѣ разсказываютъ.

Наташа улыбнулась и хотѣла что-то сказать.

— Намъ разсказывали, перебила ее княжна Марья, — что вы въ Москвѣ потеряли два милліона. Правда это?

— А я сталъ втрое богаче, сказалъ Пьеръ. Пьеръ несмотря на то, что долги жены и необходимость построекъ измѣнили его дѣла, продолжалъ разсказывать, что онъ сталъ втрое богаче.

— Что я выигралъ несомнѣнно, сказалъ онъ, — такъ это свободу.... началъ онъ было серьезно; но раздумалъ продолжать, замѣтивъ, что это былъ слишкомъ эгоистическій предметъ разговора.

— А вы строитесь?

— Да, Савельичъ велитъ.

— Скажите, вы не знали еще о кончинѣ графини, когда остались въ Москвѣ? сказала княжна Марья и тотчасъ же покраснѣла, замѣтивъ, что, дѣлая этотъ вопросъ вслѣдъ за его словами о томъ, что онъ свободенъ, она приписываетъ его словамъ такое значеніе, котораго они можетъ быть не имѣли.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Пьеръ, не найдя очевидно неловкимъ то толкованіе, которое дала княжна Марья его упоминанію

о своей свободѣ. Я узналъ это въ Орлѣ, и вы не можете себѣ вообразить какъ меня это поразило. Мы не были примѣрные супруги, сказалъ онъ быстро, взглянувъ на Наташу, и замѣтивъ въ лицѣ ея любопытство о томъ, какъ онъ отзовется о своей женѣ. — Но смерть эта меня страшно поразила. Когда два человѣка ссорятся — всегда оба виноваты. И своя вина дѣлается вдругъ страшно тяжела передъ человѣкомъ, котораго уже нѣтъ больше. И потомъ такая смерть... безъ друзей, безъ утѣшенія. Мнѣ очень, очень жаль ее, кончилъ онъ. и съ удовольствіемъ замѣтилъ радостное одобреніе на лицѣ Наташи.

— Да, вотъ вы опять холостякъ и женихъ, сказала княжна Марья.

Пьеръ вдругъ багрово покраснѣлъ и долго старался не смотрѣть на Наташу. Когда онъ рѣшился взглянуть на нее, лицо ея было холодно, строго и даже презрительно, какъ ему показалось.

— Но вы точно видѣли и говорили съ Наполеономъ, какъ намъ разсказывали? сказала княжна Марья.

Пьеръ засмѣялся.

— Ни разу, никогда. Всегда всѣмъ кажется, что быть въ плѣну, значитъ быть въ гостяхъ у Наполеона. Я нетолько не видалъ его, но и не слыхалъ о немъ. Я былъ въ гораздо худшемъ обществѣ.

Ужинъ кончался, и Пьеръ, сначала отказывавшійся отъ разсказа о своемъ плѣнѣ, понемногу вовлекся въ этотъ разсказъ.

— Но вѣдь правда, что вы остались, чтобъ убить Наполеона? спросила его Наташа, слегка улыбаясь.—Я тогда догадалась, когда мы васъ встрѣтили у Сухарева башни; помните?

Пьеръ признался, что это была правда и съ этого вопроса, понемногу руководимый вопросами княжны Марьи, и въ особенности Наташи, вовлекся въ подробный разсказъ о своихъ похожденіяхъ.

Сначала онъ разсказывалъ съ тѣмъ насмѣшливымъ, кроткимъ взглядомъ, который онъ имѣлъ теперь на людей и въ особенности на самаго себя; но потомъ, когда онъ дошелъ до разсказа объ ужасахъ и страданіяхъ, которые онъ видѣлъ, онъ, самъ того не замѣчая, увлекся и сталъ говорить со сдержаннымъ волненіемъ человѣка, въ воспоминаніи переживающаго сильныя впечатлѣнія.

Княжна Марья, съ кроткой улыбкой, смотрѣла то на Пьера, то на Наташу. Она во всемъ этомъ разсказѣ видѣла только Пьера и его доброту. Наташа, облокотившись на руку, съ постоянно измѣняющимся, вмѣстѣ съ разсказомъ, выраженіемъ лица, слѣдила, ни на минуту не отрываясь, за Пьеромъ, видимо переживая съ нимъ вмѣстѣ то, что онъ разсказывалъ. Не только ея взглядъ, но восклицанія и короткіе вопросы, которые она дѣлала, показывали Пьеру, что изъ того, что онъ разсказывалъ, она понимала именно то, что онъ хотѣлъ передать. Видно было что она понимала нетолько то, что онъ разсказывалъ, но и то, что онъ хотѣлъ бы и не могъ выразить словами. Про эпизодъ свой съ ребенкомъ и женщиной, за защиту которыхъ онъ былъ взятъ, Пьеръ разсказалъ такимъ образомъ: Это было ужасное зрѣлище, дѣти брошены, нѣкоторые въ огнѣ.... При мнѣ вытащили ребенка.... женщины, съ которыхъ стаскивали вещи, вырывали серьги....

Пьеръ покраснѣлъ и замялся. — Тутъ пріѣхалъ разъѣздъ и всѣхъ тѣхъ, которые не грабили, всѣхъ мужчинъ забрали. И меня.

— Вы вѣрно не все разсказываете; вы вѣрно сдѣлали что нибудь—сказала Наташа и помолчала—хорошее.

Пьеръ продолжалъ разсказывать дальше. Когда онъ разсказывалъ про казнь, онъ хотѣлъ обойти страшныя подробности; но Наташа требовала, чтобы онъ ничего не пропускалъ.

Пьеръ началъ было разсказывать про Каратаева (онъ уже всталъ изъ за стола и ходилъ, Наташа слѣдила за нимъ глазами) и остановился.

— Нѣтъ, вы не можете понять, чему я научился у этого безграмотнаго человѣка—дурачка.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорите, сказала Наташа. Онъ гдѣ же?

— Его убили почти при мнѣ. И Пьеръ сталъ разсказывать послѣднее время ихъ отступленія, болѣзнь Каратаева (голосъ его дрожалъ безпрестанно) и его смерть.

Пьеръ разсказывалъ свои похожденія такъ, какъ онъ никогда еще не вспоминалъ ихъ. Онъ видѣлъ теперь какъ будто новое значеніе во всемъ томъ, что онъ пережилъ. Теперь, когда онъ разсказывалъ все это Наташѣ, онъ испытывалъ то рѣдкое наслажденіе, которое даютъ женщины, слушая мужчину,—не *умныя* женщины, которыя, слушая, стараются или запомнить что имъ говорятъ для того, чтобы обогатить свой умъ и, при случаѣ, пересказать тоже или приладить разсказываемое къ своему и сообщить поскорѣе свои умныя рѣчи, выработанныя въ своемъ маленькомъ, умственномъ хозяйствѣ; а то наслажденье, которое даютъ настоящія женщины, одаренныя способностью выбиранія и всасыванья въ себя всего лучшаго, что только есть въ проявленіяхъ мужчины. Наташа, сама не зная этого, была вся вниманіе: она не упускала ни слова, ни колебанія голоса, ни взгляда, ни вздрагиванья мускула лица, ни жеста Пьера. Она на лету ловила еще невысказанное слово и прямо вносила въ свое раскрытое сердце, угадывая тайный смыслъ всей душевной работы Пьера.

Княжна Марья понимала разсказъ, сочувствовала ему, но она, теперь видѣла другое, что поглощало все ея вниманіе: она видѣла возможность любви и счастія между Наташей и Пьеромъ. И въ первый разъ пришедшая ей эта мысль, наполняла ея душу радостью.

Было три часа ночи. Офиціанты съ грустными, строгими лицами, приходили перемѣнять свѣчи, но никто не замѣчалъ ихъ.

Пьеръ кончилъ свой разсказъ. Наташа блестящими оживленными глазами продолжала упорно и внимательно глядѣть на Пьера, какъ будто желая понять еще то остальное, что онъ не высказалъ, можетъ быть. Пьеръ въ стыдливомъ и счастливомъ смущеніи изрѣдка взглядывалъ на нее и придумывалъ, что́ сказать теперь, чтобы перевести разговоръ на другой предметъ. Княжна Марья молчала. Никому въ голову не приходило, что три часа ночи, и что пора спать.

— Говорятъ: несчастія, страданія, сказалъ Пьеръ.—Да ежели бы сейчасъ, сію минуту мнѣ сказали: хочешь оставаться чѣмъ ты былъ до плѣна, или сначала пережить все это? Ради Бога, еще разъ плѣнъ и лошадиное мясо. Мы думаемъ, что какъ насъ выкинетъ изъ привычной дорожки, все пропало; а тутъ только начинается новое, хорошее. Пока есть жизнь, есть и счастье. Впереди много, много. Это я вамъ говорю, сказалъ онъ обращаясь къ Наташѣ.

— Да, да, сказала она, отвѣчая на совсѣмъ другое,—и я ничего бы не желала, какъ только пережить все сначала.

Пьеръ внимательно посмотрѣлъ на нее.

Да, и больше ничего, подтвердила Наташа.

— Неправда, неправда, закричалъ Пьеръ.—Я не виноватъ, что я живъ и хочу жить; и вы тоже.

Вдругъ Наташа опустила голову на руки и заплакала.

— Что ты, Наташа? сказала княжна Марья.

— Ничего, ничего. Она улыбнулась сквозь слезы Пьеру. Прощайте, пора спать.

Пьеръ всталъ и простился.

— Княжна Марья и Наташа, какъ и всегда, сошлись въ спальнѣ. Онѣ поговорили о томъ, что разсказывалъ Пьеръ. Княжна Марья не говорила своего мнѣнія о Пьерѣ. Наташа тоже не говорила о немъ.

— Ну прощай, Мари, сказала Наташа.—Знаешь, я часто боюсь, что мы не говоримъ о немъ (князѣ Андреѣ), какъ будто мы боимся унизить наше чувство, и забываемъ.

Княжна Марья тяжело вздохнула и этимъ вздохомъ признала справедливость словъ Наташи; но словами она не согласилась съ ней.

— Развѣ можно забыть? сказала она.

— Мнѣ такъ хорошо было нынче разсказать все; и тяжело, и больно, и хорошо.—Очень хорошо, сказала Наташа: я увѣрена что онъ точно любилъ его. Отъ этого я разсказала ему... ничего что я разсказала ему? вдругъ покраснѣвъ, спросила она.

— Пьеру? О нѣтъ! Какой онъ прекрасный, сказала княжна Марья.

Знаешь, Мари, вдругъ сказала Наташа, съ шаловливой улыбкой, которой давно не видала княжна Марья на ея лицѣ.—Онъ сдѣлался какой-то чистый, гладкій, свѣжій; точно изъ бани; ты понимаешь?—морально изъ бани. Правда?

— Да, сказала княжна Марья.—Онъ много выигралъ.

— И сюртучекъ коротенькій и стриженные вóлосы; точно, ну точно изъ бани.... папа бывало....

— Я понимаю, что *онъ* (князь Андрей) никого такъ не любилъ какъ его, сказала княжна Марья.

— Да, и онъ особенный отъ него. Говорятъ что дружны мужчины, когда совсѣмъ особенные. Должно быть, это правда. Правда, онъ совсѣмъ на него не похожъ ничѣмъ?

— Да, и чудесный.

— Ну, прощай, отвѣчала Наташа. И та же шаловливая улыбка, какъ бы забывшись, долго оставалась на ея лицѣ.

XIX.

Пьеръ долго не могъ заснуть въ этотъ день; онъ взадъ и впередъ ходилъ по комнатѣ, то нахмурившись, вдумываясь во что-то трудное, то вдругъ пожимая плечами и вздрагивая, то счастливо улыбаясь.

Онъ думалъ о князѣ Андреѣ, о Наташѣ, объ ихъ любви, и то ревновалъ ее къ прошедшему, то упрекалъ, то прощалъ себя за это. Было уже шесть часовъ утра, а онъ все ходилъ по комнатѣ.

— Ну чтожъ дѣлать; ужъ если нельзя безъ этого? Чтожъ дѣлать?! Значитъ такъ надо, сказалъ онъ себѣ и поспѣшно раздѣвшись, легъ въ постель, счастливый и взволнованный, но безъ сомнѣній и нерѣшительностей.

«Надо, какъ ни странно, какъ ни невозможно это счастье,— надо сдѣлать все для того, чтобы быть съ ней мужемъ и женой», сказалъ онъ себѣ.

Пьеръ еще за нѣсколько дней передъ этимъ назначилъ въ пятницу день своего отъѣзда въ Петербургъ. Когда онъ проснулся, въ четвергъ, Савельичъ пришелъ къ нему за приказаніями объ укладкѣ вещей въ дорогу.

— Какъ въ Петербургъ? Что такое Петербургъ? Кто въ Петербургѣ? невольно, хотя и про себя спросилъ онъ.—Да, что-то такое давно, еще прежде чѣмъ это случилось, я зачѣмъ-то собирался въ Петербургъ, вспомнилъ онъ.—Отчего же? я и поѣду можетъ быть. Какой онъ добрый, внимательный, какъ все помнитъ! подумалъ онъ, глядя на старое лицо Савельича.—И какая улыбка пріятная! подумалъ онъ.

— Чтожъ все не хочешь на волю, Савельичъ? спросилъ Пьеръ.

— Зачѣмъ мнѣ, ваше сіятельство, воля? При покойномъ графѣ, царство небесное, жили и при васъ обиды не видали.

— Ну а дѣти.

— И дѣти проживутъ, ваше сіятельство: за такими господами жить можно.

— Ну, а наслѣдники мои? сказалъ Пьеръ. Вдругъ я женюсь.... Вѣдь можетъ случиться, прибавилъ онъ съ невольной улыбкой.

— И осмѣливаюсь доложить: хорошее дѣло, ваше сіятельство.

— Какъ онъ думаетъ это легко, подумалъ Пьеръ. Онъ не знаетъ, какъ это страшно, какъ опасно. Слишкомъ рано или слишкомъ поздно... Страшно!

— Какже изволите приказать. Завтра изволите ѣхать? спросилъ Савельичъ.

— Нѣтъ; я немножко отложу. Я тогда скажу. Ты меня извини за хлопоты, сказалъ Пьеръ и, глядя на улыбку Савельича, подумалъ: какъ странно однако, что онъ не знаетъ, что теперь нѣтъ никакого Петербурга и что прежде всего надо, чтобы рѣшилось то. Впрочемъ онъ вѣрно знаетъ, но только притворяется. Поговорить съ нимъ? Какъ онъ думаетъ? подумалъ Пьеръ. Нѣтъ, послѣ когда нибудь.

За завтракомъ Пьеръ сообщилъ княжнѣ, что онъ былъ вчера у княжны Марьи и засталъ тамъ, можете себѣ представить кого? Наташу Ростову.

Княжна сдѣлала видъ, что она въ этомъ извѣстіи не видитъ ничего болѣе необыкновеннаго, какъ въ томъ, что Пьеръ видѣлъ Анну Семеновну.

— Вы ее знаете? спросилъ Пьеръ.

— Я видѣла княжну, отвѣчала она. Я слышала, что ее сватали за молодаго Ростова. Это было бы очень хорошо для Ростовыхъ говорятъ, они совсѣмъ раззорились.

— Нѣтъ, Ростову вы знаете?

— Слышала тогда только про эту исторію. Очень жалко.

— Нѣтъ она не понимаетъ или притворяется, подумалъ Пьеръ. Лучше тоже не говорить ей.

Княжна также приготовила провизію на дорогу Пьеру.

— Какъ они добры всѣ, думалъ Пьеръ, что они теперь, когда ужъ навѣрное имъ это не можетъ быть болѣе интересно, занимаются всѣмъ этимъ. И все для меня; вотъ, что удивительно.

Въ этотъ же день къ Пьеру пріѣхалъ полицеймейстеръ съ

предложеніемъ прислать довѣреннаго въ грановитую палату для пріема вещей, раздаваемыхъ нынче владѣльцамъ.

— Вотъ и этотъ тоже, думалъ Пьеръ, глядя въ лицо полицеймейстера,—какой славный, красивый офицеръ и какъ добръ! *Теперь* занимается такими пустяками. А еще говорятъ, что онъ не честенъ и пользуется. Какой вздоръ! А впрочемъ, отчего же ему и не пользоваться? Онъ такъ и воспитанъ. И всѣ такъ дѣлаютъ. А такое пріятное доброе лицо, и улыбается, глядя на меня.

Пьеръ поѣхалъ обѣдать къ княжнѣ Марьѣ.

Проѣзжая по улицамъ, между пожарищами домовъ, онъ удивлялся красотѣ этихъ развалинъ. Печныя трубы домовъ, отвалившіяся стѣны, живописно напоминая Рейнъ и Колизей, тянулись, скрывая другъ друга по обгорѣлымъ кварталамъ. Встрѣчавшіеся извозчики и ѣздоки, плотники, рубившіе срубы, торговки и лавочники, всѣ съ веселыми, сіяющими лицами,—взглядывали на Пьера и говорили какъ будто: «а вотъ онъ! Посмотримъ, что выйдетъ изъ этого.»

При входѣ въ домъ княжны Марьи на Пьера нашло сомнѣніе въ справедливости того, что онъ былъ здѣсь вчера, видѣлся съ Наташей и говорилъ съ ней. «Можетъ быть это я выдумалъ. Можетъ быть я войду и никого не увижу». Но не успѣлъ онъ вступить въ комнату, какъ уже во всемъ существѣ своемъ, по мгновенному лишенію своей свободы, онъ почувствовалъ ея присутствіе. Она была въ томъ же черномъ платьѣ, съ мягкими складками и также причесана какъ и вчера, но она была совсѣмъ другая. Если бы она была такою вчера, когда онъ вошелъ въ комнату, онъ бы не могъ ни на мгновеніе не узнать ея.

Она была такою же, какою онъ зналъ ее почти ребенкомъ, и потомъ невѣстой князя Андрея. Веселый вопросительный блескъ свѣтился въ ея глазахъ; на лицѣ было ласковое и странно-шаловливое выраженіе.

Пьеръ обѣдалъ и просидѣлъ бы весь вечеръ; но княжна Марья ѣхала ко всенощной, и Пьеръ уѣхалъ съ ними вмѣстѣ.

На другой день Пьеръ пріѣхалъ рано, обѣдалъ и просидѣлъ весь вечеръ. Несмотря на то, что княжна Марья и Наташа были очевидно рады гостю; несмотря на то, что весь интересъ жизни Пьера сосредоточивался теперь въ этомъ домѣ, къ вечеру они все переговорили, и разговоръ переходилъ безпрестанно съ одного ничтожнаго предмета на другой и часто прерывался. Пьеръ засидѣлся въ этотъ вечеръ такъ поздно, что княжна Марья и Наташа переглядывались между собою, очевидно ожидая, скоро ли онъ уйдетъ. Пьеръ видѣлъ это и не могъ уйдти. Ему становилось тяжело, неловко, но онъ все сидѣлъ, потому, что *не могъ* подняться и уйти.

Княжна Марья, не предвидя этому конца, первая встала и, жалуясь на мигрень, стала прощаться.

— Такъ вы завтра ѣдете въ Петербургъ? сказала она.

— Нѣтъ, я не ѣду, съ удивленіемъ и какъ будто обидясь, поспѣшно сказалъ Пьеръ.—Да, нѣтъ, въ Петербургъ? Завтра; только я не прощаюсь. Я заѣду за комиссіями, сказалъ онъ, стоя передъ княжной Марьей, краснѣя и не уходя.

Наташа подала ему руку и вышла. Княжна Марья, напротивъ, вмѣсто того чтобы уйдти, опустилась въ кресло и своимъ лучистымъ, глубокимъ взглядомъ строго и внимательно посмотрѣла на Пьера. Усталость, которую она очевидно выказывала передъ этимъ, теперь совсѣмъ прошла. Она тяжело и продолжительно вздохнула, какъ будто приготавливаясь къ длинному разговору.

Все смущеніе и неловкость Пьера, при удаленіи Наташи, мгновенно изчезли и замѣнились взволнованнымъ оживленіемъ. Онъ быстро придвинулъ кресло близко къ княжнѣ Марьѣ.

— Да, я и хотѣлъ сказать вамъ, сказалъ онъ, отвѣчая какъ на слова, на ея взглядъ.—Княжна, помогите мнѣ. Что мнѣ дѣлать? Могу я надѣяться? Княжна, другъ мой, выслушайте меня. Я все знаю. Я знаю, что я не стою ея; я знаю, что теперь невозможно говорить объ этомъ. Но я хочу быть братомъ ей. Нѣтъ, я не этого, не хочу, не могу....

Онъ остановился и потеръ себѣ лицо и глаза руками.

— Ну вотъ, продолжалъ онъ, видимо сдѣлавъ усиліе надъ собой, чтобы говорить связно.—Я не знаю, съ какихъ поръ я люблю ее. Но я одну только ее, одну любилъ во всю мою жизнь и люблю такъ, что безъ нея не могу себѣ представить жизни. Просить руки ея теперь, я не рѣшаюсь; но мысль о томъ, что, можетъ быть, она могла бы быть моею и что я упущу эту возможность... возможность... ужасна. Скажите, могу я надѣяться? Скажите, что мнѣ дѣлать? Милая княжна, сказалъ онъ, помолчавъ немного и тронувъ ее за руку, такъ какъ она не отвѣчала.

— Я думаю о томъ, что вы мнѣ сказали, отвѣчала княжна Марья. — Вотъ—что я скажу вамъ. Вы правы, что теперь говорить ей о любви.... Княжна остановилась. Она хотѣла сказать: говорить ей о любви теперь невозможно; но она остановилась, потому—что она третій день видѣла, по вдругъ перемѣнившейся Наташѣ, что не только Наташа не оскорбилась бы, если бы ей Пьеръ высказалъ свою любовь, но что она одного только этого и желала.

— Говорить ей теперь.... нельзя, все таки сказала княжна Марья.

— Но чтоже мнѣ дѣлать?

— Поручите это мнѣ, сказала княжна Марья.—Я знаю....

Пьеръ смотрѣлъ въ глаза княжнѣ Марьѣ.

— Ну, ну.... говорилъ онъ.

— Я знаю, что она любитъ.... полюбитъ васъ, поправилась княжна Марья.

Не успѣла она сказать эти слова, какъ Пьеръ вскочилъ и съ испуганнымъ лицомъ схватилъ за руку княжну Марью.

— Отчего вы думаете? Вы думаете, что я могу надѣяться? Вы думаете?!...

—Да, думаю, улыбаясь сказала княжна Марья.—Напишите родителямъ. И поручите мнѣ. Я скажу ей, когда будетъ можно. Я желаю этого. И сердце мое чувствуетъ, что это будетъ.

— Нѣтъ, этого не можетъ быть! Какъ я счастливъ! Но это не можетъ быть.... Какъ я счастливъ! Нѣтъ, не можетъ быть! говорилъ Пьеръ, цѣлуя руки княжны Марьи.

— Вы поѣзжайте въ Петербургъ; это лучше. А я напишу вамъ, сказала она.

— Въ Петербургъ? ѣхать? Да, хорошо, ѣхать. Но завтра я могу пріѣхать къ вамъ?

На другой день Пьеръ пріѣхалъ проститься. Наташа была менѣе оживлена, чѣмъ въ прежніе дни; но въ этотъ день, иногда взглянувъ ей въ глаза, Пьеръ чувствовалъ, что онъ изчезаетъ, что ни его, ни ея нѣтъ больше, а есть одно чувство счастья. — Неужели? Нѣтъ, не можетъ быть, говорилъ онъ себѣ при каждомъ ея взглядѣ, жестѣ, словѣ, наполнявшихъ его душу радостью.

Когда онъ, прощаясь съ нею, взялъ ея тонкую, худую руку, онъ невольно нѣсколько дольше удержалъ ее въ своей.

— Неужели эта рука, это лицо, эти глаза, все это, чуждое мнѣ сокровище женской прелести, неужели это все будетъ вѣчно мое, привычное, такое же, какимъ я самъ для себя? Нѣтъ, это невозможно!....

— Прощайте, графъ, сказала она ему громко.—Я очень буду ждать васъ, прибавила она шопотомъ.

И эти простыя слова, взглядъ и выраженіе лица́, сопровождавшіе ихъ, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ составляли предметъ неистощимыхъ воспоминаній, объясненій и счастливыхъ мечтаній Пьера. «Я очень буду ждать васъ»...

Да да, какъ она сказала? Да «я очень буду ждать васъ». Ахъ какъ я счастливъ!—Чтожъ это такое, какъ я счастливъ! говорилъ себѣ Пьеръ.

XX.

Въ душѣ Пьера теперь не происходило ничего подобнаго тому, что происходило въ ней въ подобныхъ же обстоятельствахъ во время его сватовства съ Эленъ.

Онъ не повторялъ, какъ тогда съ болѣзненнымъ стыдомъ, словъ сказанныхъ имъ, не говорилъ себѣ: ахъ зачѣмъ я не сказалъ этого, и зачѣмъ, зачѣмъ я сказалъ тогда «je vous aime?» Теперь, напротивъ, каждое слово ея, свое, онъ повторялъ, въ своемъ воображенiи, со всѣми подробностями лица, улыбки и ничего не хотѣлъ ни убавить, ни прибавить: хотѣлось только повторять. Сомнѣнiй въ томъ, хорошо ли или дурно то, что онъ предпринялъ, — теперь не было и тѣни. Одно только страшное сомнѣнiе иногда приходило ему въ голову. Не во снѣ ли все это? Не ошиблась-ли княжна Марья? Не слишкомъ ли я гордъ и самонадѣянъ? Я вѣрю; а вдругъ, что̀ и должно случиться, княжна Марья скажетъ ей; а она улыбнется и отвѣтитъ: «какъ странно! Онъ вѣрно ошибся. Развѣ онъ не знаетъ что онъ человѣкъ, просто человѣкъ, а я?... Я совсѣмъ другое, высшее».

Только это сомнѣнiе часто приходило Пьеру. Плановъ онъ тоже не дѣлалъ теперь никакихъ. Ему казалось такъ невѣроятно предстоящее счастье, что стоило этому совершиться, и ужъ дальше ничего не могло быть. Все кончалось.

Радостное, неожиданное сумасшествiе, къ которому Пьеръ считалъ себя неспособнымъ, овладѣло имъ. Весь смыслъ жизни, не для него одного, но для всего мiра, казался ему заключающимся только въ его любви и въ возможности ея любви къ нему. Иногда всѣ люди казались ему занятыми

только однимъ, — его будущимъ счастьемъ. Ему казалось иногда, что всѣ они радуются также, какъ и онъ самъ и только стараются скрыть эту радость, притворяясь занятыми другими интересами. Въ каждомъ словѣ и движенiи онъ видѣлъ намеки на свое счастiе. Онъ часто удивлялъ людей, встрѣчавшихся съ нимъ, своими значительными выражавшими тайное согласiе счастливыми взглядами и улыбками. Но когда онъ понималъ, что люди могли не знать про его счастье, онъ отъ всей души жалѣлъ ихъ и испытывалъ желанiе какъ нибудь объяснить имъ, что все то, чѣмъ они заняты, есть совершенный вздоръ и пустяки, не стоющiе вниманiя.

Когда ему предлагали служить или когда обсуждали какiя нибудь общiя, государственныя дѣла и войну, предполагая, что отъ такого или такого-то исхода событiя зависитъ счастье всѣхъ людей, онъ слушалъ съ кроткой соболѣзновающей улыбкой и удивлялъ говорившихъ съ нимъ людей своими странными замѣчанiями. Но какъ тѣ люди, которые казались Пьеру понимающими настоящiй смыслъ жизни, т. е. его чувство, такъ и тѣ несчастные, которые очевидно не понимали этого, — всѣ люди въ этотъ перiодъ времени, представлялись ему въ такомъ яркомъ свѣтѣ, сiявшаго въ немъ чувства, что безъ малѣйшаго усилiя, онъ сразу, встрѣчаясь съ какимъ бы то ни было человѣкомъ, видѣлъ въ немъ все, что было хорошаго и достойнаго любви.

Разсматривая дѣла и бумаги своей покойной жены, онъ къ ея памяти не испытывалъ никакого чувства, кромѣ жалости въ томъ, что она не знала того счастья, которое онъ зналъ теперь. Князь Василiй, особенно гордый теперь полученiемъ новаго мѣста и звѣзды, представлялся ему трогательнымъ, добрымъ и жалкимъ старикомъ.

Пьеръ часто потомъ вспоминалъ это время счастливаго безумiя. Всѣ сужденiя, которыя онъ составилъ себѣ о лю-

дахъ и обстоятельствахъ за этотъ періодъ времени, остались для него навсегда вѣрными. Онъ не только не отрекался впослѣдствіи отъ этихъ взглядовъ на людей и вещи, но напротивъ, во внутреннихъ сомнѣніахъ и противорѣчіяхъ, прибѣгалъ къ тому взгляду, который онъ имѣлъ въ это время безумія, и взглядъ этотъ всегда оказывался вѣренъ.

— Можетъ быть, думалъ онъ, а и казался тогда страненъ и смѣшонъ; но я тогда не былъ такъ безуменъ, какъ казалось. Напротивъ, я былъ тогда умнѣе и проницательнѣе, чѣмъ когда либо и понималъ все, что стоитъ понимать въ жизни, потому-что.. . . . я былъ счастливъ.

Безуміе Пьера состояло въ томъ, что онъ не дожидался, какъ прежде, личныхъ причинъ, которыя онъ называлъ достоинствами людей, для того, чтобы любить ихъ, а любовь переполняла его сердце, и онъ, безпричинно любя людей, находилъ несомнѣнныа причины, за которыя стоило любить ихъ.

XXI.

Съ перваго того вечера, когда Наташа, послѣ отъѣзда Пьера, съ радостно-насмѣшливой улыбкой, сказала княжнѣ Марьѣ, что онъ точно, ну точно изъ бани, и сюртучекъ, и стриженый, съ этой минуты что-то скрытое и самой ей неизвѣстное, но непреодолимое, проснулось въ душѣ Наташи.

Все: лицо, походка, взглядъ, голосъ,— все вдругъ измѣнилось въ ней. Неожиданныа для нея самой,— сила жизни, надежды на счастье всплыли наружу и требовали удовлетворенія. Съ перваго вечера Наташа какъ будто забыла все то, что съ ней было. Она съ тѣхъ поръ ни разу не пожаловалась на свое положеніе, ни одного слова не сказала о прошедшемъ и не боялась уже дѣлать веселые планы на будущее. Она мало говорила о Пьерѣ, но когда княжна

Марья упоминала о немъ, давно потухшій блескъ зажигался въ ея глазахъ, и губы морщились странной улыбкой.

Перемѣна, происшедшая въ Наташѣ, сначала удивила княжну Марью; но когда она поняла ея значеніе, то перемѣна эта огорчила ее. — Неужели она такъ мало любила брата, что такъ скоро могла забыть его, думала княжна Марья, когда она одна обдумывала происшедшую перемѣну. Но когда она была съ Наташей, то не сердилась на нее и не упрекала ей. Проснувшаяся сила жизни, охватившая Наташу, была очевидно такъ неудержима, такъ неожиданна для нея самой, что княжна Марья въ присутствіи Наташи чувствовала, что она не имѣла права упрекать ей даже въ душѣ своей.

Наташа съ такой полнотой и искренностью вся отдалась новому чувству, что и не пыталась скрывать, что ей было теперь не горестно, а радостно и весело.

Когда, послѣ ночнаго объясненія съ Пьеромъ, княжна Марья вернулась въ свою комнату, Наташа встрѣтила ее на порогѣ.

— Онъ сказалъ? Да? Онъ сказалъ? повторила она. И радостное и вмѣстѣ жалкое, просящее прощенія за свою радость, выраженіе остановилось на лицѣ Наташи.

— Я хотѣла слушать у двери; но я знала, что ты скажешь мнѣ.

Какъ ни понятенъ, какъ ни трогателенъ былъ для княжны Марьи тотъ взглядъ, которымъ смотрѣла на нее Наташа; какъ ни жалко ей было видѣть ея волненіе; но слова Наташи въ первую минуту оскорбили княжну Марью. Она вспомнила о братѣ, о его любви.

— Но что же дѣлать! она не можетъ иначе, подумала княжна Марья; и съ грустнымъ и нѣсколько строгимъ лицомъ передала она Наташѣ все, что сказалъ ей Пьеръ. Услыхавъ, что онъ собирается въ Петербургъ, Наташа изумилась. — Въ Петербургъ! повторила она, какъ бы не пони-

мая. Но вглядѣвшись въ грустное выраженіе лица княжны Марьи, она догадалась о причинѣ ея грусти и вдругъ заплакала. — Мари, сказала она, — научи, что̀ мнѣ дѣлать: я боюсь быть дурной. Что̀ ты скажешь, то я и буду дѣлать; научи меня....

— Ты любишь его?

— Да, прошептала Наташа.

— Объ чемъ же ты плачешь? Я счастлива за тебя, сказала княжна Марья, за эти слезы простивъ уже совершенно радость Наташи.

— Это будетъ не скоро, когда нибудь. Ты подумай, какое счастье, когда я буду его женой, а ты выйдешь за Nicolas.

— Наташа, я тебя просила не говорить объ этомъ. Будемъ говорить о тебѣ.

Онѣ помолчали.

— Только для чего же въ Петербургъ! вдругъ сказала Наташа, и сама же поспѣшно отвѣтила себѣ. — Нѣтъ, нѣтъ, это такъ надо.... Да Мари? Такъ надо....

ЭПИЛОГЪ.

ЭПИЛОГЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Прошло семь лѣтъ. Взволнованное историческое море Европы улеглось въ свои берега. Оно казалось затихшимъ; но таинственныя силы, двигающія человѣчество (таинственныя потому, что законы, опредѣляющіе ихъ движеніе, неизвѣстны намъ) продолжали свое дѣйствіе.

Несмотря на то, что поверхность историческаго моря казалась неподвижною, также непрерывно, какъ движеніе времени, двигалось человѣчество. Слагались, разлагались различныя группы людскихъ сцѣплеій; подготовлялись причины образованія и разложенія государствъ, перемѣщеній народовъ.

Историческое море, не какъ прежде, направлялось порывами отъ одного берега къ другому: оно бурлило въ глубинѣ. Историческія лица, не какъ прежде, носились волнами отъ одного берега къ другому; теперь они, казалось, кружились на одномъ мѣстѣ. Историческія лица, прежде во главѣ войскъ отражавшія приказаніями войнъ, походовъ, сраженій, движенія массъ, теперь отражали бурлившее движеніе политическими и дипломатическими соображеніями, законами, трактатами....

Эту дѣятельность историческихъ лицъ историки называютъ реакціей.

Описывая дѣятельность этихъ историческихъ лицъ, бывшихъ, по ихъ мнѣнію, причиною того, что они называютъ *реакціей,* историки строго осуждаютъ ихъ. Всѣ извѣст-

ные люди того времени, отъ Александра и Наполеона до M-me Staël, Фотія, Шелинга, Фихте, Шатобріана и проч., проходятъ передъ ихъ строгимъ судомъ и оправдываются или осуждаются, смотря по тому, содѣйствовали ли они *прогрессу* или *реакціи*.

Въ Россіи, по ихъ описанію, въ этотъ періодъ времени тоже происходила реакція, и главнымъ виновникомъ этой реакціи былъ Александръ I, — тотъ самый Александръ I, который, по ихъ же описаніямъ, былъ главнымъ виновникомъ либеральныхъ начинаній своего царствованія и спасенія Россіи.

Въ настоящей русской литературѣ отъ гимназиста до ученаго историка, нѣтъ человѣка, который бы не бросилъ своего камушка въ Александра за неправильные поступки его въ этотъ періодъ царствованія.

«Онъ долженъ былъ поступить такъ-то и такъ-то. Въ такомъ случаѣ онъ поступилъ хорошо, въ такомъ дурно. Онъ прекрасно велъ себя въ началѣ царствованія и во время 12-го года; но онъ поступилъ дурно, давъ конституцію Польшѣ, сдѣлавъ Священный Союзъ, давъ власть Аракчееву, поощряя Голицына и мистицисмъ, потомъ поощряя Шишкова и Фотія. Онъ сдѣлалъ дурно, занимаясь фронтовой частью арміи; онъ поступилъ дурно, раскасировавъ Семеновскій полкъ и т. д.»

Надо бы исписать десять листовъ для того, чтобы перечислить всѣ тѣ упреки, которые дѣлаютъ ему историки на основаніи того знанія блага человѣчества, которымъ они обладаютъ.

Что значатъ эти упреки?

Тѣ самые поступки, за которые историки одобряютъ Александра I, — какъ-то: либеральныя начинанія царствованія, борьба съ Наполеономъ, твердость, выказанная имъ въ 12-мъ году и походъ 13-го года, не вытекаютъ-ли изъ однихъ

и тѣхъ же источниковъ,—условій крови, воспитанія, жизни, сдѣлавшихъ личность Александра тѣмъ, чѣмъ она была,— изъ которыхъ вытекаютъ и тѣ поступки, за которые историки порицаютъ его, какъ-то: Священный Союзъ, возстановленіе Польши, реакція 20-хъ годовъ.

Въ чемъ же состоитъ сущность этихъ упрековъ?

Въ томъ, что такое историческое лицо, какъ Александръ I, лицо, стоявшее на высшей возможной ступени человѣческой власти, какъ-бы въ фокусѣ ослѣпляющаго свѣта всѣхъ сосредоточивающихся на немъ историческихъ лучей; лицо, подлежавшее тѣмъ сильнѣйшимъ въ мірѣ вліяніямъ интригъ, обмановъ, лести, самообольщенія, которыя неразлучны съ властью; лицо, чувствовавшее на себѣ, всякую минуту своей жизни, отвѣтственность за все совершавшееся въ Европѣ, и лицо не выдуманное, а живое, какъ и каждый человѣкъ, съ своими личными привычками, страстями, стремленіями къ добру, красотѣ, истинѣ,—что это лицо, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, не то что не было добродѣтельно (за это историки не упрекаютъ), а не имѣло тѣхъ воззрѣній на благо человѣчества, которыя имѣетъ теперь профессоръ, смолоду занимающійся наукой, т е. читаніемъ книжекъ, лекцій и списываніемъ этихъ книжекъ и лецкій въ одну тетрадку.

Но если даже предположить, что Александръ I, 50 лѣтъ тому назадъ, ошибался въ своемъ воззрѣніи на то, что̀ есть благо народовъ, невольно должно предположить, что и историкъ, судящій Александра, точно также по прошествіи нѣкотораго времени окажется несправедливымъ въ своемъ воззрѣніи на то, что̀ есть благо человѣчества. Предположеніе это тѣмъ болѣе естественно и необходимо, что, слѣдя за развитіемъ исторіи, мы видимъ, что съ каждымъ годомъ, съ каждымъ новымъ писателемъ измѣняется воззрѣніе на то, что̀ есть благо человѣчества; такъ что то, что̀ казалось благомъ, чрезъ 10 лѣтъ представляется

зломъ; и на оборотъ. Мало того, одновременно мы находимъ въ исторіи совершенно противоположные взгляды на то, что было зло и что было благо: одни данную Польшѣ конституцію и Священный Союзъ ставятъ въ заслугу, другіе въ укоръ Александру.

Про дѣятельность Александра и Наполеона нельзя сказать, чтобы она была полезна или вредна, ибо мы не можемъ сказать, для чего она полезна и для чего вредна. Если дѣятельность эта кому-нибудь не нравится, то она не нравится ему только вслѣдствіе несовпаденія ея съ ограниченнымъ пониманіемъ его о томъ, что̀ есть благо. Представляется ли мнѣ благомъ сохраненіе въ 12-мъ году дома моего отца въ Москвѣ, или слава русскихъ войскъ, или процвѣтаніе петербургскаго или другихъ университетовъ, или свобода Польши, или могущество Россіи, или равновѣсіе Европы, или извѣстнаго рода европейское просвѣщеніе—прогрессъ, я долженъ признать, что дѣятельность всякаго историческаго лица имѣла, кромѣ этихъ цѣлей, еще другія, болѣе общія и недоступныя мнѣ цѣли.

Но положимъ, что такъ называемая наука имѣетъ возможность примирить всѣ противорѣчія и имѣетъ для историческихъ лицъ и событій неизмѣнное мѣрило хорошаго и дурнаго.

Положимъ, что Александръ могъ сдѣлать все иначе. Положимъ, что онъ могъ, по предписанію тѣхъ, которые обвиняютъ его, тѣхъ, которые профессируютъ знаніе конечной цѣли движенія человѣчества, распорядиться по той программѣ народности, свободы, равенства и прогресса (другой кажется нѣтъ), которую бы ему дали теперешніе обвинители. Положимъ, что эта программа была бы возможна и составлена, и что Александръ дѣйствовалъ бы по ней. Что̀ же сталось бы тогда съ дѣятельностію всѣхъ тѣхъ людей, которые противодѣйствовали тогдашнему направленію правительства,—съ дѣятель-

ностью, которая, по мнѣнію историковъ, хороша и полезна? Дѣятельности бы этой не было; жизни бы не было; ничего бы не было.

Если допустить, что жизнь человѣческая можетъ управляться разумомъ,—то уничтожится возможность жизни.

II.

Если допустить, какъ то дѣлаютъ историки, что великіе люди ведутъ человѣчество къ достиженію извѣстныхъ цѣлей, состоящихъ или въ величіи Россіи или Франціи, или въ равновѣсіи Европы, или въ разнесеніи идей революціи, или въ общемъ прогрессѣ, или въ чемъ бы то ни было, то невозможно объяснить явленій исторіи безъ понятій о *случаѣ* и о *геніи*.

Если цѣль европейскихъ войнъ начала нынѣшняго столѣтія состояла въ величіи Россіи, то эта цѣль могла быть достигнута безъ всѣхъ предшествовавшихъ войнъ и безъ нашествія. Если цѣль— величіе Франціи, то эта цѣль могла быть достигнута и безъ революціи и безъ Имперіи. Если цѣль — распространеніе идей, то книгопечатаніе исполнило бы это гораздо лучше, чѣмъ солдаты. Если цѣль— прогрессъ цивилизаціи, то весьма легко предположить, что, кромѣ истребленія людей и ихъ богатствъ, есть другіе болѣе цѣлесообразные пути для распространенія цивилизаціи.

Почему же это случилось такъ, а не иначе?

Потому что это такъ случилось. «*Случай* сдѣлалъ положеніе; *геній* воспользовался имъ», говоритъ исторія.

Но что такое *случай*? Что такое *геній?*

Слова *случай* и *геній* не обозначаютъ ничего дѣйствительно существующаго, и потому не могутъ быть опредѣлены. Слова эти только обозначаютъ извѣстную степень пониманія явленій. Я не знаю, почему происходитъ такое-то

явленіе; думаю, что не могу знать: потому не хочу знать и говорю: *случай*. Я вижу силу, производящую несоразмѣрное съ общечеловѣческими свойствами дѣйствіе; не понимаю, почему это происходитъ и говорю: *геній*.

Для стада барановъ тотъ баранъ, который каждый вечеръ отгоняется овчаромъ въ особый денникъ къ корму и становится вдвое толще другихъ, долженъ казаться геніемъ. И то обстоятельство, что каждый вечеръ, именно этотъ самый баранъ попадаетъ не въ общую овчарню, а въ особый денникъ къ овсу, и что этотъ, именно этотъ самый баранъ, облитый жиромъ, убивается на мясо, должно представляться поразительнымъ соединеніемъ геніальности съ цѣлымъ рядомъ необычайныхъ случайностей.

Но баранамъ стòитъ только перестать думать, что все, что̀ дѣлается съ ними, происходитъ только для достиженія ихъ бараньихъ цѣлей; стòитъ допустить, что происходящія съ ними событія могутъ имѣть и непонятныя для нихъ цѣли, и они тотчасъ же увидятъ единство, послѣдовательность въ томъ, что̀ происходитъ съ откармливаемымъ бараномъ. Ежели они и не будутъ знать, для какой цѣли онъ откармливался, то по крайней мѣрѣ они будутъ знать, что все случившееся съ бараномъ, случилось не нечаянно, и имъ уже не будетъ нужды въ понятіи ни о *случаѣ*, ни о *геніи*.

Только отрѣшившись отъ знанія близкой понятной цѣли и признавъ, что конечная цѣль намъ недоступна, мы увидимъ послѣдовательность и цѣлесообразность въ жизни историческихъ лицъ; намъ откроется причина того несоразмѣрнаго съ общечеловѣческими свойствами дѣйствія, которое они производятъ, и не нужны будутъ намъ слова *случай* и *геній*.

Стòитъ только признать, что цѣль волненій европейскихъ народовъ намъ неизвѣстна, а извѣстны только факты, состоящіе въ убійствахъ, сначала во Франціи, потомъ въ Италіи, въ Африкѣ, въ Пруссіи, въ Австріи, въ Испаніи, въ Россіи,

и что движенiе съ запада на востокъ и съ востока на западъ составляютъ сущность и цѣль событій, и намъ не только не нужно будетъ видѣть исключительность и *геніальность* въ характерахъ Наполеона и Александра, но нельзя будетъ представить себѣ эти лица иначе, какъ такими же людьми, какъ и всѣ остальные; и не только не нужно будетъ объяснять *случайностію* тѣхъ мелкихъ событій, которыя сдѣлали этихъ людей тѣмъ, чѣмъ они были, но будетъ ясно, что всѣ эти мелкія событія были необходимы.

Отрѣшившись отъ знанія конечной цѣли, мы ясно поймемъ, что точно также, какъ ни къ одному растенію нельзя придумать другихъ, болѣе соотвѣтственныхъ ему, цвѣта и сѣмени, чѣмъ тѣ, которые оно производитъ, точно также невозможно придумать другихъ двухъ людей, со всѣмъ ихъ прошедшимъ, которое соотвѣтствовало бы до такой степени, до такихъ мельчайшихъ подробностей тому назначенію, которое имъ предлежало исполнить.

III.

Основный, существенный смыслъ европейскихъ событій начала нынѣшняго столѣтія есть воинственное движенiе массъ европейскихъ народовъ съ запада на востокъ и потомъ съ востока на западъ. Первымъ зачинщикомъ этого движенія было движенiе съ запада на востокъ. Для того, чтобы народы запада могли совершить то воинственное движенiе до Москвы, которое они совершили, необходимо было 1) чтобы они сложились въ воинственную группу такой величины, которая была бы въ состояніи вынести столкновенiе съ воинственной группой востока; 2), чтобы они отрѣшились отъ всѣхъ установившихся преданій и привычекъ и 3) чтобы, совершая свое воинственное движенiе, они

имѣли во главѣ своей человѣка, который, и для себя и для нихъ, могъ бы оправдывать имѣющія совершиться обманы, грабежи и убійства, которыя сопутствовали этому движенію.

И начиная съ французской революціи, разрушается старая, недостаточно великая группа; уничтожаются старыя привычки и преданія; вырабатываются, шагъ за шагомъ, группа новыхъ размѣровъ, новыя привычки и преданія, и приготовляется тотъ человѣкъ, который долженъ стоять во главѣ будущаго движенія и нести на себѣ всю отвѣтственность имѣющаго совершиться.

Человѣкъ безъ убѣжденій, безъ привычекъ, безъ преданій, безъ имени, даже не Французъ, самыми, кажется, странными случайностями, продвигается между всѣми волнующими Францію партіями и, не приставая ни къ одной изъ нихъ, выносится на замѣтное мѣсто.

Невѣжество сотоварищей, слабость и ничтожество противниковъ, искренность лжи и блестящая и самоувѣренная ограниченность этого человѣка выдвигаютъ его во главу арміи. Блестящій составъ солдатъ итальянской арміи, нежеланіе драться противниковъ, ребяческая дерзость и самоувѣренность пріобрѣтаютъ ему военную славу. Безчисленное количество такъ называемыхъ случайностей сопутствуетъ ему вездѣ. Немилость, въ которую онъ впадаетъ у правителей Французовъ, служитъ ему въ пользу. Попытки его измѣнить предназначенный ему путь не удаются: его не принимаютъ на службу въ Россію, и не удается ему опредѣленіе въ Турцію. Во время войнъ въ Италіи, онъ нѣсколько разъ находится на краю гибели и всякій разъ спасается неожиданнымъ образомъ. Русскія войска, тѣ самыя, которыя могутъ разрушить его славу, по разнымъ дипломатическимъ соображеніямъ, не вступаютъ въ Европу до тѣхъ поръ, пока онъ тамъ.

По возвращенін изъ Италіи, онъ находитъ правительство въ Парижѣ въ томъ процессѣ разложенія, въ которомъ люди, попадающіе въ это правительство, неизбѣжно стираются и уничтожаются. И самъ собой для него является выходъ изъ этого опаснаго положенія, состоящій въ безсмысленной, безпричинной экспедиціи въ Африку. Опять тѣ же такъ называемыя случайности сопутствуютъ ему. Неприступная Мальта сдается безъ выстрѣла; самыя неосторожныя распоряженія увѣнчиваются успѣхомъ. Непріятельскій флотъ, который не пропуститъ послѣ ни одной лодки, пропускаетъ цѣлую армію. Въ Африкѣ надъ безоружными почти жителями совершается цѣлый рядъ злодѣяній. И люди, совершающіе злодѣянія эти, и въ особенности ихъ руководитель, увѣряютъ себя, что это прекрасно, что это слава, что это похоже на Кесаря и Александра Македонскаго, и что это хорошо.

Тотъ идеалъ *славы* и *величія*, состоящій въ томъ, чтобы не только ничего не считать для себя дурнымъ, но гордиться всякимъ своимъ преступленіемъ, приписывая ему непонятное сверхъестественное значеніе, — этотъ идеалъ, долженствующій руководить этимъ человѣкомъ и связанными съ нимъ людьми, на просторѣ вырабатывается въ Африкѣ. Все, что онъ ни дѣлаетъ, удается ему. Чума не пристаетъ къ нему. Жестокость убійства плѣнныхъ не ставится ему въ вину. Ребячески неосторожный, безпричинный и неблагородный отъѣздъ его изъ Африки, отъ товарищей въ бѣдѣ, ставится ему въ заслугу, и опять непріятельскій флотъ два раза упускаетъ его. Въ то время, какъ онъ, уже совершенно одурманенный совершенными имъ счастливыми преступленіями, готовый для своей роли, безъ всякой цѣли пріѣзжаетъ въ Парижъ, то разложеніе республиканскаго правительства, которое могло погубить его годъ тому назадъ, теперь дошло до крайней степени, и присутствіе его, свѣжаго отъ партій человѣка, теперь только можетъ возвысить его.

Онъ не имѣетъ никакого плана; онъ всего боится; но партіи ухватываются за него и требуютъ его участія.

Онъ одинъ, съ своимъ выработаннымъ въ Италіи и Египтѣ идеаломъ славы и величія, съ своимъ безуміемъ самообожанія, съ своей дерзостью преступленій, съ своей искренностью лжи,—онъ одинъ можетъ оправдать то, что имѣетъ совершиться.

Онъ нуженъ для того мѣста, которое ожидаетъ его и потому, почти независимо отъ его воли и несмотря на его нерѣшительность, на отсутствіе плана, на всѣ ошибки, которыя онъ дѣлаетъ, онъ втягивается въ заговоръ, имѣющій цѣлью овладѣніе властью, и заговоръ увѣнчивается успѣхомъ.

Его вталкиваютъ въ засѣданіе правителей. Испуганный, онъ хочетъ бѣжать, считая себя погибшимъ; притворяется, что падаетъ въ обморокъ; говоритъ безмысленныя вещи, которыя должны бы погубить его. Но правители Франціи, прежде смѣтливые и гордые, теперь, чувствуя, что роль ихъ сыграна, смущены еще болѣе чѣмъ онъ, говорятъ не тѣ слова, которыя имъ нужно бы было говорить для того, чтобы удержать власть и погубить его.

Случайность, милліоны *случайностей* даютъ ему власть, и всѣ люди, какъ бы сговорившись, содѣйствуютъ утвержденію этой власти. *Случайности* дѣлаютъ характеры тогдашнихъ правителей Франціи, подчиняющимися ему; *случайности* дѣлаютъ характеръ Павла I, признающаго его власть; *случайность* дѣлаетъ противъ него заговоръ, не только не вредящій ему, но утверждающій его власть. *Случайность* посылаетъ ему въ руки Энгіенскаго и нечаянно заставляетъ его убить, тѣмъ самымъ, сильнѣе всѣхъ другихъ средствъ, убѣждая толпу, что онъ имѣетъ право, такъ какъ онъ имѣетъ силу. *Случайность* дѣлаетъ то, что онъ напрягаетъ всѣ силы на экспедицію въ Англію, которая очевидно погубила бы его, и никогда не исполня-

етъ этого намѣренія, а нечаянно нападаетъ на Мака съ Австрійцами, которые сдаются безъ сраженія. *Случайность* и *геніальность* даютъ ему побѣду подъ Аустерлицомъ, и *случайно* всѣ люди, не только Французы, но и вся Европа, за исключеніемъ Англіи, которая и не приметъ участія въ имѣющихъ совершиться событіяхъ, всѣ люди, несмотря на прежній ужасъ и отвращеніе къ его преступленіямъ, теперь признаютъ за нимъ его власть, названіе, которое онъ себѣ далъ и его идеалъ величія и славы, который кажется всѣмъ чѣмъ-то прекраснымъ и разумнымъ.

Какъ бы примѣриваясь и приготовляясь къ предстоящему движенію, силы запада нѣсколько разъ въ 1805-мъ, 6-мъ, 7-мъ, 9-мъ году стремятся на востокъ, крѣпчая и наростая. Въ 1811-мъ году группа людей, сложившаяся во Франціи, сливается въ одну огромную группу съ серединными народами. Вмѣстѣ съ увеличивающейся группой людей дальше развивается сила оправданія человѣка, стоящаго во главѣ движенія. Въ десятилѣтній приготовительный періодъ времени, предшествующій большому движенію, человѣкъ этотъ сводится со всѣми коронованными лицами Европы. Разоблаченные владыки міра не могутъ противопоставить наполеоновскому идеалу *славы и величія*, неимѣющаго смысла, никакого разумнаго идеала. Одинъ передъ другимъ они стремятся показать ему свое ничтожество. Король Прусскій посылаетъ свою жену заискивать милости великаго человѣка; императоръ Австріи считаетъ за милость то, что человѣкъ этотъ принимаетъ въ свое ложе дочь Кесарей; папа, блюститель святыни народовъ, служитъ своей религіей возвышенію великаго человѣка. Не столько самъ Неполеонъ приготовляетъ себя для исполненія своей роли, сколько все окружающее готовитъ его къ принятію на себя всей отвѣтственности того, что́ совершается и имѣетъ совершиться. Нѣтъ поступка, нѣтъ злодѣянія, или мелочнаго обмана, который бы онъ совершилъ и который тотчасъ же въ устахъ

его окружающихъ не отразился бы въ формѣ великаго дѣянія. Лучшій праздникъ, который могутъ придумать для него Германцы, это празднованіе Іены и Ауерштета. Не только онъ великъ, но велики его предки, его братья, его пасынки, зятья. Все совершается для того, чтобы лишить его послѣдней силы разума и приготовить къ его страшной роли. И когда онъ готовъ, готовы и силы.

Нашествіе стремится на востокъ, достигаетъ конечной цѣли—Москвы. Столица взята; русское войско болѣе уничтожено, чѣмъ когда нибудь были уничтожены непріятельскія войска въ прежнихъ войнахъ отъ Аустерлица до Ваграма. Но вдругъ вмѣсто тѣхъ *случайностей* и *геніальности*, которыя такъ послѣдовательно вели его до сихъ поръ непрерывнымъ рядомъ успѣховъ къ предназначенной цѣли, является безчисленное количество обратныхъ *случайностей* отъ насморка въ Бородинѣ до морозовъ и искры, зажегшей Москву; и вмѣсто *геніальности*, являются глупость и подлость, неимѣющія примѣровъ.

Нашествіе бѣжитъ, возвращается назадъ, опять бѣжитъ, и всѣ случайности постоянно теперь уже не за, а противъ него.

Совершается противодвиженіе съ востока на западъ съ замѣчательнымъ сходствомъ съ предшествовавшимъ движеніемъ съ запада на востокъ. Тѣ же попытки движенія съ востока на западъ въ 1805—1807—1809-мъ годахъ предшествуютъ большому движенію; то же сцѣпленіе въ группу огромныхъ размѣровъ; то же приставаніе серединныхъ народовъ къ движенію; то же колебаніе въ серединѣ пути и та же быстрота, по мѣрѣ приближенія къ цѣли.

Парижъ, — крайняя цѣль достигнута. Наполеоновское правительство и войска разрушены. Самъ Наполеонъ не имѣетъ больше смысла; всѣ дѣйствія его очевидно жалки и гадки; но опять совершается необъяснимая случайность: союзники ненавидятъ Наполеона, въ которомъ они видятъ

причину своихъ бѣдствій; лишенный силы и власти, изобличенный въ злодѣйствахъ и коварствахъ, онъ бы долженъ былъ представляться имъ такимъ, какимъ онъ представлялся имъ десять лѣтъ тому назадъ, и годъ послѣ, — разбойникомъ внѣ закона. Но по какой-то странной случайности, никто не видитъ этого. Роль его еще не кончена. Человѣка, котораго, десять лѣтъ тому назадъ и годъ послѣ, считали разбойникомъ внѣ закона, посылаютъ, въ два дня переѣзда отъ Франціи, на островъ, отдаваемый ему во владѣніе съ гвардіей и милліонами, которые платятъ ему за что-то.

IV.

Движеніе народовъ начинаетъ укладываться въ свои берега. Волны большаго движенія отхлынули, и на затихшемъ морѣ образуются круги, по которымъ носятся дипломаты, воображая, что именно они производятъ затишье движенія.

Но затихшее море вдругъ поднимается. Дипломатамъ кажется, что они, ихъ несогласія, причиной этого новаго напора силъ; они ждутъ войны между своими государями; положеніе имъ кажется неразрѣшимымъ. Но волна, подъемъ которой они чувствуютъ, несется не оттуда, откуда они ждутъ ее. Поднимается та же волна, съ той же исходной точки движенія — Парижа. Совершается послѣдній отплескъ движенія съ запада; отплескъ, который долженъ разрѣшить кажущіяся неразрѣшимыми дипломатическія затрудненія и положить конецъ воинственному движенію этого періода.

Человѣкъ, опустошившій Францію, одинъ, безъ заговора, безъ солдатъ, приходитъ во Францію. Каждый сторожъ можетъ взять его; но по странной случайности, никто не только не беретъ, но всѣ съ восторгомъ встрѣчаютъ того человѣка,

котораго проклинали день тому назадъ и будутъ проклинать черезъ мѣсяцъ.

Человѣкъ этотъ нуженъ еще для оправданія послѣдняго совокупнаго дѣйствія.

Дѣйствіе совершено.

Послѣдняя роль сыграна. Актеру велѣно раздѣться и смыть сурьму и румяны: онъ больше не понадобится.

И проходятъ нѣсколько лѣтъ въ томъ, что этотъ человѣкъ, въ одиночествѣ на своемъ островѣ, играетъ самъ передъ собою жалкую комедію, интригуетъ и лжетъ, оправдывая свои дѣянія, когда оправданіе это уже не нужно, и показываетъ всему міру, что̀ такое было то, что̀ люди принимали за силу, когда невидимая рука водила имъ.

Распорядитель, окончивъ драму и раздѣвъ актера, показалъ его намъ.

— Смотрите, чему вы вѣрили! Вотъ онъ! Видите ли вы теперь, что не онъ, а Я двигалъ васъ?

Но, ослѣпленные силой движенія, люди долго не понимали этого.

Еще бо̀льшую послѣдовательность и необходимость представляетъ жизнь Александра I, того лица, которое стояло во главѣ противодвиженія съ востока на западъ.

Что нужно для того человѣка, который бы, заслоняя другихъ, стоялъ во главѣ этого движенія съ востока на западъ?

Нужно чувство справедливости, участіе къ дѣламъ Европы, но отдаленное, не затемненное мелочными интересами; нужно преобладаніе высоты нравственной надъ сотоварищами — государями того времени; нужна кроткая и привлекательная личность; нужно личное оскорбленіе противъ Наполеона. И все это есть въ Александрѣ I; все это подготовлено безчисленными такъ называемыми *случайностями* всей его прошедшей жизни: и воспитаніемъ, и либеральными начинаніями, и окружающими совѣтниками, и Аустерлицемъ, и Тильзитомъ, и Эрфуртомъ.

Во время народной войны лицо это бездѣйствуетъ, такъ какъ оно не нужно. Но какъ скоро является необходимость общей европейской войны, лицо это въ данный моментъ является на свое мѣсто, и соединяя европейскіе народы, ведетъ ихъ къ цѣли.

Цѣль достигнута. Послѣ послѣдней войны 1815 года Александръ находится на вершинѣ возможной человѣческой власти. Какже онъ употребляетъ ее?

Александръ I, умиротворитель Европы, человѣкъ съ молодыхъ лѣтъ стремившійся только къ благу своихъ народовъ, первый зачинщикъ либеральныхъ нововведеній въ своемъ отечествѣ, теперь, когда, кажется, онъ владѣетъ наибольшей властью, и потому возможностью сдѣлать благо своихъ народовъ, въ то время какъ Наполеонъ въ изгнаніи дѣлаетъ дѣтскіе и лживые планы о томъ, какъ бы онъ осчастливилъ человѣчество, если бы имѣлъ власть, Александръ I, исполнивъ свое призваніе и почуявъ на себѣ руку Божію, вдругъ признаетъ ничтожность этой мнимой власти, отворачивается отъ нея, передаетъ ее въ руки презираемыхъ имъ и презрѣнныхъ людей, и говоритъ только:

Не намъ, не намъ, а Имени Твоему!

— Я человѣкъ тоже, какъ и вы; оставьте меня жить, какъ человѣка, и думать о своей душѣ и о Богѣ.

Какъ солнце и каждый атомъ эѳира есть шаръ, законченный въ самомъ себѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ только атомъ недоступнаго человѣку по огромности цѣлаго, — такъ и каждая личность носитъ въ самой себѣ свои цѣли и между тѣмъ носитъ ихъ для того, чтобы служить недоступнымъ человѣку цѣлямъ общимъ.

Пчела, сидѣвшая на цвѣткѣ, ужалила ребенка. И ребенокъ боится пчелъ и говоритъ, что цѣль пчелы состоитъ

въ томъ, чтобы жалить людей. Поэтъ любуется пчелой, впивающейся въ чашечку цвѣтка, и говоритъ, цѣль пчелы состоитъ во впиванiи въ себя аромата цвѣтовъ. Пчеловодъ, замѣчая, что пчела собираетъ цвѣточную пыль и приноситъ ее въ улей, говоритъ, что цѣль пчелы состоитъ въ собиранiи меда. Другой пчеловодъ, ближе изучивъ жизнь роя, говоритъ, что пчела собираетъ пыль для выкармливанiя молодыхъ пчелъ и выведенiя матки, что цѣль ея состоитъ въ продолженiи рода. Ботаникъ замѣчаетъ, что, перелетая съ пылью двудомнаго цвѣтка на пестикъ, пчела оплодотворяетъ его, и ботаникъ въ этомъ видитъ цѣль пчелы. Другой, наблюдая переселенiе растенiй, видитъ, что пчела содѣйствуетъ этому переселенiю, и этотъ новый наблюдатель можетъ сказать, что въ этомъ состоитъ цѣль пчелы. Но конечная цѣль пчелы не исчерпывается ни тою, ни другой, ни третьей цѣлью, которыя въ состоянiи открыть умъ человѣческiй. Чѣмъ выше поднимается умъ человѣческiй въ открытiя этихъ цѣлей, тѣмъ очевиднѣе для него недоступность конечной цѣли.

Человѣку доступно только наблюденiе надъ соотвѣтственностью жизни пчелы съ другими явленiями жизни. То же съ цѣлями историческихъ лицъ и народовъ.

V.

Свадьба Наташи, вышедшей въ 13-мъ году за Безухаго, было послѣднее радостное событiе въ старой семьѣ Ростовыхъ. Въ тотъ же годъ графъ Илья Андреевичъ умеръ и, какъ это всегда бываетъ, со смертью его распалась прежняя семья.

Событiя послѣдняго года: пожаръ Москвы и бѣгство изъ нея, смерть князя Андрея и отчаянiе Наташи, смерть Пети, горе графини, все это, какъ ударъ за ударомъ, падало на голову стараго графа. Онъ, казалось, не понималъ и чув-

ствовалъ себя не въ силахъ понять значеніе всѣхъ этихъ событій и, нравственно согнувъ свою старую голову, какъ будто ожидалъ и просилъ новыхъ ударовъ, которые бы его покончили. Онъ казался то испуганнымъ и растеряннымъ, то неестественно оживленнымъ и предпріимчивымъ.

Свадьба Наташи на время заняла его своей внѣшней стороной. Онъ заказывалъ обѣды, ужины и видимо хотѣлъ казаться веселымъ; но веселье его не сообщалось какъ прежде; а напротивъ возбуждало состраданіе въ людяхъ, знавшихъ и любившихъ его.

Послѣ отъѣзда Пьера съ женой, онъ затихъ и сталъ жаловаться на тоску. Черезъ нѣсколько дней онъ заболѣлъ и слегъ въ постель. Съ первыхъ дней его болѣзни, несмотря на утѣшенія докторовъ, онъ понялъ, что ему не вставать. Графиня, не раздѣваясь, двѣ недѣли провела въ креслѣ у его изголовья. Всякій разъ, какъ она давала ему лекарство, онъ всхлипывая, молча цѣловалъ ея руку. Въ послѣдній день онъ, рыдая, просилъ прощенія у жены и заочно у сына за раззореніе имѣнья — главную вину, которую онъ за собой чувствовалъ. Причастившись и особоровавшись онъ тихо умеръ, и на другой день толпа знакомыхъ, пріѣхавшихъ отдать послѣдній долгъ покойнику, наполняла наемную квартиру Ростовыхъ. Всѣ эти знакомые, столько разъ обѣдавшіе и танцовавшіе у него, столько разъ смѣявшіеся надъ нимъ, теперь всѣ съ одинаковымъ чувствомъ внутренняго упрека и умиленія, какъ бы оправдываясь передъ кѣмъ-то, говорили: «Да, тамъ какъ бы то ни было, а прекраснѣйшій былъ человѣкъ. Такихъ людей нынче ужъ не встрѣтишь... А у когожъ нѣтъ своихъ слабостей?....

Именно въ то время, когда дѣла графа такъ запутались, что нельзя было себѣ представить, чѣмъ это все кончится, если продолжится еще годъ, онъ неожиданно умеръ.

Николай былъ съ русскими войсками въ Парижѣ, когда къ нему пришло извѣстіе о смерти отца. Онъ тотчасъ же

подалъ въ отставку, и не дожидаясь ея, взялъ отпускъ и пріѣхалъ въ Москву. Положеніе денежныхъ дѣлъ черезъ мѣсяцъ послѣ смерти графа совершенно обозначилось, удививъ всѣхъ громадностію суммы разныхъ мелкихъ долговъ, существованія которыхъ никто и не подозрѣвалъ. Долговъ было вдвое больше, чѣмъ имѣнія.

Родные и друзья совѣтовали Николаю отказаться отъ наслѣдства. Но Николай въ отказѣ отъ наслѣдства видѣлъ выраженіе укора священной для него памяти отца, и потому не хотѣлъ слышать объ отказѣ и принялъ наслѣдство съ обязательствомъ уплаты долговъ.

Кредиторы, такъ долго молчавшіе, будучи связаны при жизни графа тѣмъ неопредѣленнымъ, но могучимъ вліяніемъ, которое имѣла на нихъ его распущенная доброта, вдругъ всѣ подали ко взысканію. Явилось, какъ это всегда бываетъ, соревнованіе — кто прежде получитъ, — и тѣ самые люди, которые, какъ Митенька и друг., имѣли безденежные векселя — подарки, явились теперь самыми требовательными кредиторами. Николаю не давали ни срока, ни отдыха, и тѣ, которые повидимому жалѣли старика, бывшаго виновникомъ ихъ потери (если были потери), теперь безжалостно накинулись на очевидно невиновнаго передъ ними молодаго наслѣдника, добровольно взявшаго на себя уплату.

Ни одинъ изъ предполагаемыхъ Николаемъ оборотовъ не удался; имѣніе съ молотка было продано за полцѣны, а половина долговъ оставалась все-таки не уплаченною. Николай взялъ предложенные ему зятемъ Безухимъ 30,000 для уплаты той части долговъ, которые онъ признавалъ за денежные настоящіе долги. А чтобы за оставшіеся долги не быть посаженнымъ въ яму, чѣмъ ему угрожали кредиторы, онъ снова поступилъ на службу.

Ѣхать въ армію, гдѣ онъ былъ на первой вакансіи полковаго командира, нельзя было потому, что мать теперь

держалась за сына, какъ за послѣднюю приманку жизни; и потому, несмотря на нежеланіе оставаться въ Москвѣ въ кругу людей, знавшихъ его прежде; несмотря на свое отвращеніе къ статской службѣ, онъ взялъ въ Москвѣ мѣсто по статской части и, снявъ любимый имъ мундиръ, поселился съ матерью и Соней на маленькой квартирѣ, на Сивцовомъ Вражкѣ.

Наташа и Пьеръ жили въ это время въ Петербургѣ, не имѣя яснаго понятія о положеніи Николая. Николай, занявъ у зятя деньги, старался скрыть отъ него свое бѣдственное положеніе. Положеніе Николая было особенно дурно потому, что съ своими 1200 рублями жалованья онъ не только долженъ былъ содержать себя, Соню и мать; но онъ долженъ былъ содержать мать такъ, чтобы она не замѣчала, что они бѣдны. Графиня не могла понять возможности жизни безъ привычныхъ ей съ дѣтства условій роскоши, и безпрестанно, не понимая того, какъ это трудно было для сына, требовала то экипажа, котораго у нихъ не было, чтобы послать за знакомой, то дорогаго кушанья для себя и винà для сына, то денегъ, чтобы сдѣлать подарокъ-сюрпризъ Наташѣ, Сонѣ и тому же Николаю.

Соня вела домашнее хозяйство, ухаживала за теткой, читала ей вслухъ, переносила ея капризы и затаенное нерасположеніе и помогала Николаю скрывать отъ старой графини то положеніе нужды, въ которомъ они находились. Николай чувствовалъ себя въ неоплатномъ долгу благодарности передъ Соней за все, чтò она дѣлала для его матери, восхищался ея терпѣніемъ и преданностью, но старался отдаляться отъ нея.

Онъ въ душѣ своей какъ будто упрекалъ ее за то, что она была слишкомъ совершенна, и за то, что не въ чемъ было упрекнуть ее. Въ ней было все, за что цѣнятъ людей; но было мало того, чтò бы заставило его любить ее. И онъ чувствовалъ, что чѣмъ больше онъ цѣнитъ, тѣмъ

меньше любитъ ее. Онъ поймалъ ея на словѣ, въ ея письмѣ, которымъ она давала ему свободу, и теперь держалъ себя съ нею такъ, какъ будто все то, что было между ними, уже давнымъ давно забыто и ни въ какомъ случаѣ не можетъ повториться.

Положеніе Николая становилось хуже и хуже. Мысль о томъ, чтобы откладывать изъ своего жалованья, оказалась мечтою. Онъ не только не откладывалъ, но, удовлетворяя требованія матери, должалъ по мелочамъ. Выхода изъ его положенія ему не представлялось никакого. Мысль о женитьбѣ на богатой наслѣдницѣ, которую ему предлагали его родственницы, была ему противна. Другой выходъ изъ его положенія — смерть матери никогда не приходила ему въ голову. Онъ ничего не желалъ, ни на что не надѣялся; и въ самой глубинѣ души испытывалъ мрачное и строгое наслажденіе въ безропотномъ перенесеніи своего положенія. Онъ старался избѣгать прежнихъ знакомыхъ, съ ихъ соболѣзнованіемъ и предложеніями оскорбительной помощи, избѣгалъ всякаго разсѣянія и развлеченія, даже дома ничѣмъ не занимался, кромѣ раскладыванія картъ съ своей матерью, молчаливыми прогулками по комнатѣ, и куреніемъ трубки за трубкой. Онъ какъ будто старательно соблюдалъ въ себѣ то мрачное настроеніе духа, въ которомъ одномъ онъ чувствовалъ себя въ состояніи переносить свое положеніе.

VI.

Въ началѣ зимы княжна Марья пріѣхала въ Москву. Изъ городскихъ слуховъ она узнала о положеніи Ростовыхъ и о томъ, какъ «сынъ жертвовалъ собой для матери»; — такъ говорили въ городѣ. — «Я и не ожидала отъ него другаго,» говорила себѣ княжна Марья, чувствуя радостное подтвержденіе своей любви къ нему. Вспоминая свои дружескія и почти родственныя отношенія ко всему семейству, она счи-

тала своей обязанностью ѣхать къ нимъ. Но вспоминая свои отношенія къ Николаю въ Воронежѣ, она боялась этого. Сдѣлавъ надъ собой большое усиліе, она однако черезъ нѣсколько недѣль послѣ своего пріѣзда въ городъ пріѣхала къ Ростовымъ.

Николай первый встрѣтилъ её, такъ какъ къ графинѣ можно было проходить только черезъ его комнату. При первомъ взглядѣ на нее, лицо Николая вмѣсто выраженія радости, которую ожидала увидать на немъ княжна Марья, приняло невиданное прежде княжной выраженіе холодности, сухости и гордости. Николай спросилъ о ея здоровьѣ, проводилъ къ матери и, посидѣвъ минутъ пять, вышелъ изъ комнаты.

Когда княжна выходила отъ графини, Николай опять встрѣтилъ ее, и особенно торжественно и сухо проводилъ до передней. Онъ ни слова не отвѣтилъ на ея замѣчанія о здоровьѣ графини. — Вамъ какое дѣло? Оставьте меня въ покоѣ, говорилъ его взглядъ.

— И что шляется? Чего ей нужно? Терпѣть не могу этихъ барынь и всѣ эти любезности! сказалъ онъ вслухъ при Сонѣ, видимо не въ силахъ удерживать свою досаду, послѣ того, какъ карета княжны отъѣхала отъ дома.

— Ахъ, какъ можно такъ говорить, Nicolas, сказала Соня, едва скрывая свою радость. — Она такая добрая, и maman такъ любитъ ее.

Николай ничего не отвѣчалъ и хотѣлъ бы вовсе не говорить больше о княжнѣ. Но со времени ея посѣщенія старая графиня всякій день по нѣскольку разъ заговаривала о ней.

Графиня хвалила ее, требовала, чтобы сынъ съѣздилъ къ ней, выражала желаніе видѣть ее почаще, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда становилась не въ духѣ, когда она о ней говорила.

Николай старался молчать, когда мать говорила о княжнѣ; но молчаніе его раздражало графиню.

— Она очень достойная и прекрасная дѣвушка, говори-

ла она, — и тебѣ надо къ ней съѣздить. Все-таки ты увидишь кого нибудь; а то тебѣ скука, я думаю, съ нами.

— Да я нисколько не желаю, маменька

— То хотѣлъ видѣть, а теперь не желаю. Я тебя, мой милый, право не понимаю. То тебѣ скучно, то ты вдругъ никого не хочешь видѣть.

— Да я не говорилъ, что мнѣ скучно.

— Какже, ты самъ сказалъ, что ты и видѣть ее не желаешь. Она очень достойная дѣвушка и всегда тебѣ нравилась; а теперь вдругъ какіе-то резоны. Все отъ меня скрываютъ.

— Да нисколько, маменька.

— Еслибъ я тебя просила сдѣлать что-нибудь непріятное, а то я тебя прошу съѣздить отдать визитъ. Кажется, и учтивость требуетъ....— Я тебя просила и теперь больше не вмѣшиваюсь, когда у тебя тайны отъ матери.

— Да я поѣду, если вы хотите.

— Мнѣ все равно; я для тебя желаю.

Николай вздыхалъ, кусая усы, и раскладывалъ карты, стараясь отвлечь вниманіе матери на другой предметъ.

На другой, на третій и на четвертый день повторился тотъ же и тотъ же разговоръ.

Послѣ своего посѣщенія Ростовыхъ и того неожиданнаго, холоднаго пріема, сдѣланнаго ей Николаемъ, княжна Марья призналась себѣ, что она была права, не желая ѣхать первая къ Ростовымъ.

— Я ничего и не ожидала другаго, говорила она себѣ, призывая на помощь свою гордость. Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до него, и я только хотѣла видѣть старушку, которая была всегда добра ко мнѣ и которой я многимъ обязана.

Но она не могла успокоиться этими разсужденіями: чувство, похожее на раскаяніе, мучило её, когда она вспоминала

свое посѣщеніе. Несмотря на то, что она твердо рѣшилась не ѣздить больше къ Ростовымъ и забыть все это, она чувствовала себя безпрестанно въ неопредѣленномъ положеніи. И когда она спрашивала себя, что̀ же такое было то, что̀ мучило ее, она должна была признаваться, что это были ея отношенія къ Ростову. Его холодный, учтивый тонъ не вытекали изъ его чувства къ ней (она это знала), а тонъ этотъ прикрывалъ что-то. Это что-то ей надо было разъяснить; и до тѣхъ поръ она чувствовала, что не могла быть покойна.

Въ серединѣ зимы́ она сидѣла въ классной, слѣдя за уроками племянника, когда ей пришли доложить о пріѣздѣ Ростова. Съ твердымъ рѣшеніемъ не выдавать своей тайны и не выказать своего смущенія, она пригласила M-lle Bourienne и съ ней вмѣстѣ вышла въ гостиную.

При первомъ взглядѣ на лицо Николя́я, она увидала, что онъ пріѣхалъ только для того, чтобы исполнить долгъ учтивости и рѣшилась твердо держаться въ томъ самомъ тонѣ, въ которомъ онъ обратится къ ней.

Они заговорили о здоровьѣ графини, объ общихъ знакомыхъ, о послѣднихъ новостяхъ войны и когда прошли тѣ требуемыя приличіемъ 10 минутъ, послѣ которыхъ гость можетъ встать, Николай поднялся, прощаясь.

Княжна съ помощью M-lle Bourienne выдержала разговоръ очень хорошо; но въ самую послѣднюю минуту, въ то время, какъ онъ поднялся, она такъ устала говорить о томъ, до чего ей не было дѣла, и мысль о томъ, за что ей одной такъ мало дано радостей въ жизни такъ заняла ее, что она въ припадкѣ разсѣянности, устремивъ впередъ себя свои лучистые глаза, сидѣла неподвижно, не замѣчая, что онъ поднялся.

Николай посмотрѣлъ на нее и, желая сдѣлать видъ, что онъ не замѣчаетъ ея разсѣянности, сказалъ нѣсколько словъ M-lle Bourienne и опять взглянулъ на княжну. Она сидѣла

также неподвижно, и на нѣжномъ лицѣ ея выражалось страданіе. Ему вдругъ стало жалко ее и смутно представилось, что можетъ быть онъ былъ причиной той печали, которая выражалась на ея лицѣ. Ему захотѣлось помочь ей, сказать ей что нибудь пріятное; но онъ не могъ придумать что бы сказать ей.

— Прощайте, княжна, сказалъ онъ. Она опомнилась, вспыхнула и тяжело вздохнула.

— Ахъ, виновата, сказала она, какъ бы проснувшись. Вы уже ѣдете, графъ; ну прощайте! А подушку графинѣ?

— Постойте, я сейчасъ принесу ее, сказала M-lle Bourienne, и вышла изъ комнаты.

Оба молчали, изрѣдка взглядывая другъ на друга.

— Да, княжна, сказалъ наконецъ Николай, грустно улыбаясь,— недавно кажется, а сколько воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами въ первый разъ видѣлись въ Богучаровѣ. Какъ мы всѣ казались въ несчастіи, а я бы дорого далъ, чтобы воротить это время .... да не воротишь.

Княжна пристально глядѣла ему въ глаза, своимъ лучистымъ взглядомъ, когда онъ говорилъ это. Она какъ будто старалась понять тотъ тайный смыслъ его словъ, который бы объяснилъ ей его чувство къ ней.

— Да, да, сказала она; но вамъ нечего жалѣть прошедшаго, графъ. Какъ я понимаю вашу жизнь теперь, вы всегда съ наслажденіемъ будете вспоминать ее, потому что самоотверженіе, которымъ вы живете теперь...

— Я не принимаю вашихъ похвалъ, перебилъ онъ ее поспѣшно; напротивъ, я безпрестанно себя упрекаю; но это совсѣмъ неинтересный и невеселый разговоръ.

И опять взглядъ его принялъ прежнее сухое и холодное выраженіе. Но княжна уже увидала въ немъ опять того же человѣка, котораго она знала и любила, и говорила теперь только съ этимъ человѣкомъ.

— Я думала, что вы позволите мнѣ сказать вамъ это,

сказала она. — Мы такъ сблизились съ вами... и съ вашимъ семействомъ, и я думала, что вы не почтете неумѣстнымъ мое участіе; но я ошиблась, сказала она. Голосъ ея вдругъ дрогнулъ. — Я не знаю почему, продолжала она, оправившись, вы прежде были другой и...

— Есть тысячи причинъ *почему* (онъ сдѣлалъ особое удареніе на слово *почему*). Благодарю васъ, княжна, сказалъ онъ тихо. — Иногда тяжело.

— Такъ вотъ отчего! Вотъ отчего! говорилъ внутренній голосъ въ душѣ княжны Марьи.—Нѣтъ, я не одинъ этотъ веселый, добрый и открытый взглядъ, не одну красивую внѣшность полюбила въ немъ; я угадала его благородную, твердую, самоотверженную душу, говорила она себѣ.—Да, онъ теперь бѣденъ, а я богата... Да, только отъ этого... Да, еслибъ этого не было... И, вспоминая прежнюю его нѣжность, и теперь глядя на его доброе и грустное лицо, она вдругъ поняла причину его холодности.

— Почему же, графъ, почему? вдругъ почти вскрикнула она невольно, подвигаясь къ нему.—Почему, скажите мнѣ. Вы должны сказать.—Онъ молчалъ. — Я не знаю, графъ, вашего *почему*, продолжала она.—Но мнѣ тяжело, мнѣ... Я признаюсь вамъ въ этомъ. Вы за что-то хотите лишить меня прежней дружбы. И мнѣ это больно. — У нея слезы были въ глазахъ и въ голосѣ. — У меня такъ мало было счастія въ жизни, что мнѣ тяжела всякая потеря... Извините меня, прощайте. Она вдругъ заплакала и пошла изъ комнаты.

— Княжна! постойте, ради Бога, вскрикнулъ онъ, стараясь остановить ее. — Княжна!

Она оглянулась. Нѣсколько секундъ они молча смотрѣли въ глаза другъ другу, и далекое невозможное вдругъ стало близкимъ, возможнымъ и неизбѣжнымъ.

. . . .

VII.

Осенью 1813-го года Николай женился на княжнѣ Марьѣ и съ женой, матерью и Соней переѣхалъ на житье въ Лысыя Горы.

Въ четыре года онъ, не продавая имѣнья жены, уплатилъ оставшіеся долги и, получивъ небольшое наслѣдство послѣ умершей кузины, заплатилъ и долгъ Пьеру.

Еще черезъ три года, къ 1820-му году, Николай такъ устроилъ свои денежныя дѣла, что прикупилъ небольшое имѣнье подлѣ Лысыхъ Горъ и велъ переговоры о выкупѣ отцовскаго Отраднаго, что̀ составляло его любимую мечту.

Начавъ хозяйничать по необходимости, онъ скоро такъ пристрастился къ хозяйству, что оно сдѣлалось для него любимымъ и почти исключительнымъ занятіемъ. Николай былъ хозяинъ простой, не любилъ нововведеній, въ особенности англійскихъ, которыя входили тогда въ моду, смѣялся надъ теоретическими сочиненіями о хозяйствѣ, не любилъ заводовъ, дорогихъ производствъ, посѣвовъ дорогихъ хлѣбовъ и вообще не занимался отдѣльно ни одной частью хозяйства. У него передъ глазами всегда было только одно *имѣнье*, а не какая нибудь отдѣльная часть его. Въ имѣньи же главнымъ предметомъ былъ, не азотъ и не кислородъ, находящіеся въ почвѣ и воздухѣ, не особенный плугъ и наземъ, а то главное орудіе, чрезъ посредство котораго дѣйствуетъ и азотъ, и кислородъ, и наземъ, и плугъ, т. е. работникъ мужикъ. Когда Николай взялся за хозяйство и сталъ вникать въ различныя его части, мужикъ особенно привлекъ къ себѣ его вниманіе; мужикъ представлялся ему не только орудіемъ, но и цѣлью и судьею. Онъ сначала всматривался въ мужика, стараясь понять что̀ ему нужно, что̀ онъ считаетъ дурнымъ и хорошимъ, и только притворялся, что распоряжается и приказываетъ, въ сущности же только учился у мужиковъ

и пріемамъ, и рѣчамъ, и сужденіямъ о томъ что хорошо и что дурно. И только тогда, когда понялъ вкусы и стремленія мужика, научился говорить его рѣчью и понимать тайный смыслъ его рѣчи, когда почувствовалъ себя сроднившимся съ нимъ, только тогда сталъ онъ смѣло управлять имъ, т. е. исполнять по отношенію къ мужикамъ ту самую должность, исполненіе которой отъ него требовалось. И хозяйство Николая приносило самые блестящіе результаты.

Принимая въ управленіе имѣніе, Николай сразу, безъ ошибки, по какому-то дару прозрѣнія назначалъ бурмистромъ, старостой, выборнымъ, тѣхъ самыхъ людей, которые были бы выбраны самими мужиками, если бы они могли выбирать, и начальники его никогда не перемѣнялись. Прежде чѣмъ изслѣдовать химическія свойства навоза, прежде чѣмъ вдаваться въ «*дебетъ* и *кредитъ*» (какъ онъ любилъ насмѣшливо говорить), онъ узнавалъ количество скота у крестьянъ и увеличивалъ это количество всѣми возможными средствами. Сѣмьи крестьянъ онъ поддерживалъ въ самыхъ большихъ размѣрахъ, не позволяя дѣлиться. Лѣнивыхъ, развратныхъ и слабыхъ одинаково преслѣдовалъ и старался изгонять изъ общества.

При посѣвахъ и уборкѣ сѣна и хлѣбовъ онъ совершенно одинаково слѣдилъ за своими и мужицкими полями. И у рѣдкихъ хозяевъ были такъ рано и хорошо посѣяны и убраны поля и такъ много дохода, какъ у Николая.

Съ дворовыми онъ не любилъ имѣть никакаго дѣла, называлъ ихъ *дармоѣдами* и, какъ всѣ говорили, распустилъ и избаловалъ ихъ; когда надо было сдѣлать какое нибудь распоряженіе насчетъ двороваго, въ особенности когда надо было наказывать, онъ бывалъ въ нерѣшительности и совѣтовался со всѣми въ домѣ; только когда возможно было отдать въ солдаты вмѣсто мужика двороваго, онъ дѣлалъ это безъ малѣйшаго колебанія. Во всѣхъ же распоряженіяхъ, касавшихся мужиковъ, онъ никогда не испытывалъ ни

малѣйшаго сомнѣнія. Всякое распоряженіе его,—онъ это зналъ, — будетъ одобрено всѣми противъ одного или нѣсколькихъ.

Онъ одинаково не позволялъ себѣ утруждать или казнить человѣка, потому только, что ему этого такъ хотѣлось, какъ и облегчать и награждать человѣка, потому что въ этомъ состояло его личное желаніе. Онъ не умѣлъ бы сказать, въ чемъ состояло это мѣрило того, что̀ должно и чего не должно; но мѣрило это въ его душѣ было твердо и непоколебимо.

Онъ часто говаривалъ съ досадой о какой нибудь неудачѣ или безпорядкѣ: *«съ нашимъ русскимъ народомъ»*, и воображалъ себѣ, что онъ терпѣть не можетъ мужика.

Но онъ всѣми силами души любилъ этотъ *нашъ русскій народъ* и его бытъ и потому только понялъ и усвоилъ себѣ тотъ единственный путь и пріемъ хозяйства, которые приносили хорошіе результаты.

Графиня Марья ревновала своего мужа къ этой любви его, и жалѣла, что не могла въ ней участвовать; но не могла понять радостей и огорченій, доставляемыхъ ему этимъ отдѣльнымъ чуждымъ для нея міромъ. Она не могла понять, отчего онъ бывалъ такъ особенно оживленъ и счастливъ, когда, вставъ съ зарею и проведя все утро въ полѣ или на гумнѣ, онъ возвращался къ ея чаю съ посѣва, покоса или уборки. Она не понимала, чѣмъ онъ такъ восхищался, разсказывая съ восторгомъ про богатаго хозяйственнаго мужика Матвѣя Ермишина, который всю ночь съ семьей возилъ снопы, и еще ни у кого ничего не было убрано, а у него уже стояли одонья. Она не понимала, отчего онъ такъ радостно, переходя отъ окна къ балкону, улыбался подъ усами и подмигивалъ, когда на засыхающіе всходы овса выпадалъ теплый частый дождикъ, или отчего, когда въ покосъ или уборку угрожающая туча уносилась вѣтромъ, онъ, красный, загорѣлый и въ поту, съ запахомъ полыни и горчавки въ волосахъ, приходя съ гумна, радостно потирая руки, говорилъ: ну еще денекъ, и мое и крестьянское все будетъ въ гумнѣ.

Еще менѣе могла она понять, почему онъ, съ его добрымъ сердцемъ, съ его всегдашнею готовностью предупредить ея желанія, приходилъ почти въ отчаяніе, когда она передавала ему просьбы какихъ нибудь бабъ или мужиковъ, обращавшихся къ ней, чтобы освободить ихъ отъ работъ, почему онъ, добрый Nicolas, упорно отказывалъ ей, сердито прося ее не вмѣшиваться не въ свое дѣло. Она чувствовала, что у него былъ особый міръ, страстно имъ любимый, съ какими-то законами, которыхъ она не понимала.

Когда она, иногда стараясь понять его, говорила ему о заслугѣ, состоящей въ томъ, что онъ дѣлаетъ добро своимъ подданнымъ, онъ сердился и отвѣчалъ: «вотъ ужъ нисколько: никогда и въ голову мнѣ не приходитъ; и для ихъ блага вотъ чего не сдѣлаю. Все это поэзія и бабьи сказки, все это бл го ближняго. Мнѣ нужно, чтобы наши дѣти не пошли по міру; мнѣ надо устроить наше состояніе, пока я живъ; вотъ и все. А для этого нуженъ порядокъ, нужна строгость.... Вотъ что! говорилъ онъ, сжимая свой сангвиническій кулакъ.—И справедливость разумѣется, прибавлялъ онъ; потому что если крестьянинъ голъ и голоденъ, и лошаденка у него одна, такъ онъ ни на себя, ни на меня не сработаетъ».

И должно быть потому, что Николай не позволялъ себѣ мысли о томъ, что онъ дѣлаетъ что нибудь для другихъ, для добродѣтели, все, что онъ дѣлалъ, было плодотворно: состояніе его быстро увеличивалось; сосѣдніе мужики приходили просить его. чтобы онъ купилъ ихъ, и долго послѣ его смерти въ народѣ хранилась набожная память объ его управленіи. «Хозяинъ былъ.... Напередъ мужицкое, а потомъ свое. Ну и потачки не давалъ. Одно слово,— хозяинъ»!

VIII.

Одно, что иногда мучило Николая по отношенію къ его хозяйничанію, это была его вспыльчивость въ соединеніи съ его старой гусарской привычкой давать волю рукамъ. Въ первое время онъ не видѣлъ въ этомъ ничего предосудительнаго, но на второй годъ своей женитьбы его взглядъ на такаго рода расправы вдругъ измѣнился.

Однажды лѣтомъ изъ Богучарова былъ вызванъ староста, замѣнившій умершаго Дрона, обвиняемый въ разныхъ мошенничествахъ и неисправностяхъ. Николай вышелъ къ нему на крыльцо, и съ первыхъ отвѣтовъ старосты, въ сѣняхъ послышались крики и удары. Вернувшись къ завтраку домой, Николай подошелъ къ женѣ, сидѣвшей съ низко опущенной надъ пяльцами головой, и сталъ разсказывать ей, по обыкновенію, все то, что занимало его въ это утро и между прочимъ и про Богучаровскаго старосту. Графиня Марья, краснѣя, блѣднѣя и поджимая губы, сидѣла все также опустивъ голову и ничего не отвѣчала на слова мужа.

— Эдакой наглый мерзавецъ, говорилъ онъ горячась при одномъ воспоминаніи. — Ну сказалъ бы онъ мнѣ. что былъ пьянъ, — не видалъ.... Да что съ тобой, Мари? вдругъ спросилъ онъ.

Гр. Марья подняла голову, хотѣла что-то сказать, но опять поспѣшно потупилась и собрала губы.

— Что ты? что съ тобой? дружокъ мой.... Некрасивая графиня Марья всегда хорошѣла, когда плакала. Она никогда не плакала отъ боли или досады, но всегда отъ грусти и жалости. И когда она плакала, лучистые глаза ея пріобрѣтали неотразимую прелесть.

Какъ только Николай взялъ ее за руку, она не въ силахъ была удерживаться и заплакала.

— Nicolas, я видѣла, ... онъ виноватъ, но ты, зачѣмъ ты! Nicolas!—и она закрыла лицо руками.

Николай замолчалъ, багрово покраснѣлъ и, отойдя отъ нея, молча, сталъ ходить по комнатѣ. Онъ понялъ, о чемъ она плакала; но вдругъ онъ не могъ въ душѣ своей согласиться съ ней, что то, съ чѣмъ онъ сжился съ дѣтства, что̀ онъ считалъ самымъ обыкновеннымъ,—было дурно.—Любезности это, бабьи сказки, или она права? спрашивалъ онъ самъ себя. Не рѣшивъ самъ съ собою этого вопроса, онъ еще разъ взглянулъ на ея страдающее и любящее лицо, и вдругъ понялъ, что она была права, а онъ давно уже виноватъ самъ передъ собою.

Мари, сказалъ онъ тихо, подойдя къ ней;—этого больше не будетъ никогда; даю тебѣ слово. Никогда, повторилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, какъ мальчикъ, который проситъ прощенія.

Слезы еще чаще полились изъ глазъ графини. Она взяла руку мужа и поцѣловала ее.

Nicolas, когда ты разбилъ камэ? чтобы перемѣнить разговоръ, сказала она, разглядывая его руку, на которой былъ перстень съ головой Лаокоона.

— Нынче; все тоже. Ахъ Мари, не напоминай мнѣ объ этомъ. Онъ опять вспыхнулъ. —Даю тебѣ честное слово, что этого больше не будетъ. И пусть это будетъ мнѣ память навсегда, сказалъ онъ, указывая на разбитый перстень.

Съ тѣхъ поръ, какъ только при объясненіяхъ со старостами и приказчиками кровь бросалась ему въ лицо, и руки начинали сжиматься въ кулаки, Николай вертѣлъ разбитый перстень на пальцѣ и опускалъ глаза передъ человѣкомъ, разсердившимъ его. Однако же раза два въ годъ онъ забывался и тогда, придя къ женѣ, признавался и опять давалъ обѣщаніе, что уже теперь это было послѣдній разъ.

— Мари, ты вѣрно меня презираешь, говорилъ онъ ей; — я стòю этого.

— Ты уйди, уйди поскорѣе, ежели чувствуешь себя не

въ силахъ удержаться, съ грустью говорила графиня Марья, стараясь утѣшить мужа.

Въ дворянскомъ обществѣ губерніи Николай былъ уважаемъ, но не любимъ. Дворянскіе интересы не занимали его. И за это-то одни считали его гордымъ, другіе,—глупымъ человѣкомъ. Все время его лѣтомъ, съ весенняго посѣва и до уборки, проходило въ занятіяхъ по хозяйству. Осенью онъ съ тою же дѣловою серіозностію, съ которою занимался хозяйствомъ, предавался охотѣ, уходя на мѣсяцъ и на два въ отъѣздъ съ своей охотой. Зимою онъ ѣздилъ по другимъ деревнямъ и занимался чтеніемъ. Чтеніе его составляли книги преимущественно историческія, выписывавшіяся имъ ежегодно на извѣстную сумму. Онъ составлялъ себѣ, какъ говорилъ, серіозную библіотеку и за правило поставлялъ прочитывать всѣ тѣ книги, которыя онъ покупалъ. Онъ съ значительнымъ видомъ сиживалъ въ кабинетѣ за этимъ чтеніемъ, сперва возложеннымъ на себя какъ обязанность, а потомъ сдѣлавшимся привычнымъ занятіемъ, доставлявшимъ ему особаго рода удовольствіе и сознаніе того, что онъ занятъ серіознымъ дѣломъ. За исключеніемъ поѣздокъ по дѣламъ, бо́льшую часть времени, зимой, онъ проводилъ до́ма, сживаясь съ семьей и входя въ мелкія отношенія между матерью и дѣтьми. Съ женой онъ сходился все ближе и ближе, съ каждымъ днемъ открывая въ ней новыя душевныя сокровища.

Соня со времени женитьбы Николая жила въ его домѣ. Еще передъ своей женитьбой, Николай, обвиняя себя и хваля ее, разсказалъ своей женѣ все, что было между нимъ и Соней. Онъ просилъ княжну Марью быть ласковой и доброй съ его кузиной. Графиня Марья чувствовала вполнѣ вину своего мужа; чувствовала и свою вину передъ Соней; думала, что ея состояніе имѣло вліяніе на выборъ Николая, не могла ни въ чемъ упрекнуть Соню, желала любить ее;

но не только не любила, а часто находила противъ нея въ своей душѣ злыя чувства и не могла преодолѣть ихъ.

Однажды она разговорилась съ другомъ своимъ Наташей о Сонѣ и о своей къ ней несправедливости.

— Знаешь что̀, сказала Наташа:—вотъ ты много читала Евангеліе; тамъ есть одно мѣсто прямо о Сонѣ.

— Что́? съ удивленіемъ спросила графиня Марья.

— «Имущему дастся, а у неимущаго отнимется» помнишь? Она—неимущій: за что? не знаю;—въ ней нѣтъ можетъ быть эгоизма,—я не знаю; но у ней отнимется, и все отнялось. Мнѣ ее ужасно жалко иногда; я ужасно желала прежде, чтобы Niocolas женился на ней; но я всегда какъ-бы предчувствовала, что этого не будетъ. Она *пустоцвѣтъ*, знаешь какъ на клубникѣ? Иногда мнѣ ее жалко, а иногда я думаю, что она не чувствуетъ этого, какъ чувствовали-бы мы.

И не смотря на то, что графиня Марья толковала Наташѣ, что эти слова Евангелія надо понимать иначе,— глядя на Соню, она соглашалась съ объясненіемъ, даннымъ Наташей. Дѣйствительно, казалось, что Соня не тяготится своимъ положеніемъ и совершенно примирилась съ своимъ назначеніемъ *пустоцвѣта*. Она дорожила, казалось, не столько людьми, сколько всей семьей. Она, какъ кошка, прижалась не къ людямъ, а къ дому. Она ухаживала за старой графиней, ласкала и баловала дѣтей, всегда была готова оказать тѣ мелкія услуги, на которыя она была способна; но все это принималось невольно съ слишкомъ слабою благодарностію . . . . . .

Усадьба Лысыхъ Горъ была вновь отстроена, но уже не на ту ногу, на которой она была при покойномъ князѣ.

Постройки, начатыя во времена нужды, были болѣе чѣмъ просты. Огромный домъ, на старомъ каменномъ фундаментѣ, былъ деревянный, оштукатуренный только снутри. Большой помѣстительный домъ, съ некрашеннымъ досча-

тымъ поломъ, былъ меблированъ самыми простыми жесткими диванами и креслами, столами и стульями изъ своихъ березъ и работы своихъ столяровъ. Домъ былъ помѣстителенъ, съ комнатами для дворни и отдѣленіями для пріѣзжихъ. Родные Ростовыхъ и Болконскихъ иногда съѣзжались гостить въ Лысыя Горы, семьями на своихъ 16-ти лошадяхъ съ десятками слугъ, и жили мѣсяцами. Кромѣ того, четыре раза въ годъ, въ имянины и рожденья хозяевъ, съѣзжалось до 100 человѣкъ гостей на одинъ—два дня. Остальное время года шла ненарушимо правильная жизнь съ обычными занятіями, чаями, завтраками, обѣдами, ужинами изъ домашней провизіи.

IX.

Былъ канунъ зимняго Николина дня, 5-е декабря 1820 года. Въ этотъ годъ Наташа съ дѣтьми и мужемъ, съ начала осени, гостила у брата. Пьеръ былъ въ Петербургѣ, куда онъ поѣхалъ по своимъ особеннымъ дѣламъ, какъ онъ говорилъ, на три недѣли, и гдѣ онъ теперь проживалъ уже седьмую. Его ждали каждую минуту.

5-го декабря, кромѣ семейства Безуховыхъ, у Ростовыхъ гостилъ еще старый другъ Николая, отставной генералъ Василій Өедоровичъ Денисовъ.

6-го числа, въ день торжества, въ который съѣдутся гости, Николай зналъ, что ему придется снять бешметъ, надѣть сюртукъ, съ узкими носками, узкіе сапоги и ѣхать въ новую построенную имъ церковь, а потомъ принимать поздравленія и предлагать закуски и говорить о дворянскихъ выборахъ и урожаѣ; но канунъ дня онъ еще считалъ себя въ правѣ провести обычно. До обѣда Николай повѣрилъ счеты бурмистра изъ Рязанской деревни, по имѣнью племянника жены, написалъ два письма по дѣламъ и прошелся на гумно, скотный и конный дворы.

Принявъ мѣры противъ ожидаемаго на завтра общаго пьянства по случаю престольнаго праздника, онъ пришелъ къ обѣду и, не успѣвъ съ глазу на глазъ переговорить съ женою, сѣлъ за длинный столъ въ 20 приборовъ, за который собрались всѣ домашніе. За столомъ были мать, жившая при ней старушка Бѣлова, жена, трое дѣтей, гувернантка, гувернеръ, племянникъ съ своимъ гувернеромъ, Соня, Денисовъ, Наташа, ея трое дѣтей, ихъ гувернантка и старичокъ Михаилъ Иванычъ, архитекторъ князя, жившій въ Лысыхъ Горахъ на покоѣ.

Графиня Марья сидѣла на противоположномъ концѣ стола. Какъ только мужъ сѣлъ на свое мѣсто, по тому жесту, съ которымъ онъ, снявъ салфетку, быстро передвинулъ стоявшій передъ нимъ стаканъ и рюмку, Графиня Марья рѣшила, что онъ не въ духѣ, какъ это иногда съ нимъ бываетъ, въ особенности передъ супомъ и когда онъ прямо съ хозяйства придетъ къ обѣду. Графиня Марья знала очень хорошо это его настроеніе и, когда она сама была въ хорошемъ расположеніи, она спокойно ожидала, пока онъ поѣстъ супу и тогда уже начинала говорить съ нимъ и заставляла его признаваться, что онъ безъ причины былъ не въ духѣ; но нынче она совершенно забыла это свое наблюденіе; ей стало больно, что онъ безъ причины на нее сердится и она почувствовала себя несчастной. Она спросила его, гдѣ онъ былъ. Онъ отвѣчалъ. Она еще спросила, все-ли въ порядкѣ по хозяйству. Онъ непріятно поморщился отъ ея ненатуральнаго тона и поспѣшно отвѣтилъ.

— Такъ я не ошибалась, подумала графиня Марья: и за что онъ на меня сердится? Въ тонѣ, которымъ онъ отвѣчалъ ей, графиня Марья слышала недоброжелательство къ себѣ и желаніе прекратить разговоръ. Она чувствовала, что ея слова были неестественны; но она не могла удержаться, чтобы не сдѣлать еще нѣсколько вопросовъ.

Разговоръ за обѣдомъ, благодаря Денисову, скоро сдѣлал-

ся общимъ и оживленнымъ, и графиня Марья не говорила съ мужемъ. Когда вышли изъ за стола и пришли благодарить старую графиню, графиня Марья поцѣловала, подставляя свою руку, мужа и спросила, за что онъ на нее сердится.

— У тебя всегда странныя мысли: — и не думалъ сердиться, сказалъ онъ.

Но слово *всегда* отвѣчало графинѣ Марьѣ: да, сержусь и не хочу сказать.

Николай жилъ съ своей женой такъ хорошо, что даже Соня и старая графиня, желавшія, изъ ревности, несогласія между ними, не могли найти предлога для упрека; но и между ними бывали минуты враждебности. Иногда, именно послѣ самыхъ счастливыхъ періодовъ, на нихъ находило вдругъ чувство отчужденности и враждебности; это чувство являлось чаще всего во времена беременности графини Марьи. Теперь они находились въ этомъ періодѣ.

Ну, messieurs et mesdames, сказалъ Николай громко и какъ бы весело (графинѣ Марьѣ казалось, что это нарочно, чтобы ее оскорбить). — Я съ шести часовъ на ногахъ. Завтра ужъ надо страдать, а нынче пойти отдохнуть. И не сказавъ больше ничего графинѣ Марьѣ, онъ ушелъ въ маленькую диванную и легъ на диванъ.

«Вотъ это всегда такъ», думала графиня Марья. — «Со всѣми говоритъ, только не со мною. Вижу, вижу, что я ему противна. Особенно въ этомъ положеніи». Она посмотрѣла на свой высокій животъ и въ зеркало на свое желто-блѣдное и исхудавшее лицо съ болѣе чѣмъ когда нибудь большими глазами.

И все ей стало непріятно: и крикъ и хохотъ Денисова, и разговоръ Наташи, и въ особенности тотъ взглядъ, который на нее поспѣшно бросила Соня.

Соня всегда была первымъ предлогомъ, который избирала графиня Марья для своего раздраженія.

Посидѣвъ съ гостями и не понимая ничего изъ того, что̀ они говорили, она потихоньку вышла и пошла въ дѣтскую.

Дѣти на стульяхъ ѣхали въ Москву и пригласили ее съ собою. Она сѣла, поиграла съ ними, но мысль о мужѣ и о безпричинной досадѣ его, не переставая, мучила ее. Она встала и пошла съ трудомъ, ступая на цыпочки, въ маленькую диванную.

«Можетъ онъ не спитъ; я объяснюсь съ нимъ», сказала она себѣ. — Андрюша, старшій мальчикъ, подражая ей, пошелъ за ней на цыпочкахъ. Графиня Марья не замѣтила его. Chère Marie, il dort, je crois; il est si fatigué, сказала (какъ казалось графинѣ Марьѣ) вездѣ встрѣчавшаяся ей Соня въ большой диванной.—Андрюша не разбудилъ бы его.

Графиня Марья оглянулась, увидала за собой Андрюшу, почувствовала, что Соня права и именно отъ этого вспыхнула и видимо съ трудомъ удержалась отъ жесткаго слова. Она ничего не сказала и, чтобы не послушаться ея, сдѣлала знакъ рукой, чтобы Андрюша не шумѣлъ, а все таки шелъ за ней, и подошла къ двери. Соня прошла въ другую дверь. Изъ комнаты, въ которой спалъ Николай, слышалось его ровное, знакомое женѣ до малѣйшихъ оттѣнковъ дыханіе. Она, слыша это дыханіе, видѣла передъ собой его гладкій, красивый лобъ, усы, все лицо, на которое она такъ часто по долгу глядѣла, когда онъ спалъ, въ тишинѣ ночи. Николай вдругъ пошевелился и крякнулъ. И въ то же мгновенье Андрюша изъ за двери закричалъ: — Папенька, маменька тутъ стоитъ. Графиня Марья поблѣднѣла отъ испуга и стала дѣлать знаки сыну. Онъ замолкъ, и съ минуту продолжалось страшное для графини Марьи молчанье. Она знала, какъ не любилъ Николай, чтобы его будили. Вдругъ за дверью послышалось новое кряхтѣнье, движенье, и недовольный голосъ Николая сказалъ:

— Ни минуты не дадутъ покоя. Мари, ты? Зачѣмъ ты привела его сюда?

— Я подошла только посмотрѣть, я не видала... извини...

Николай прокашлялся и замолкъ. Графиня Марья отошла отъ двери и проводила сына въ дѣтскую. Черезъ пять минутъ маленькая, черноглазая 3-хъ лѣтняя Наташа, любимица отца, узнавъ отъ брата, что папенька спитъ, а маменька въ диванной, незамѣченная матерью, побѣжала къ отцу. Черноглазая дѣвочка смѣло скрыпнула дверью, подошла энергическими шажками тупыхъ ножекъ къ дивану и разсмотрѣвъ положенiе отца, спавшаго къ ней спиною, поднялась на цыпочкахъ и поцѣловала лежавшую подъ головой руку отца. Николай обернулся съ умиленной улыбкой на лицѣ.

— Наташа, Наташа! слышался изъ двери испуганный шопотъ графини Марьи.—Папенька спать хочетъ.

— Нѣтъ, мама, онъ не хочетъ спать, съ убѣдительностью отвѣчала маленькая Наташа.—Онъ смѣется. Николай спустилъ ноги, поднялся и взялъ на руки дочь.

— Взойди, Маша, сказалъ онъ женѣ. Графиня Марья вошла въ комнату и сѣла подлѣ мужа.

—Я и не видала, какъ онъ за мной прибѣжалъ, робко сказала она.—Я такъ.

Николай, держа одной рукой дочь, поглядѣлъ на жену и замѣтивъ виноватое выраженiе ея лица, другой рукой обнялъ ее и поцѣловалъ въ волоса.

—Можно цѣловать мама? спросилъ онъ у Наташи. Наташа застѣнчиво улыбнулась. — «Опять» съ повелительнымъ жестомъ сказала она, указывая на то мѣсто, куда Николай поцѣловалъ жену.

—Я не знаю, отчего ты думаешь, что я не въ духѣ, сказалъ Николай, отвѣчая на вопросъ, который, онъ зналъ, былъ въ душѣ его жены.

—Ты не можешь себѣ представить, какъ я бываю несчастна, одинока, когда ты такой. Мнѣ все кажется. . .

Мари, полно, глупости. Какъ тебѣ не совѣстно, сказалъ онъ весело.

— Мнѣ кажется, что ты не можешь любить меня, что я такъ дурна... и всегда... а теперь .. въ этомъ по....

— Ахъ, какая ты смѣшная! Не по хорошу милъ, а по милу хорошъ. Это только Malvina и другихъ любятъ за то, что онѣ красивы; а жену развѣ я люблю? Я не люблю, а такъ, не знаю какъ тебѣ сказать. Безъ тебя и когда вотъ такъ у насъ какая-то кошка пробѣжитъ, я какъ будто пропалъ и ничего не могу. Ну что, я люблю палецъ свой? Я не люблю, а попробуй, отрѣжь его...

— Нѣтъ, я не такъ, но я понимаю.—Такъ ты на меня не сердишься?

— Ужасно сержусь, сказалъ онъ, улыбаясь и, вставъ и оправивъ волосы, сталъ ходить по комнатѣ.

— Ты знаешь, Мари, о чемъ я думалъ, началъ онъ, теперь, когда примиреніе было сдѣлано, тотчасъ же начиная думать вслухъ при женѣ. Онъ не спрашивалъ о томъ, готова ли она слышать его; ему все равно было. Мысль пришла ему, стало быть и ей. И онъ разсказалъ ей свое намѣреніе уговорить Пьера остаться съ ними до весны.

Графиня Марья выслушала его, сдѣлала замѣчанія и начала въ свою очередь думать вслухъ свои мысли. Ея мысли были о дѣтяхъ.

— Какъ женщина уже видна теперь, сказала она по французски, указывая на маленькую Наташу. — Вы насъ, женщинъ, упрекаете въ нелогичности. Вотъ она наша логика. Я говорю: папа хочетъ спать, а она говоритъ: нѣтъ, онъ смѣется. И она права,—сказала графиня Марья, счастливо улыбаясь.

— Да, да, и Николай, взявъ на свою сильную руку дочь, высоко поднялъ ее, посадилъ на плечо, перехвативъ за ножки и сталъ съ ней ходить по комнатѣ. У отца и у дочери ыли одинаково безсмысленно счастливыя лица.

— А знаешь, ты можешь быть несправедливъ. Ты слишкомъ любишь эту, шопотомъ по французски сказала графиня Марья.

— Да, но чтожъ дѣлать?.. Я стараюсь не показать...

Въ это время въ сѣняхъ и передней послышались звуки блока и шаговъ, похожихъ на звуки пріѣзда.

— Кто-то пріѣхалъ.

— Я увѣрена, что Пьеръ. Я пойду узнàю, сказала графиня Марья и вышла изъ комнаты.

Въ ея отсутствіи Николай позволилъ себѣ галопомъ прокатить дочь вокругъ комнаты. Запыхавшись, онъ быстро скинулъ смѣющуюся дѣвочку и прижалъ ее къ груди. Его прыжки напомнили ему танцы, и онъ, глядя на дѣтское круглое счастливое личико, думалъ о томъ, какою она будетъ, когда онъ начнетъ вывозить ее старичкомъ, и какъ бывало покойникъ отецъ танцовывалъ съ дочерью Данилу Купера, пройдется съ ней мазурку.

— Онъ, онъ, Nicolas, сказала черезъ нѣсколько минутъ графиня Марья, возвращаясь въ комнату. — Теперь ожила наша Наташа. Надо было видѣть ея восторгъ и какъ ему досталось сейчасъ же за то, что онъ просрочилъ.— Ну пойдемъ скорѣе, пойдемъ! Разстаньтесь же наконецъ, сказала она, улыбаясь, глядя на дѣвочку, жавшуюся къ отцу. Николай вышелъ, держа дочь за руку.

Графиня Марья осталась въ диванной.

— Никогда, никогда не повѣрила бы, прошептала она сама съ собой, что можно быть такъ счастливой. Лицо ея просіяло улыбкой; но въ тоже самое время она вздохнула, и тихая грусть выразилась въ ея глубокомъ взглядѣ. Какъ будто кромѣ того счастья, которое она испытывала, было другое недостижимое въ этой жизни счастье, о которомъ она невольно вспомнила въ эту минуту.

X.

Наташа вышла замужъ ранней весною 1813 года и у ней въ 1820 году было уже три дочери и одинъ сынъ, котораго она желала и теперь сама кормила. Она пополнѣла и поширѣла, такъ что трудно было узнать въ этой сильной матери прежнюю тонкую, подвижную Наташу. Черты лица ея опредѣлились и имѣли выраженіе спокойной мягкости и ясности. Въ ея лицѣ не было, какъ прежде, этого непрестанно горѣвшаго огня оживленія, составлявшаго ея прелесть. Теперь часто видно было одно ея лицо и тѣло, а души вовсе не было видно. Видна была одна сильная, красивая и плодовитая самка. Очень рѣдко зажигался въ ней теперь прежній огонь. Это бывало только тогда, когда, какъ теперь, возвращался мужъ, когда выздоравливалъ ребенокъ, или когда она съ графиней Марьей вспоминала о князѣ Андреѣ (съ мужемъ она, предполагая, что онъ ревнуетъ ее къ памяти князя Андрея, никогда не говорила о немъ), и очень рѣдко, когда что нибудь случайно вовлекало ее въ пѣніе, которое она совершенно оставила послѣ замужства. И въ тѣ рѣдкія минуты, когда прежній огонь зажигался въ ея развившемся красивомъ тѣлѣ, она бывала еще болѣе привлекательна чѣмъ прежде.

Со времени своего замужства, Наташа жила съ мужемъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ подмосковной деревнѣ, и у матери, т. е. у Николая. Въ обществѣ молодую графиню Безухую видѣли мало, и тѣ, которые видѣли, остались ею недовольны. Она не была ни мила, ни любезна. Наташа не то, что любила уединеніе (она не знала, любила ли она или нѣтъ, ей даже казалось, что нѣтъ), но она нося, рождая и кормя дѣтей и принимая участіе въ каждой минутѣ жизни мужа, не могла удовлетворить этимъ потребностямъ иначе, какъ отказавшись отъ свѣта. Всѣ знавшіе Наташу

до замужства удивлялись происшедшей въ ней перемѣнѣ, какъ чему-то необыкновенному. Одна старая графиня, материнскимъ чутьемъ понявшая, что всѣ порывы Наташи имѣли началомъ только потребность имѣть семью, имѣть мужа, какъ она, не столько шутя, сколько взаправду, кричала въ Отрадномъ. Мать удивлялась удивленію людей непонимавшихъ Наташи и повторяла, что она всегда знала, что Наташа будетъ примѣрной женой и матерью.

— Она только до крайности доводитъ свою любовь къ мужу и дѣтямъ, говорила графиня,—такъ что это даже глупо.

Наташа не слѣдовала тому золотому правилу, проповѣдываемаго умными людьми, въ особенности Французами, и состоящему въ томъ, что дѣвушка, выходя за мужъ, не должна опускаться, не должна бросать свои таланты, должна еще болѣе чѣмъ въ дѣвушкахъ заниматься своей внѣшностью, должна прельщать мужа также, какъ она прельщала не мужа. Наташа, напротивъ, бросила сразу всѣ свои очарованья, изъ которыхъ у ней было одно необычайно сильное — пѣніе. Она оттого и бросила его, что это было сильное очарованье. Наташа не заботилась ни о своихъ манерахъ, ни о деликатности рѣчей, ни о томъ, чтобы показаться своему мужу въ самыхъ выгодныхъ позахъ, ни о своемъ туалетѣ, ни о томъ, чтобы не стѣснять мужа своего требовательностью. Она дѣлала все противное этимъ правиламъ. Она чувствовала, что тѣ очарованія, которыя инстинктъ ея научалъ употреблять прежде, теперь только были бы смѣшны въ глазахъ ея мужа, которому она съ первой минуты отдалась вся — т. е. всей душой, не оставивъ ни одного уголка неоткрытымъ для него. Она чувствовала, что связь ея съ мужемъ держалась не тѣми поэтическими чувствами, которыя привлекли его къ ней, а держалась чѣмъ-то другимъ, неопредѣленнымъ, но твердымъ, какъ связь ея собственной души съ тѣломъ.

Взбивать локоны, надѣвать роброны и пѣть романсы для того, чтобы привлечь къ себѣ своего мужа, показалось бы ей также страннымъ, какъ украшать себя для того, чтобы быть самой собою довольной. Украшать же себя для того, чтобы нравиться другимъ, можетъ быть это и было бы пріятно ей—она не знала—но было совершенно некогда. Главная же причина, по которой она не занималась ни пѣніемъ, ни туалетомъ, ни обдумываніемъ своихъ словъ, состояла въ томъ, что ей было совершенно некогда заниматься этимъ.

Извѣстно, что человѣкъ имѣетъ способность погружаться весь въ одинъ предметъ, какой бы онъ ни казался ничтожный. И извѣстно, что нѣтъ такого ничтожнаго предмета, который бы при сосредоточенномъ вниманіи, обращенномъ на него, не разросся бы до безконечности.

Предметъ, въ который погрузилась вполнѣ Наташа—была семья, т. е. мужъ, котораго надо было держать такъ, чтобы онъ нераздѣльно принадлежалъ ей, дому,—и дѣти, которыхъ надо было носить, рожать, кормить и воспитывать.

И чѣмъ больше она вникала, не умомъ, а всей душой, всѣмъ существомъ своимъ въ занимавшій ее предметъ, тѣмъ болѣе предметъ этотъ разрастался подъ ея вниманіемъ и тѣмъ слабѣе и ничтожнѣе казались ей ея силы, такъ что она ихъ всѣ сосредоточивала на одно и тоже, и все-таки не успѣвала дѣлать всего того, что̀ ей казалось нужно.

Толки и разсужденія о правахъ женщинъ, объ отношеніяхъ супруговъ, о свободѣ и правахъ ихъ, хотя и не назывались еще какъ теперь *вопросами*, были тогда точно такіе же, какъ и теперь; но эти вопросы не только не интересовали Наташи, но она рѣшительно не понимала ихъ.

Вопросы эти и тогда, какъ и теперь, существовали только для тѣхъ людей, которые въ бракѣ видятъ одно удоволь-

ствіе, получаемое супругами другъ отъ друга, т. е. одно начало брака, а не все его значеніе, состоящее въ семьѣ.

Разсужденія эти и теперешніе вопросы, подобные вопросамъ о томъ, какимъ образомъ получить какъ можно болѣе удовольствія отъ обѣда, тогда какъ и теперь, не существуютъ для людей, для которыхъ цѣль обѣда есть питаніе и цѣль супружества — семья.

Если цѣль обѣда питаніе тѣла, то тотъ, кто съѣстъ вдругъ два обѣда, достигнетъ можетъ быть бо́льшаго удовольствія, но не достигнетъ цѣли, ибо оба обѣда не переварятся желудкомъ.

Если цѣль брака есть семья, то тотъ, кто захочетъ имѣть много женъ и мужей, можетъ быть получитъ много удовольствія, но ни въ какомъ случаѣ не будетъ имѣть семьи.

Весь вопросъ, ежели цѣль обѣда есть питаніе, а цѣль брака — семья, разрѣшается только тѣмъ, чтобы не ѣсть больше того, что̀ можетъ переварить желудокъ — и не имѣть больше женъ и мужей, чѣмъ столько, сколько нужно для семьи, т. е. одной и одного. Наташѣ нуженъ былъ мужъ. Мужъ былъ данъ ей. И мужъ далъ ей семью. И въ другомъ лучшемъ мужѣ она не только не видѣла надобности, но такъ какъ всѣ силы душевныя ея были устремлены на то, чтобы служить этому мужу и семьѣ, она и не могла себѣ представить, и не видѣла никакого интереса въ представленіи о томъ, что̀ бы было, еслибъ было другое.

Наташа не любила общества вообще, но она тѣмъ болѣе дорожила обществомъ родныхъ — графини Марьи, брата, матери и Сони. Она дорожила обществомъ тѣхъ людей, къ которымъ она, растрепанная, въ халатѣ, могла выдти большими шагами изъ дѣтской съ радостнымъ лицомъ и показать пелёнку съ желтымъ вмѣсто зеленаго пятна, и выслушать утѣшенія о томъ, что теперь ребенку гораздо лучше.

Наташа до такой степени опустилась, что ея костюмы, ея прически, ея невпопадъ сказанныя слова, ея ревность—

она ревновала къ Сонѣ, къ гувернанткѣ, ко всякой красивой и некрасивой женщинѣ, были обычнымъ предметомъ шутокъ всѣхъ ея близкихъ. Общее мнѣніе было то, что Пьеръ былъ подъ башмакомъ своей жены, и дѣйствительно это было такъ. Съ самыхъ первыхъ дней ихъ супружества, Наташа заявила свои требованія. Пьеръ удивился очень этому совершенно новому для него воззрѣнію жены, состоящему въ томъ, что каждая минута его жизни принадлежитъ ей и семьѣ; Пьеръ удивился требованіямъ своей жены, но былъ польщенъ ими и подчинился имъ.

Подвластность Пьера заключалась въ томъ, что онъ не смѣлъ не только ухаживать, но не смѣлъ съ улыбкой говорить съ другой женщиной, не смѣлъ ѣздить въ клубы на обѣды, *такъ*, для того, чтобы провести время, не смѣлъ расходовать деньги для прихотей, не смѣлъ уѣзжать на долгіе сроки, исключая какъ по дѣламъ, въ число которыхъ жена включала и его занятія науками, въ которыхъ она ничего не понимала, но которымъ она приписывала большую важность. Взамѣнъ этого, Пьеръ имѣлъ полное право у себя въ домѣ располагать не только самимъ собою, какъ онъ хотѣлъ, но и всей семьею. Наташа у себя въ домѣ ставила себя на ногу рабы мужа; и весь домъ ходилъ на цыпочкахъ, когда Пьеръ занимался—читалъ или писалъ въ своемъ кабинетѣ. Стоило Пьеру показать какое нибудь пристрастіе, чтобы то, что онъ любилъ, постоянно исполнялось. Стоило ему выразить желаніе, чтобы Наташа вскакивала и бѣжала исполнять его.

Весь домъ руководился только мнимыми повелѣніями мужа, т. е. желаніями Пьера, которыя Наташа старалась угадывать. Образъ, мѣсто жизни, знакомства, связи, занятія Наташи, воспитаніе дѣтей—не только все дѣлалось по выраженной волѣ Пьера, но Наташа стремилась угадать то, что могло вытекать изъ высказанныхъ въ разговорахъ мыслей Пьера. И она вѣрно угадывала то, въ чемъ состояла

сущность желаній Пьера и разъ угадавъ ее, она уже твердо держалась разъ избраннаго. Когда Пьеръ самъ уже хотѣлъ измѣнить своему желанію, она боролась противъ него его же оружіемъ.

Такъ въ тяжелое время, навсегда памятное Пьору, Наташѣ, послѣ родовъ перваго слабаго ребенка, когда имъ пришлось перемѣнить трехъ кормилицъ и Наташа заболѣла отъ отчаянія, Пьеръ однажды сообщилъ ей мысли Руссо, съ которыми онъ былъ совершенно согласенъ, о неестественности и вредѣ кормилицъ. Съ слѣдующимъ ребенкомъ, не смотря на противодѣйствіе матери, докторовъ и самого мужа, возстававшихъ противъ ея кормленія, какъ противъ вещи тогда неслыханной и вредной, она настояла на своемъ и съ тѣхъ поръ всѣхъ дѣтей кормила сама.

Весьма часто, въ минуты раздраженія, случалось, что мужъ съ женой спорили, но долго потомъ послѣ спора Пьеръ къ радости и удивленію своему находилъ не-только въ словахъ, но и въ дѣйствіяхъ жены свою ту самую мысль, противъ которой она спорила. И не только онъ находилъ ту же мысль, но онъ находилъ ее очищенною отъ всего того, что̀ было лишняго, вызваннаго увлеченіемъ и споромъ, въ выраженіи мысли Пьера.

Послѣ семи лѣтъ супружества Пьеръ чувствовалъ радостное, твердое сознаніе того, что онъ не дурной человѣкъ, и чувствовалъ онъ это потому, что онъ видѣлъ себя отраженнымъ въ своей женѣ. Въ себѣ онъ чувствовалъ все хорошее и дурное смѣшаннымъ и затемнявшимъ одно другое. Но на женѣ его отражалось только то, что было истинно хорошо; все несовсѣмъ хорошее было откинуто. И отраженіе это произошло не путемъ логической мысли, а другимъ таинственнымъ, непосредственнымъ отраженіемъ.

XI.

Два мѣсяца тому назадъ Пьеръ, уже гостя у Ростовыхъ, получилъ письмо отъ князя Өедора, призывавшаго его въ Петербургъ для обсужденія важныхъ вопросовъ, занимавшихъ въ Петербургѣ членовъ одного общества, котораго Пьеръ былъ однимъ изъ главныхъ основателей.

Прочтя это письмо, Наташа, какъ она читала всѣ письма мужа, не смотря на всю тяжесть для нея отсутствія мужа, сама предложила ему ѣхать въ Петербургъ. Всему, что было умственнымъ отвлеченнымъ дѣломъ мужа, она приписывала, не понимая его, огромную важность и постоянно находилась въ страхѣ быть помѣхой въ этой дѣятельности ея мужа. На робкій вопросительный взглядъ Пьера послѣ прочтенія письма, она отвѣчала просьбой, чтобы онъ ѣхалъ, но только опредѣлилъ бы ей вѣрно время возвращенія. И отпускъ былъ данъ на четыре недѣли.

Съ того времени, какъ вышелъ срокъ отпуска Пьера, двѣ недѣли тому назадъ, Наташа находилась въ неперестававшемъ состояніи страха, грусти и раздраженія.

Денисовъ, отставной недовольный настоящимъ положеніемъ генералъ, пріѣхавшій въ эти послѣднія двѣ недѣли, съ удивленіемъ и грустью, какъ на непохожій портретъ когда-то любимаго человѣка, смотрѣлъ на Наташу. Унылый, скучающій взглядъ, невпопадъ отвѣты и разговоры о дѣтской, было все, что онъ видѣлъ и слышалъ отъ прежней волшебницы.

Наташа была все это время грустна и раздражена, въ особенности тогда, когда, утѣшая ее, мать, братъ, Соня или графиня Марья, старались извинить Пьера и придумать причины его замедленія.

— Все глупости, все пустяки, говорила Наташа,—всѣ его размышленія, которыя ни къ чему не ведутъ, и всѣ эти дурацкія общества, говорила она о тѣхъ самыхъ дѣлахъ,

въ великую важность которыхъ она твердо вѣрила. И она уходила въ дѣтскую кормить своего единственнаго мальчика Петю.

Никто ничего не могъ ей сказать столько успокоивающаго, разумнаго, сколько это трехмѣсячное маленькое существо, когда оно лежало у ея груди, и она чувствовала его движеніе рта и сопѣнье носикомъ. Существо это говорило: — Ты сердишься, ты ревнуешь, ты хотѣла бы ему отмстить, ты боишься,—а я вотъ онъ. А я вотъ онъ... И отвѣчать нечего было. Это было больше чѣмъ правда.

Наташа въ эти двѣ недѣли безпокойства такъ часто прибѣгала къ ребенку за успокоеніемъ, такъ возилась надъ нимъ, что она перекормила его и онъ заболѣлъ. Она ужасалась его болѣзни, а вмѣстѣ съ тѣмъ ей этого-то и нужно было. Ухаживая за нимъ, она легче переносила безпокойство о мужѣ.

Она кормила, когда зашумѣлъ у подъѣзда возокъ Пьера и няня, знавшая чѣмъ обрадовать барыню, неслышно, но быстро, съ сіяющимъ лицомъ, вошла въ дверь.

— Пріѣхалъ? быстрымъ шопотомъ спросила Наташа боясь пошевелиться, чтобы не разбудить засыпавшаго ребенка.

— Пріѣхали, матушка, прошептала няня.

Кровь бросилась въ лицо Наташи, и ноги невольно сдѣлали движеніе; но вскочить и бѣжать было нельзя. Ребенокъ опять открылъ глазки, взглянулъ. «Ты тутъ» какъ будто сказалъ онъ и опять лѣниво зачмокалъ губами.

Потихоньку отнявъ грудь, Наташа покачала его, передала нянѣ и пошла быстрыми шагами въ дверь. Но у двери она остановилась, какъ бы почувствовавъ упрекъ совѣсти за то, что обрадовавшись слишкомъ скоро, оставила ребенка, и оглянулась. Няня, поднявъ локти, переносила ребенка за перильцы кроватки.

— Да, ужъ идите, идите, матушка, будьте покойны,

идите, улыбаясь прошептала няня, съ фамильярностью, устанавливающейся между няней и барыней.

И Наташа легкими шагами побѣжала въ переднюю.

Денисовъ съ трубкой, вышедшій въ залу изъ кабинета, тутъ въ первый разъ узналъ Наташу. Яркій, блестящій, радостный свѣтъ лился потоками изъ ея преобразовавшагося лица.

— Пріѣхалъ! проговорила она ему на бѣгу, и Денисовъ почувствовалъ, что онъ былъ въ восторгѣ отъ того, что пріѣхалъ Пьеръ, котораго онъ очень мало любилъ. Вбѣжавъ въ переднюю, Наташа увидала высокую фигуру въ шубѣ, разматывающую шарфъ.

Онъ! онъ! Правда. Вотъ онъ, проговорила она сама съ собой и, налетѣвъ на него обняла, прижала къ себѣ, головой къ груди, и потомъ отстранивъ взглянула на заиндѣвѣвшее, румяное и счастливое лицо Пьера.—Да, это онъ; счастливый, довольный...

И вдругъ она вспомнила всѣ тѣ муки ожиданія, которыя она перечувствовала въ послѣднія двѣ недѣли: сіяющая на ея лицѣ радость скрылась; она нахмурилась, и потокъ упрековъ и злыхъ словъ излился на Пьера.

— Да, тебѣ хорошо, ты очень радъ, ты веселился... А каково мнѣ? Хоть бы ты дѣтей пожалѣлъ. Я кормлю, у меня молоко испортилось... Петя былъ при смерти. А тебѣ очень весело. Да, тебѣ весело....

Пьеръ зналъ, что онъ не виноватъ, потому что ему нельзя было пріѣхать раньше; зналъ, что этотъ взрывъ съ ея стороны не приличенъ и зналъ, что черезъ двѣ минуты это пройдетъ; онъ зналъ главное, что ему самому было весело и радостно. Онъ бы хотѣлъ улыбнуться, но и не посмѣлъ подумать объ этомъ. Онъ сдѣлалъ жалкое, испуганное лицо и согнулся.

—Я не могъ, ей Богу. Но что Петя?

—Теперь ничего, пойдемъ. Какъ тебѣ не совѣстно. Кабы

ты могъ видѣть, какая я безъ тебя, какъ я мучалась...

— Ты здорова?

— Пойдемъ, пойдемъ, говорила она, не выпуская его руки. И они пошли въ свои комнаты.

Когда Николай съ женою пришли отыскивать Пьера, онъ былъ въ дѣтской и держалъ на своей огромной, правой ладони проснувшагося, грудного сына и тетёшкалъ его. На широкомъ лицѣ его съ раскрытымъ беззубымъ ртомъ, остановилась веселая улыбка. Буря уже давно вылилась, и яркое, радостное солнце сіяло на лицѣ Наташи, умиленно смотрѣвшей на мужа и сына.

— И хорошо все переговорили съ княземъ Өеодоромъ, говорила Наташа.

— Да, отлично.

— Видишь, держитъ (голову, разумѣла Наташа).—Ну, какъ онъ меня напугалъ.

А княжну видѣлъ? правда, что она влюблена въ этого...

— Да, можешь себѣ представить...

Въ это время вошелъ Николай съ графиней Марьей. Пьеръ, не спуская съ рукъ сына, нагнувшись поцѣловался съ ними и отвѣчалъ на распросы. Но очевидно, несмотря на многое интересное, что нужно было переговорить, ребенокъ въ колпачкѣ, съ качающейся головой, поглощалъ все вниманіе Пьера.

— Какъ милъ! сказала графиня Марья, глядя на ребенка и играя съ нимъ. — Вотъ этого я не понимаю, Nicolas, обратилась она къ мужу, какъ ты не понимаешь прелесть этихъ чудо прелестей.

— Не понимаю, не могу, сказалъ Николай холоднымъ взглядомъ, глядя на ребенка.—Кусокъ мяса. Пойдемъ, Пьеръ.

— Вѣдь главное онъ такой нѣжный отецъ, сказала графиня Марья, оправдывая своего мужа: но только когда уже годъ или эдакъ...

— Нѣтъ, Пьеръ отлично ихъ нянчитъ, сказала Наташа;

онъ говоритъ, что у него рука какъ разъ сдѣлана по задку ребенка. Посмотрите.

— Ну, только не для этого, вдругъ смѣясь сказалъ Пьеръ, перехватывая ребенка и передавая его нянѣ.

XII.

Какъ въ каждой настоящей семьѣ, въ Лысо-Горскомъ домѣ, жило вмѣстѣ нѣсколько совершенно различныхъ міровъ, которые, каждый удерживая свою особенность и дѣлая уступки одинъ другому, сливались въ одно гармоническое цѣлое. Каждое событіе, случавшееся въ домѣ, было одинаково радостно или печально — важно для всѣхъ этихъ міровъ; но каждый міръ имѣлъ совершенно свои, независимыя отъ другихъ, причины радоваться или печалиться какому либо событію.

Такъ пріѣздъ Пьера было радостное важное событіе, и такимъ оно отразилось на всѣхъ.

Слуги, вѣрнѣйшія судьи господъ, потому что они судятъ не по разговорамъ и выраженіямъ чувствъ, а по дѣйствіямъ и образу жизни, были рады пріѣзду Пьера, потому что при немъ, они знали, графъ перестанетъ ходить ежедневно по хозяйству и будетъ веселѣе и добрѣе и еще потому, что всѣмъ будутъ богатые подарки къ празднику.

Дѣти и гувернантки радовались пріѣзду Безухова, потому что никто такъ не вовлекалъ ихъ въ общую жизнь, какъ Пьеръ. Онъ одинъ умѣлъ на клавикордахъ играть тотъ экосезъ (единственная его пьеса), подъ который можно танцовать, какъ онъ говорилъ, всѣ возможные танцы и онъ привезъ навѣрное всѣмъ подарки.

Николинька, который былъ теперь 15-ти-лѣтній худой, съ вьющимися русыми волосами и прекрасными глазами, болѣзненный, умный мальчикъ, радовался потому, что дядя Пьеръ,

какъ онъ называлъ его, былъ предметомъ его восхищенія и страстной любви. Никто не внушалъ Николинькѣ особенной любви къ Пьеру, и онъ только изрѣдка видалъ его. Воспитательница его, графиня Марья, всѣ силы употребляла, чтобы заставить Николиньку любить ея мужа такъ же, какъ она его любила, и Николинька любилъ дядю; но любилъ съ чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ презрѣнія. Пьера же онъ обожалъ. Онъ не хотѣлъ быть ни гусаромъ, ни Георгіевскимъ кавалеромъ, какъ дядя Николай, онъ хотѣлъ быть ученымъ, умнымъ и добрымъ, какъ Пьеръ. Въ присутствіи Пьера на его лицѣ было всегда радостное сіяніе, и онъ краснѣлъ и задыхался, когда Пьеръ обращался къ нему. Онъ не проранивалъ ни одного слова изъ того, что̀ говорилъ Пьеръ, и потомъ съ Десалемъ и самъ съ собою вспоминалъ и соображалъ значеніе каждаго слова Пьера. Прошедшая жизнь Пьера, его несчастія до 12-го года (о которыхъ онъ изъ слышанныхъ словъ составилъ себѣ смутное, поэтическое представленіе), его приключенія въ Москвѣ, плѣнъ, Платонъ Каратаевъ, (о которомъ онъ слыхалъ отъ Пьера), его любовь къ Наташѣ (которую тоже особенной любовью любилъ мальчикъ) и главное его дружба къ отцу, котораго не помнилъ Николинька, все это дѣлало изъ Пьера для него героя и святыню.

Изъ прерывавшихся рѣчей о его отцѣ и Наташѣ, изъ того волненія, съ которымъ Пьеръ говорилъ о покойномъ, изъ той осторожной, благоговѣйной нѣжности, съ которой Наташа говорила о немъ же, мальчикъ, только что начинавшій догадываться о любви, составилъ себѣ понятіе о томъ, что отецъ его любилъ Наташу и завѣщалъ ее, умирая, своему другу. Отецъ же этотъ, котораго не помнилъ мальчикъ, представлялся ему божествомъ, котораго нельзя было себѣ вообразить, и о которомъ онъ иначе не думалъ, какъ съ замираніемъ сердца и слезами грусти и восторга.— И мальчикъ былъ счастливъ вслѣдствіе пріѣзда Пьера.

Гости были рады Пьеру, какъ человѣку, всегда оживлявшему и сплочавшему всякое общество.

Взрослые домашніе, не говоря о женѣ, были рады другу, при которомъ жилось легче и спокойнѣе.

Старушки были рады и подаркамъ, которые онъ привезетъ, и главное тому, что опять оживетъ Наташа.

Пьеръ чувствовалъ эти различныя на себя воззрѣнія различныхъ міровъ и спѣшилъ каждому дать ожидаемое.

Пьеръ, самый разсѣянный, забывчивый человѣкъ, теперь, по списку, составленному женой, купилъ все, не забывъ ни коммиссій матери и брата, ни подарковъ на платье Бѣловой, ни игрушекъ племянникамъ. Ему странно показалось въ первое время своей женитьбы это требованіе жены—исполнить и не забыть всего того, что онъ взялся купить, и поразило серьозное огорченіе ея, когда онъ въ первую свою поѣздку все перезабылъ. Но въ послѣдствіи онъ привыкъ къ этому. Зная, что Наташа для себя ничего не поручала, а для другихъ поручала только тогда, когда онъ самъ вызывался, онъ теперь находилъ неожиданное для самого себя дѣтское удовольствіе въ этихъ покупкахъ подарковъ для всего дома и никогда ничего не забывалъ. Ежели онъ заслуживалъ упреки отъ Наташи, то только за то, что покупалъ лишнее и слишкомъ дорого. Ко всѣмъ своимъ недостаткамъ, по мнѣнію большинства: неряшливости, опущенности, или качествамъ по мнѣнію Пьера, Наташа присоединила еще скупость.

Съ того самаго времени, какъ Пьеръ сталъ жить большимъ домомъ, семьей, требующей большихъ расходовъ, онъ, къ удивленію своему, замѣтилъ, что онъ проживалъ вдвое меньше, чѣмъ прежде, и что его разстроенныя послѣднее время, въ особенности долгами первой жены, дѣла, стали поправляться.

Жить было дешевле потому, что жизнь была связана: той самой дорогой роскоши, состоящей въ такомъ родѣ

жизни, что всякую минуту можно измѣнить его, Пьеръ не имѣлъ уже, да и не желалъ имѣть болѣе. Онъ чувствовалъ, что образъ жизни его опредѣленъ теперь разъ навсегда до смерти, что измѣнить его не въ его власти и потому этотъ образъ жизни былъ дешевъ.

Пьеръ съ веселымъ, улыбающимся лицомъ разбиралъ свои покупки.

— Каково! говорилъ онъ, развертывая, какъ лавочникъ, кусокъ матеріи. Наташа держа на колѣняхъ старшую дочь, и быстро, переводя сіяющіе глаза съ мужа на то, что онъ показывалъ, сидѣла противъ него.

— Это для Бѣловой? Отлично.—Она пощупала доброту. Это по рублю вѣрно?

Пьеръ сказалъ цѣну.

— Дорого, сказала Наташа.—Ну, какъ дѣти рады будутъ и maman. Только напрасно ты мнѣ это купилъ, прибавила она, не въ силахъ удержать улыбку, любуясь на золотой въ жемчугахъ гребень, которые тогда только стали входить въ моду.

—Меня Адель сбила: купить да купить, сказалъ Пьеръ.

—Когда же я надѣну?—Наташа вложила его въ косу.— Это Машиньку вывозить; можетъ тогда опять будутъ носить. Ну, пойдемъ.

И, забравъ подарки, они пошли сначала въ дѣтскую, потомъ къ графинѣ.

Графиня по обычаю сидѣла съ Бѣловой за гранъ-пасьянсомъ, когда Пьеръ и Наташа съ свертками подъ мышками вошли въ гостиную.

Графинѣ было уже за 60 лѣтъ. Она была вся сѣда и носила чепчикъ, обхватывавшій все лицо рюшемъ. Лицо ея было сморщено, верхняя губа ушла, и глаза были тусклы.

Послѣ такъ быстро послѣдовавшихъ одна за другой смертями сына и мужа, она чувствовала себя нечаянно забытымъ на этомъ свѣтѣ существомъ, неимѣющимъ никакой

цѣли и смысла. Она ѣла, пила, спала, бодрствовала, но она не жила. Жизнь не давала ей никакихъ впечатлѣній. Ей ничего не нужно было отъ жизни, кромѣ спокойствія, и спокойствіе это она могла найти только въ смерти. Но пока смерть еще не приходила, ей надо было жить, т. е. употреблять свои силы жизни. Въ ней въ высшей степени было замѣтно то, что замѣтно въ очень маленькихъ дѣтяхъ и очень старыхъ людяхъ. Въ ея жизни не видно было никакой внѣшней цѣли, а очевидна была только потребность упражнять свои различныя склонности и способности. Ей надо было покушать, поспать, подумать, поговорить, поплакать, поработать, посердиться и т. д. только потому, что у нея былъ желудокъ, былъ мозгъ, были мускулы, нервы и печень. Все это она дѣлала, не вызываемая ничѣмъ внѣшнимъ, не такъ какъ дѣлаютъ это люди во всей силѣ жизни, когда изъ за-цѣли, къ которой они стремятся, не замѣтна другая цѣль приложенія своихъ силъ. Она говорила только потому, что ей физически надо было поработать легкими и языкомъ. Она плакала, какъ ребенокъ, потому, что ей надо было просмаркаться и т. д. То, что для людей въ полной силѣ представляется цѣлью, для нея очевидно былъ предлогъ.

Такъ поутру, въ особенности ежели наканунѣ она покушала чего нибудь жирнаго, у ней являлась потребность посердиться, и тогда она выбирала ближайшій предлогъ,— глухоту Бѣловой.

Она съ другаго конца комнаты начинала говорить ей что нибудь тихо.

— Нынче кажется теплѣе, моя милая, говорила она шопотомъ. И когда Бѣлова отвѣчала: — «Какже, пріѣхали,» она сердито ворчала.

— Боже мой, какъ глуха и глупа! Другой предлогъ былъ нюхательный табакъ, который ей казался, то сухъ, то сыръ, то дурно растертъ. Послѣ этихъ раздраженій желчь

разливалась у нея въ лицѣ, и горничныя ея знали по вѣрнымъ признакамъ, когда будетъ опять глуха Бѣлова и опять табакъ сдѣлается сыръ и когда будетъ желтое лицо. Такъ какъ ей нужно было поработать желчью, такъ нужно ей было иногда поработать оставшимися способностями—мыслить, и для этого предлогомъ былъ пасьянсъ. Когда нужно было поплакать, тогда предметомъ былъ покойный графъ. Когда нужно было тревожиться, предлогомъ былъ Николай и его здоровье; когда нужно было язвительно поговорить, тогда предлогомъ была графиня Марья. Когда нужно было дать упражненіе органу-голосу,—это было большей частью въ 7-мъ часу послѣ пищеварительнаго отдыха въ темной комнатѣ,—тогда предлогомъ были разсказы все однѣхъ и тѣхъ же исторій и все однимъ и тѣмъ же слушателямъ.

Это состояніе старушки понималось всѣми домашними, хотя никто никогда не говорилъ объ этомъ и всѣми употреблялись всевозможныя усилія для удовлетворенія этихъ ея потребностей. Только въ рѣдкомъ взглядѣ грустной полуулыбки, обращенной другъ къ другу между Николаемъ, Пьеромъ, Наташей и графиней Марьей, бывало выражаемо это взаимное пониманіе ея положенія.

Но взгляды эти кромѣ того говорили еще другое: они говорили о томъ, что она сдѣлала уже свое дѣло въ жизни, о томъ, что она не вся въ томъ, что̀ теперь видно въ ней, о томъ, что и всѣ мы будемъ такіе же, и что радостно покоряться ей, сдерживать себя для этого когда-то дорогаго, когда-то такого же полнаго, какъ и мы, жизни; теперь жалкаго существа. Memento mori, говорили эти взгляды.

Только совсѣмъ дурные и глупые люди, да маленькія дѣти, изъ всѣхъ домашнихъ, не понимали этого и чуждались ея.

XIII.

Когда Пьеръ съ женою пришли въ гостиную, графиня находилась въ привычномъ состоянiи потребности занять себя умственной работой гранъ-пасьянса и потому, несмотря на то, что она по привычкѣ сказала слова, всегда говоримыя ею по возвращенiю Пьера или сына «пора, пора, мой милый; заждались. Ну, слава Богу.» И при передачѣ ей подарковъ—сказала другiя привычныя слова. «Не дорогъ подарокъ, дружокъ. Спасибо, что меня старуху даришь..., видимо было, что приходъ Пьера былъ ей непрiятенъ въ эту минуту потому, что отвлекалъ ее отъ недоложеннаго гранъ-пасьянса. Она окончила пасьянсъ и тогда только принялась за подарки. Подарки состояли изъ прекрасной работы футляра для картъ, севрской ярко-синей чашки, съ крышкой и съ изображенiями пастушекъ и изъ золотой табакерки съ портретомъ графа, который Пьеръ заказывалъ въ Петербургѣ миніатюристу. (Графиня давно желала этого). Ей не хотѣлось теперь плакать, и потому она равнодушно посмотрѣла на портретъ и занялась больше футляромъ.

— Благодарствуй, мой другъ, ты утѣшилъ меня, сказала она, какъ всегда говорила.—Но лучше всего, что самъ себя привезъ. А то это ни на что не похоже; хоть-бы ты побранилъ свою жену. Что это? Какъ сумасшедшая безъ тебя. Ничего не видитъ, не помнитъ, говорила она привычныя слова.—Посмотри, Анна Тимоѳѣевна, прибавила она,—какой сынокъ футляръ намъ привезъ.

Бѣлова хвалила подарки и восхищалась своей матерiей.

Хотя Пьеру, Наташѣ, Николаю, графинѣ Марьѣ и Денисову многое нужно было переговорить такого, что не говорилось при графинѣ, не потому, чтобы что нибудь скрывалось отъ нея, но потому, что она такъ отстала отъ многаго, что, начавъ говорить про что нибудь при ней, надо

бы было отвѣчать на ея вопросы, некстати вставляемые, и повторять вновь уже нѣсколько разъ повторенное ей: разсказывать, что тотъ умеръ, тотъ женился, чего она не могла вновь запомнить; но они по обычаю сидѣли за чаемъ въ гостиной у самовара и Пьеръ отвѣчалъ на вопросы графини, ей самой ненужные и никого неинтересующіе, о томъ, что князь Василій постарѣлъ, и что графиня Марья Алексѣевна велѣла кланяться и помнить, и т. д. . . .

Такой разговоръ, никому неинтересный, но необходимый, велся во все время чая. За чай вокругъ круглаго стола у самовара, у котораго сидѣла Соня, собирались всѣ взрослые члены семейства. Дѣти, гувернеры и гувернантки уже отпили чай и голоса ихъ слышались въ сосѣдней диванной. За чаемъ всѣ сидѣли на обычныхъ мѣстахъ: Николай садился у печки за маленькимъ столикомъ, къ которому ему подавали чай. Старая съ совершенно-сѣдымъ лицомъ, изъ котораго еще рѣзче выкатывались большіе, черные глаза, борзая Милка, дочь первой Милки, лежала на креслѣ подлѣ него. Денисовъ съ посѣдѣвшими на половину курчавыми волосами, усами и бакенбардами, въ растегнутомъ, генеральскомъ сюртукѣ сидѣлъ подлѣ графини Марьи. Пьеръ сидѣлъ между женою и старой графиней. Онъ разсказывалъ то, что,—онъ зналъ,—могло интересовать старушку и быть понятымъ ей. Онъ говорилъ о внѣшнихъ, общественныхъ событіяхъ и о тѣхъ людяхъ, которые когда-то составляли кружокъ сверстниковъ старой графини, которые когда-то были дѣйствительнымъ, живымъ отдѣльнымъ кружкомъ, но которые теперь, большей частью разбросанные по міру, также какъ она, доживали свой вѣкъ, собирая остальные колосья того, что они посѣяли въ жизни. Но они-то, эти сверстники, казались старой графинѣ исключительно серіознымъ и настоящимъ міромъ. По оживленію Пьера Наташа видѣла, что поѣздка его была интересна, что ему многое хотѣлось разсказать, но онъ не смѣлъ говорить при графинѣ. Денисовъ, не будучи членомъ

семьи по этому не понимая осторожности Пьера, кромѣ того, какъ недовольный, весьма интересовался тѣмъ, что дѣлалось въ Петербургѣ, и безпрестанно вызывалъ Пьера на разсказы то о только что случившейся исторіи въ Семеновскомъ полку, то объ Аракчеевѣ, то о библейскомъ обществѣ. Пьеръ иногда увлекался и начиналъ разсказывать, но Николай и Наташа всякій разъ возвращали его къ здоровью князя Ивана и графини Марьи Антоновны.

— Ну что же все это безуміе и Госнеръ и Татаринова, спросилъ Денисовъ,—неужели все продолжается?

— Какъ продолжается? вскрикнулъ Пьеръ. — Сильнѣе чѣмъ когда нибудь. Библейское общество, это теперь все правительство.

— Это что же, mon cher ami? спросила графиня, отпившая свой чай и видимо желая найти предлогъ для того, чтобы посердиться послѣ пищи.—Какже это ты говоришь правительство; я это не пойму.

— Да, знаете, maman, вмѣшался Николай, знавшій, какъ надо было переводить на языкъ матери,—это князь А. Н. Голицынъ устроилъ общество, такъ онъ въ большой силѣ, говорятъ.

— Аракчеевъ и Голицынъ, неосторожно сказалъ Пьеръ,—это теперь все правительство. И какое! Во всемъ видятъ заговоры, всего боятся.

— Что жъ, князь Александръ Николаевичъ—то чѣмъ же виноватъ? Онъ очень почтенный человѣкъ. Я встрѣчала его тогда у Марьи Антоновны, обиженно сказала графиня, и еще больше обиженная тѣмъ, что всѣ замолчали, продолжала:—нынче всѣхъ судить стали. Евангелическое общество, ну что жъ дурнаго?—и она встала, (всѣ встали тоже) и съ строгимъ видомъ поплыла въ диванную къ своему столу.

Среди установившагося грустнаго молчанія изъ сосѣдней комнаты послышались дѣтскіе смѣхъ и голоса. Очевидно, между дѣтьми происходило какое-то радостное волненіе.

— Готово, готово! послышался изъ за всѣхъ радостный вопль маленькой Наташи. Пьеръ переглянулся съ гр. Марьей и Николаемъ (Наташу онъ всегда видѣлъ) и счастливо улыбнулся.

— Вотъ музыка-то чудная! сказалъ онъ.

— Это Анна Макаровна чулокъ кончила, сказала графиня Марья.

— О, пойду смотрѣть, вскакивая сказалъ Пьеръ.—Ты знаешь, сказалъ онъ, останавливаясь у двери,—отчего я особенно люблю эту музыку—они мнѣ первые даютъ знать, что все хорошо. Нынче ѣду: чѣмъ ближе къ дому, тѣмъ больше страхъ. Какъ вошелъ въ переднюю, слышу заливается Андрюша о чемъ-то, ну значитъ все хорошо....

— Знаю, знаю, я это чувство, подтвердилъ Николай. —Мнѣ идти нельзя, вѣдь чулки — сюрпризъ мнѣ.

Пьеръ вошелъ къ дѣтямъ, и хохотъ и крики еще болѣе усилились.—Ну, Анна Макаровна, слышался голосъ Пьера;—вотъ сюда на середину и по командѣ разъ, два, и когда я скажу три, ты сюда становись. Тебя на руки. Ну разъ, два... проговорилъ голосъ Пьера; сдѣлалось молчаніе. Три! и восторженный стонъ дѣтскихъ голосовъ поднялся въ комнатѣ. Два, два, кричали дѣти.

Это были два чулка, которые по одному ей извѣстному секрету Анна Макаровна сразу вязала на спицахъ и которые она всегда торжественно при дѣтяхъ вынимала одинъ изъ другаго, когда чулокъ былъ довязанъ.

XIV.

Вскорѣ послѣ этого дѣти пришли прощаться. Дѣти перецѣловались со всѣми, гувернеры и гувернантки расклянялись и вышли. Оставался одинъ Десаль съ своимъ воспитанникомъ. Гувернеръ шопотомъ приглашалъ своего воспитанника идти внизъ.

— Non, M-r Dessales, je demanderai à ma tante de rester, отвѣчалъ также шопотомъ Николинька Болконскій.

— Ma tante, позвольте мнѣ остаться, сказалъ Николинька, подходя къ теткѣ. Лицо его выражало мольбу, волненіе и восторгъ. Графиня Марья поглядѣла на него и обратилась къ Пьеру.

Когда вы тутъ, онъ оторваться не можетъ, сказала она ему...

— je vous le ramènerai tout à l'heure, M-r Dessales; bonsoir, сказалъ Пьеръ, подавая Швейцарцу руку и, улыбаясь, обратился къ Николинькѣ.—Мы совсѣмъ не видались съ тобой. Мари, какъ онъ похожъ становится, прибавилъ онъ обращаясь къ графинѣ Марьѣ.

— На отца? сказалъ мальчикъ, багрово вспыхнувъ и снизу вверхъ глядя на Пьера восхищенными, блестящими глазами. Пьеръ кивнулъ ему головой, и продолжалъ прерванный дѣтьми разсказъ. Графиня Марья работала на рукахъ по канвѣ; Наташа, не спуская глазъ, смотрѣла на мужа. Николай и Денисовъ вставали, спрашивали трубки, курили, брали чай у Сони, сидѣвшей уныло и упорно за самоваромъ, и разспрашивали Пьера. Кудрявый, болѣзненный мальчикъ, съ своими блестящими глазами, сидѣлъ никѣмъ незамѣчаемый въ уголку, и только поворачивая кудрявую голову на тонкой шеѣ, выходившей изъ отложныхъ воротничковъ, въ ту сторону, гдѣ былъ Пьеръ, онъ изрѣдка вздрагивалъ и что-то шепталъ самъ съ собою, видимо испытывая какое-то новое и сильное чувство.

Разговоръ вертѣлся на той современной сплетнѣ изъ высшаго управленія, въ которой большинство людей видитъ обыкновенно самый важный интересъ внутренней политики. Денисовъ, недовольный правительствомъ за свои неудачи по службѣ, съ радостью узнавалъ всѣ глупости, которыя по его мнѣнію дѣлались теперь въ Петербургѣ, и въ сильныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ дѣлалъ свои замѣчанія на слова Пьера.

— Пгежде Нѣмцемъ надо было быть, тепегь надо плясать съ Татагиновой и М-ше Кгюднеръ, читать... Экагстгаузенъ и бгатію. Охъ! спустилъ бы опять молодца нашего Бонопагта. Онъ бы всю дугь повыбилъ. Ну на что похоже солдату Швагцу дать Семеновскій полкъ? кричалъ онъ.

Николай, хотя безъ того желанія находить все дурнымъ, которое было у Денисова, считалъ также весьма достойнымъ и важнымъ дѣломъ посудить о правительствѣ и считалъ, что то, что А. назначенъ министромъ того-то, а что Б. генералъ-губернаторомъ туда-то, и что Государь сказалъ то-то, а министръ то-то, что все это дѣла очень значительныя. И онъ считалъ нужнымъ интересоваться этимъ и распрашивалъ Пьера. За разспросами этихъ двухъ собесѣдниковъ разговоръ не выходилъ изъ этого обычнаго характера сплетни высшихъ, правительственныхъ сферъ.

Но Наташа, знавшая всѣ пріемы и мысли своего мужа, видѣла что Пьеръ, давно хотѣлъ и не могъ вывести разговоръ на другую дорогу и высказать свою задушевную мысль, ту самую, для которой онъ и ѣздилъ въ Петербургъ совѣтоваться съ новымъ другомъ своимъ княземъ Ѳедоромъ, и она помогла ему вопросомъ: что же его дѣло съ княземъ Ѳедоромъ?

— О чемъ это, спросилъ Николай.

— Все о томъ же и о томъ же, сказалъ Пьеръ, оглядываясь вокругъ себя. — Всѣ видятъ, что дѣла идутъ такъ скверно, что это нельзя такъ оставить, и что обязанность всѣхъ честныхъ людей противодѣйствовать по мѣрѣ силъ.

— Что жъ честные люди могутъ сдѣлать? слегка нахмурившись, сказалъ Николай—что же можно сдѣлать?

— А вотъ что...

— Пойдемте въ кабинетъ, сказалъ Николай.

Наташа, уже давно угадывавшая, что ее придутъ звать кормить, услыхала вовъ няни и пошла въ дѣтскую. Графиня Марья пошла съ нею. Мужчины пошли въ кабинетъ, и Николинька Болконскій, незамѣченный дядей, пришелъ туда же и сѣлъ въ тѣни, къ окну, у письменнаго стола.

— Ну что жъ ты сдѣлаешь? сказалъ Денисовъ.

— Вѣчно фантазіи, сказалъ Николай.

— Вотъ что, началъ Пьеръ, не садясь и то ходя по комнатѣ, то останавливаясь, шепеляя и дѣлая быстрые жесты руками въ то время, какъ онъ говорилъ. — Вотъ что. Положеніе въ Петербургѣ вотъ какое: Государь ни во что не входитъ. Онъ весь преданъ этому мистицисму (мистицисма Пьеръ никому не прощалъ теперь). Онъ ищетъ только спокойствія, и спокойствіе ему могутъ дать только тѣ люди sans foi ni loi, которые рубятъ и душатъ все сплеча: Магницкій, Аракчеевъ, и tutti quanti... Ты согласенъ, что ежели бы ты самъ не занимался хозяйствомъ, а хотѣлъ только спокойствія, то чѣмъ жесточе бы былъ твой бурмистръ, тѣмъ скорѣе ты бы достигъ цѣли, обратился онъ къ Николаю.

— Ну, да къ чему ты это говоришь! сказалъ Николай.

— Ну, и все гибнетъ. Въ судахъ воровство, въ арміи одна палка: шагистика, поселенія, — мучатъ народъ; просвѣщеніе душатъ. Что молодо, честно, то губятъ! Всѣ видятъ, что это не можетъ такъ идти. Все слишкомъ натянуто и не-

премѣнно лопнетъ, говорилъ Пьеръ (какъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ правительство, вглядѣвшись въ дѣйствія какого бы то ни было правительства, всегда говорятъ люди). — Я одно говорилъ имъ въ Петербургѣ.

— Кому? спросилъ Денисовъ.

— Ну, вы знаете кому, сказалъ Пьеръ значительно взглядывая изъ подлобья: князю Ѳедору и имъ всѣмъ. Соревновать просвѣщенію и благотворительности, все это хорошо, разумѣется. Цѣль прекрасная и все; но въ настоящихъ обстоятельствахъ надо другое.

Въ это время Николай замѣтилъ присутствіе племянника. Лицо его сдѣлалось мрачно; онъ подошелъ къ нему.

— Зачѣмъ ты здѣсь?

— Отчего? Оставь его, сказалъ Пьеръ, взявъ за руку Николая, и продолжалъ: этого мало, я имъ говорю: теперь нужно другое. Когда вы стойте и ждете, что вотъ—вотъ лопнетъ эта натянутая струна; когда всѣ ждутъ неминуемаго переворота, надо какъ можно тѣснѣе и больше народа взяться рука съ рукой, чтобы противостоять общей катастрофѣ. Все молодое, сильное притягивается туда и развращается. Одного соблазняютъ женщины, другаго почести, третьяго тщеславіе, деньги, и они переходятъ въ тотъ лагерь. Назависимыхъ, свободныхъ людей, какъ вы и я, совсѣмъ не остается. Я говорю: расширьте кругъ общества: Mot d'ordre пусть будетъ не одна добродѣтель, но независимость и дѣятельность.

Николай, оставивъ племянника, сердито передвинулъ кресло, сѣлъ въ него и, слушая Пьера, недовольно покашливалъ и все больше и больше хмурился.

— Да съ какою же цѣлью дѣятельность? вскрикнулъ онъ. — И въ какія отношенія станете вы къ правительству?

Вотъ въ какія! Въ отношеніи помощниковъ. Общество можетъ быть не тайное, ежели правительство его допуститъ.

Оно не только не враждебное правительству, но это общество настоящихъ консерваторовъ. Общество джентельмановъ въ полномъ значеніи этого слова. Мы только для того, чтобы Пугачевъ не пришелъ зарѣзать и моихъ и твоихъ дѣтей, и чтобы Аракчеевъ не послалъ меня въ военное поселеніе — мы только для этого беремся рука съ рукой, съ одной цѣлью общаго блага и общей безопасности.

— Да; но тайное общество, слѣдовательно враждебное и вредное, которое можетъ породить только зло.

— Отчего? Развѣ тугендбундъ, который спасъ Европу (тогда еще не смѣли думать, что Россія спасла Европу), произвелъ что нибудь вредное? Тугендбундъ—это союзъ добродѣтели: это любовь, взаимная помощь; это то, что на крестѣ проповѣдывалъ Христосъ....

Наташа, въ серединѣ разговора вошедшая въ комнату, радостно смотрѣла на мужа. Она не радовалась тому, что онъ говорилъ. Это даже не интересовало ея, потому что ей казалось, что все это было чрезвычайно просто, и что она все это давно знала (ей казалось это потому, что она знала все то, изъ чего это выходило — всю душу Пьера); но она радовалась, глядя на его оживленную, восторженную фигуру.

Еще болѣе радостно — восторженно смотрѣлъ на Пьера забытый всѣми мальчикъ, съ тонкой шеей, выходившей изъ отложныхъ воротничковъ. Всякое слово Пьера жгло его сердце и онъ нервнымъ движеніемъ пальцевъ ломалъ, самъ не замѣчая этого,—попадавшіеся ему въ руки сургучи и перья на столѣ дяди.

— Совсѣмъ не то, что ты думаешь, а вотъ что такое было нѣмецкій тугендбундъ, и тотъ, который я предлагаю.

— Ну, ба'тъ, это колбасникамъ хо'ошо тугендбундъ, а я этого не понимаю, да и не выговог'ю, послышался громкій рѣшительный голосъ Денисова. — Все скверно и мег'зко, я

согласенъ, только тугенбундъ я не понимаю, а не нгавится такъ *бунтъ*, вотъ это такъ. Je suis vot'e homme!

Пьеръ улыбнулся, Наташа засмѣялась, но Николай еще болѣе сдвинулъ брови и сталъ доказывать Пьеру, что никакого переворота не предвидится и что вся опасность, о которой онъ говоритъ, находится только въ его воображеніи. Пьеръ доказывалъ противное и, такъ какъ его умственныя способности были сильнѣе и изворотливѣе, Николай почувствовалъ себя поставленнымъ въ тупикъ. Это еще больше разсердило его, такъ какъ онъ въ душѣ своей не по разсужденію, а по чему-то сильнѣйшему, чѣмъ разсужденіе, зналъ несомнѣнную справедливость своего мнѣнія.

— Я вотъ что тебѣ скажу, проговорилъ онъ, вставая и нервными движеніями уставляя въ уголъ трубку и наконецъ бросивъ ее. — Доказать я тебѣ не могу. Ты говоришь, что у насъ все скверно и что будетъ переворотъ; я этого не вижу; но ты говоришь, что присяга условное дѣло, и на это я тебѣ скажу: что ты лучшій другъ мой, ты это знаешь, но составь вы тайное общество, начни вы противодѣйствовать правительству, какое бы оно ни было, я знаю, что мой долгъ повиноваться ему. И вели мнѣ сейчасъ Аракчеевъ идти на васъ съ эскадрономъ и рубить—ни на секунду не задумаюсь и пойду. А тамъ суди, какъ хочешь.

Послѣ этихъ словъ произошло неловкое молчаніе. Наташа первая заговорила, защищая мужа и нападая на брата. Защита ея была слаба и неловка, но цѣль ея была достигнута. Разговоръ снова возобновился и уже не въ томъ непріятно враждебномъ тонѣ, въ которомъ сказаны были послѣднія слова Николая.

Когда всѣ поднялись къ ужину, Николинька Болконскій подошелъ къ Пьеру, блѣдный, съ блестящими, лучистыми глазами.

— Дядя Пьеръ.... вы.... нѣтъ.... Ежели бы папа былъ живъ... онъ бы согласенъ былъ съ вами? спросилъ онъ.

Пьеръ вдругъ понялъ, какая особенная, независимая, сложная и сильная работа чувства и мысли должна была происходить въ этомъ мальчикѣ во время разговора и, вспомнивъ все что онъ говорилъ, ему стало досадно, что мальчикъ слышалъ его. Однако надо было отвѣтить ему.

— Я думаю, что да, сказалъ онъ неохотно, и вышелъ изъ кабинета.

Мальчикъ нагнулъ голову и тутъ въ первый разъ какъ будто замѣтилъ, что̀ онъ надѣлалъ на столѣ. Онъ вспыхнулъ и подошелъ къ Николаю.

— Дядя, извини меня, это я сдѣлалъ — нечаянно, сказалъ онъ, показывая на поломанные сургучи и перья.

Николай сердито вздрогнулъ.

— Хорошо, хорошо, сказалъ онъ, бросая подъ столъ куски сургуча и перья. И видимо съ трудомъ удерживая поднятый въ немъ гнѣвъ, онъ отвернулся отъ него.

— Тебѣ тутъ и быть вовсе не слѣдовало, сказалъ онъ.

XV.

За ужиномъ разговоръ не шелъ болѣе о политикѣ и обществахъ, а напротивъ затѣялся самый пріятный для Николая о воспоминаніяхъ 12-го года, на который вызвалъ Денисовъ и въ которомъ Пьеръ былъ особенно милъ и забавенъ. И родные разошлись въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Когда послѣ ужина Николай, раздѣвшись въ кабинетѣ и отдавъ приказанія заждавшемуся управляющему, пришелъ въ халатѣ въ спальню, онъ засталъ жену еще за письменнымъ столомъ: она что-то писала.

— Что ты пишешь, Мари? спросилъ Николай. Графиня Марья покраснѣла. Она боялась, что то, что̀ она писала, не будетъ понято и одобрено мужемъ.

Она бы желала скрыть отъ него то, что она писала, но вмѣстѣ съ тѣмъ и рада была тому, что онъ засталъ ее и что надо сказать ему.

— Это дневникъ, Nicolas, сказала она, подавая ему синенькую тетрадку, исписанную ея твердымъ, крупнымъ почеркомъ.

— Дневникъ?... съ оттѣнкомъ насмѣшливости сказалъ Николай и взялъ въ руки тетрадку. Было написано по французски:

«4-го декабря. Нынче Андрюша (старшій сынъ), проснувшись, не хотѣлъ одѣваться, и M-lle Louise прислала «за мною. Онъ былъ въ капризѣ и упрямствѣ. Я попробовала угрожать, но онъ только еще больше разсердился. «Тогда я взяла на себя, оставила его и стала съ няней «поднимать другихъ дѣтей, а ему сказала, что я не люблю его. Онъ долго молчалъ, какъ бы удивляясь; потомъ «въ одной рубашкѣ выскочилъ ко мнѣ и разрыдался такъ, «что я долго не могла его успокоить. Видно было, что «онъ мучился больше всего тѣмъ, что огорчилъ меня; «потомъ, когда я вечеромъ дала ему билетецъ, онъ опять «жалостно расплакался, цѣлуя меня. Съ нимъ все можно «сдѣлать нѣжностью.»

— Что такое билетецъ? спросилъ Николай.

— Я начала давать старшимъ по вечерамъ записочки, какъ они вели себя.

Николай взглянулъ въ лучистые глаза, смотрѣвшіе на него, и продолжалъ перелистывать и читать. Въ дневникѣ записывалось все то изъ дѣтской жизни, что для матери казалось замѣчательнымъ, выражая характеръ дѣтей или наводя на общія мысли о пріемахъ воспитанія. Это были большей частью самыя ничтожныя мелочи; но они не казались таковыми ни матери, ни отцу, когда онъ теперь въ первый разъ читалъ этотъ дѣтскій дневникъ.

5-го декабря было написано:

«Митя шалилъ за столомъ. Папа не велѣлъ ему давать

«пирожнаго. Ему не дали; но онъ такъ жалостно и жадно «смотрѣлъ на другихъ, пока они ѣли. Я думаю, что наказывать не давая сласти, — только развиваетъ жадность. «Сказать Nicolas».

Николай оставилъ книжку и посмотрѣлъ на жену. Лучистые глаза вопросительно (одобрялъ или не одобрялъ онъ дневникъ) смотрѣли на него. Не могло быть сомнѣнія не только въ одобреніи, но въ восхищеніи Николая передъ своей женой.

Можетъ быть это не нужно было дѣлать такъ педантически, можетъ быть и вовсе не нужно, думалъ Николай; но это неустанное, вѣчное, душевное напряженіе, имѣющее цѣлью только нравственное добро дѣтей — восхищало его. Ежели бы Николай могъ сознавать свое чувство, то онъ нашелъ бы, что главное основаніе его твердой, нѣжной и гордой любви къ женѣ имѣло основаніемъ всегда это чувство удивленія передъ ея душевностью, передъ тѣмъ, почти недоступнымъ Николаю возвышеннымъ, нравственнымъ міромъ, въ которомъ всегда жила его жена.

Онъ гордился тѣмъ, что она такъ умна и хороша, сознавая свое ничтожество передъ нею въ мірѣ духовномъ, и тѣмъ болѣе радовался тому, что она съ своей душой не только принадлежала ему, но составляла часть его самого.

— Очень и очень одобряю, мой другъ, сказалъ онъ, съ значительнымъ видомъ. И, помолчавъ немного, онъ прибавилъ: а я нынче скверно себя велъ. Тебя не было въ кабинетѣ. Мы заспорили съ Пьеромъ, и я погорячился. Да невозможно. Это такой ребенокъ. Я не знаю что̀ бы съ нимъ было, ежели бы Наташа не держала его подъ уздцы. Можешь себѣ представить, зачѣмъ ѣздилъ въ Петербургъ?.... Они тамъ устроили....

— Да, я знаю, сказала графиня Марья. — Мнѣ Наташа разсказала.

— Ну такъ ты знаешь, горячась при одномъ воспоми-

нанія о спорѣ, продолжалъ Николай. — Онъ хочетъ меня увѣрить, что обязанность всякаго честнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы идти противъ правительства, тогда какъ присяга и долгъ.... Я жалѣю, что тебя не было. А то на меня всѣ напали, и Денисовъ и Наташа.... Наташа уморительна. Вѣдь какъ она его подъ башмакомъ держитъ, а чуть дѣло до разсужденій—у ней своихъ словъ нѣтъ — она такъ его словами и говоритъ, прибавилъ Николай, поддаваясь тому непреодолимому стремленію, которое вызываетъ на сужденія о людяхъ самыхъ дорогихъ и близкихъ. Николай забывалъ, что слово въ слово тоже, что онъ говорилъ о Наташѣ, можно было сказать о немъ въ отношеніи его жены.

— Да, я это замѣчала, сказала графиня Марья.

— Когда я ему сказалъ, что долгъ и присяга выше всего, онъ сталъ доказывать Богъ знаетъ что. Жаль, что тебя не было, что бы ты сказала?

— По моему ты совершенно правъ. Я такъ и сказала Наташѣ. Пьеръ говоритъ, что всѣ страдаютъ, мучатся, развращаются, и что нашъ долгъ помочь ближнимъ. Разумѣется, онъ правъ, говорила графиня Марья; но онъ забываетъ, что у насъ есть другія обязанности ближе, которыя самъ Богъ указалъ намъ, и что мы можемъ рисковать собой, но не дѣтьми.

— Ну вотъ, вотъ, это самое я и говорилъ ему, подхватилъ Николай, которому дѣйствительно казалось, что онъ говорилъ это самое.—А они свое, что любовь къ ближнему и христіанство, и все это при Николинькѣ, который тутъ забрался въ кабинетъ и переломалъ все.

— Ахъ знаешь ли, Nicolas, Николинька такъ часто меня мучитъ, сказала графиня Марья. — Это такой необыкновенный мальчикъ. И я боюсь, что я забываю его за своими. У насъ у всѣхъ дѣти, у всѣхъ родня; а у него никого нѣтъ. Онъ вѣчно одинъ съ своими мыслями.

— Ну, ужъ кажется тебѣ себя упрекать за него нечего. Все, что можетъ сдѣлать самая нѣжная мать для своего сына, ты дѣлала и дѣлаешь для него. И я разумѣется радъ этому. Онъ славный, славный мальчикъ. Ныньче онъ въ какомъ-то безпамятствѣ слушалъ Пьера. И можешь себѣ представить; мы выходимъ къ ужину; я смотрю, онъ изломалъ въ дребезги у меня все на столѣ, и сейчасъ же сказалъ. Я никогда не видалъ, чтобъ онъ сказалъ неправду. Славный, славный мальчикъ! повторилъ Николай, которому по душѣ не нравился Николинька, но котораго ему всегда бы хотѣлось признавать славнымъ.

— Все не то, что мать, сказала графиня Марья, — я чувствую, что не то, и меня это мучитъ. Чудесный мальчикъ; но я ужасно боюсь за него. Ему полезно будетъ общество.

— Чтожъ не на долго; нынче лѣтомъ я отвезу его въ Петербургъ, сказалъ Николай.

— Да, Пьеръ всегда былъ и останется мечтателемъ, продолжалъ онъ, возвращаясь къ разговору въ кабинетѣ, который видимо взволновалъ его. — Ну какое дѣло мнѣ до всего этого тамъ, — что Аракчеевъ нехорошъ и все, — какое мнѣ до этого дѣло было, когда я женился и у меня долговъ столько, что меня въ яму сажаютъ и мать, которая этого не можетъ видѣть и понимать. А потомъ ты, дѣти, дѣла. Развѣ я для своего удовольствія съ утра до вечера по дѣламъ и въ конторѣ. Нѣтъ, я знаю, что я долженъ работать, чтобъ успокоить мать, отплатить тебѣ, и дѣтей не оставить такими нищими, какимъ я былъ.

Графинѣ Марьѣ хотѣлось сказать ему, что не о единомъ хлѣбѣ сытъ будетъ человѣкъ, что онъ слишкомъ много приписываетъ важности этимъ *дѣламъ*; но она знала, что этого говорить не нужно и безполезно. Она только взяла его руку и поцѣловала. Онъ принялъ этотъ жестъ жены

за одобреніе и подтвержденіе своихъ мыслей, и подумавъ нѣсколько времени молча, вслухъ продолжалъ свои мысли.

— Ты знаешь, Мари, сказалъ онъ, — нынче пріѣхалъ Илья Митрофанычъ (это былъ управляющій дѣлами) изъ Тамбовской деревни и разсказываетъ что за лѣсъ уже даютъ 80 тысячъ. — И Николай съ оживленнымъ лицомъ сталъ разсказывать, о возможности въ весьма скоромъ времени выкупить Отрадное.—Еще десять годковъ жизни, и я оставлю дѣтямъ.... въ отличномъ положеніи.

Графиня Марья слушала мужа и понимала все, что онъ говорилъ ей. Она знала, что когда онъ такъ думалъ вслухъ, онъ иногда спрашивалъ ее, что онъ сказалъ и сердился когда замѣчалъ, что она думала о другомъ. Но она дѣлала для этого большія усилія, потому что ее нисколько не интересовало то, что онъ говорилъ. Она смотрѣла на него и не то — что думала о другомъ, а чувствовала о другомъ. Она чувствовала покорную, нѣжную любовь къ этому человѣку, который никогда не пойметъ всего того, что она понимаетъ, и какъ бы отъ этого, она еще сильнѣе, съ оттѣнкомъ страстной нѣжности, любила его. Кромѣ этого чувства, поглощавшаго ее всю и мѣшавшаго ей вникать въ подробности плановъ мужа, въ головѣ ея мелькали мысли, неимѣющія ничего общаго съ тѣмъ, что онъ говорилъ. Она думала о племянникѣ (разсказъ мужа о его волненіи при разговорѣ Пьера сильно поразилъ ее), и различныя черты его нѣжнаго, чувствительнаго характера представлялись ей; и она, думая о племянникѣ, думала и о своихъ дѣтяхъ. Она не сравнивала племянника и своихъ дѣтей, но она сравнивала свое чувство къ нимъ, и съ грустью находила, что въ чувствѣ ея къ Николинькѣ чего-то не доставало.

Иногда ей приходила мысль, что различіе это происходитъ отъ возраста; но она чувствовала, что была виновата передъ нимъ и въ душѣ своей обѣщала себѣ исправиться и сдѣлать невозможное — т. е. въ этой жизни лю-

бить и своего мужа, и дѣтей, и Николиньку, и всѣхъ ближнихъ такъ, какъ Христосъ любилъ человѣчество. Душа графини Марьи всегда стремилась къ безконечному вѣчному и совершенному, и потому никогда не могла быть покойна. На лицѣ ея выступило строгое выраженіе затаеннаго высокаго страданія души, тяготящейся тѣломъ. Николай посмотрѣлъ на нее. — Боже мой! что съ нами будетъ, если она умретъ, какъ это мнѣ кажется, когда у нея такое лицо, подумалъ онъ и, ставъ передъ образомъ, онъ сталъ читать вечернія молитвы.

XVI.

Наташа, оставшись съ мужемъ одна, тоже разговаривала такъ, какъ только разговариваютъ жена съ мужемъ, т. е. съ необыкновенной ясностью и быстротой познавая и сообщая мысли другъ друга, путемъ противнымъ всѣмъ правиламъ логики, безъ посредствъ сужденій, умозаключеній и выводовъ, а совершенно особеннымъ способомъ. Наташа до такой степени привыкла говорить съ мужемъ этимъ способомъ, что вѣрнѣйшимъ признакомъ того, что что нибудь было не ладно между ей и мужемъ, для нея служилъ логическій ходъ мыслей Пьера. Когда онъ начиналъ доказывать, говорить разсудительно и спокойно, и когда она, увлекаясь его примѣромъ, начинала дѣлать тоже, она знала, что это непремѣнно поведетъ къ ссорѣ.

Съ того самаго времени, какъ они остались одни, и Наташа съ широко раскрытыми, счастливыми глазами подошла къ нему тихо, и вдругъ, быстро схвативъ его за голову, прижала ее къ своей груди и сказала: «Теперь весь, весь мой, мой! Не уйдешь!» — съ этого времени начался этотъ разговоръ, противный всѣмъ законамъ логики, противный уже потому, что въ одно и тоже время говорилось о совершенно-различныхъ предметахъ. Это одновременное

обсужденіе многаго, не только не мѣшало ясности пониманія, но, напротивъ, было вѣрнѣйшимъ признакомъ того, что они вполнѣ понимаютъ другъ друга.

Какъ въ сновидѣніи все бываетъ невѣрно, безсмысленно и противорѣчиво, кромѣ чувства, руководящаго сновидѣніемъ, такъ и въ этомъ общеніи, противномъ всѣмъ законамъ разсудка, послѣдовательны и ясны не рѣчи, а только чувство, которое руководитъ ими.

Наташа разсказывала Пьеру о житьѣ-бытьѣ брата, о томъ, какъ она страдала, а не жила безъ мужа, и о томъ, какъ она еще больше полюбила Мари, и о томъ, какъ Мари во всѣхъ отношеніяхъ лучше ея. Говоря это, Наташа признавалась искренно въ томъ, что она видитъ превосходство Мари, но вмѣстѣ съ тѣмъ, она, говоря это, требовала отъ Пьера, чтобы онъ все-таки предпочиталъ ее Мари и всѣмъ другимъ женщинамъ, и теперь вновь, особенно послѣ того, какъ онъ видѣлъ много женщинъ въ Петербургѣ, повторилъ бы ей это.

Пьеръ, отвѣчая на слова Наташи, разсказалъ ей, какъ невыносимо было для него въ Петербургѣ бывать на вечерахъ и обѣдахъ съ дамами.

— Я совсѣмъ разучился говорить съ дамами, сказалъ онъ,—просто скучно. Особенно, я такъ былъ занятъ.

Наташа пристально посмотрѣла на него и продолжала:

— Мари, это такая прелесть! сказала она. Какъ она умѣетъ понимать дѣтей. Она какъ будто только душу ихъ видитъ. Вчера, напримѣръ, Митинька сталъ капризничать...

— А какъ онъ похожъ на отца, перебилъ Пьеръ.

Наташа поняла, почему онъ сдѣлалъ это замѣчаніе о сходствѣ Митиньки съ Николаемъ: ему непріятно было воспоминаніе о его спорѣ съ шуриномъ и хотѣлось знать объ этомъ мнѣніе Наташи.

— У Николиньки есть эта слабость, что если что́ не принято всѣми, онъ ни за что не согласится. А я понимаю, ты именно дорожишь тѣмъ, чтобы ouvrir une carrière, сказала она, повторяя слова, разъ сказанныя Пьеромъ.

— Нѣтъ, главное, для Николая, сказалъ Пьеръ, мысли и разсужденія, — забава, почти препровожденіе времени. Вотъ онъ собираетъ библіотеку и за правило поставилъ не покупать новую книгу, не прочтя купленную — и Сисмонди, и Руссо, и Монтескье, съ улыбкой прибавилъ Пьеръ. — Ты вѣдь знаешь какъ я его... началъ было онъ смягчать свои слова; но Наташа перебила его, давая чувствовать, что это не нужно.

— Такъ ты говоришь, для него мысли забава... Да, а для меня все остальное забава.

— Я все время въ Петербургѣ какъ во снѣ всѣхъ видѣлъ. Когда меня занимаетъ мысль, то все остальное забава.

— Ахъ, какъ жаль, что я не видала какъ ты здоровался съ дѣтьми, сказала Наташа. Которая больше всѣхъ обрадовалась? Вѣрно Лиза?

— Да, сказалъ Пьеръ и продолжалъ то, что занимало его. — Николай говоритъ, мы не должны думать. Да, я не могу. Не говоря уже о томъ, что въ Петербургѣ я чувствовалъ это, (я тебѣ могу сказать), что безъ меня все это распадалось, каждый тянулъ въ свою сторону. Но мнѣ удалось всѣхъ соединить, и потомъ моя мысль такъ проста и ясна. Вѣдь я не говорю, что мы должны противодѣйствовать тому-то и том-уто. Мы можемъ ошибаться. А я говорю: возьмитесь рука съ рукою тѣ, которые любятъ добро, и пусть будетъ одно знамя дѣятельная добродѣтель. Князь Сергій славный человѣкъ и уменъ.

Наташа не сомнѣвалась бы въ томъ, что мысль Пьера была великая мысль, но одно смущало ее. Это было то, что онъ былъ ея мужъ. «Неужели такой важный и нуж-

ный человѣкъ для общества, вмѣстѣ съ тѣмъ мой мужъ. Отчего это такъ случилось?» Ей хотѣлось выразить ему это сомнѣніе, кто и кто тѣ люди, которые могли бы рѣшить, дѣствительно ли онъ такъ умнѣе всѣхъ. Спрашивала она себя и перебирала въ своемъ воображеніи тѣхъ людей, которые были очень уважаемы Пьеромъ. Никого изъ всѣхъ людей, судя по его разсказамъ, онъ такъ не уважалъ какъ Платона Каратаева.

— Ты знаешь о чемъ я думаю? сказала она: о Платонѣ Каратаевѣ. Какъ онъ? Одобрилъ бы тебя теперь?

Пьеръ нисколько не удивлялся этому вопросу. Онъ понялъ ходъ мыслей жены.

— Платонъ Каратаевъ? сказалъ онъ и задумался, видимо искренно стараясь представить себѣ сужденіе Каратаева объ этомъ предметѣ.—Онъ не понялъ бы, а впрочемъ можетъ быть что да.

— Я ужасно люблю тебя! сказала вдругъ Наташа. Ужасно. Ужасно!

— Нѣтъ, не одобрилъ бы, сказалъ Пьеръ, подумавъ. Что̀ онъ одобрилъ бы, это нашу семейную жизнь. Онъ такъ желалъ видѣть во всемъ благообразіе, счастье, спокойствіе, и я съ гордостью бы показалъ ему насъ. Вотъ ты говоришь — разлука. А ты не повѣришь, какое особенное чувство я къ тебѣ имѣю послѣ разлуки...

— Да вотъ еще.... начала было Наташа.

— Нѣтъ не то. Я никогда не перестаю тебя любить. И больше любить нельзя; а это особенно.... Ну да, онъ не договорилъ, потому что встрѣтившійся взглядъ ихъ договорилъ остальное.

— Какія глупости, вдругъ сказала Наташа, — медовый мѣсяцъ и что самое счастье въ первое время. Напротивъ, теперь самое лучшее. Ежели бы ты только не уѣзжалъ. Помнишь, какъ мы ссорились. И всегда я была виновата. Всегда я. И о чемъ мы ссорились — я не помню даже.

— Все объ одномъ, сказалъ Пьеръ улыбаять, ревно.....

— Не говори, терпѣть не могу, вскрикнула Наташа. И холодный злой блескъ засвѣтился въ ея глазахъ.—Ты видѣлъ ее, прибавила она помолчавъ.

— Нѣтъ, да и видѣлъ бы не узналъ.

Они помолчали.

— Ахъ, знаешь? Когда ты въ кабинетѣ говорилъ, я смотрѣла на тебя, заговорила Наташа видимо стараясь отогнать набѣжавшее облако. Ну двѣ капли воды ты на него похожъ, на мальчика. Она такъ называла сына. Ахъ, пора къ нему идти... Пришло... А жалко уходить.

Они замолчали на нѣсколько секундъ. Потомъ вдругъ въ одно и тоже время повернулись другъ къ другу и начали что-то говорить. Пьеръ началъ съ самодовольствіемъ и увлеченіемъ; Наташа,—съ тихой, счастливой улыбкой. Столкнувшись, они оба остановились, давая другъ другу дорогу.

— Нѣтъ, ты что̀? говори, говори.

— Нѣтъ, ты скажи, я такъ, глупости, сказала Наташа.

Пьеръ сказалъ то, что̀ онъ началъ. Это было продолженіе его самодовольныхъ разсужденій объ его успѣхѣ въ Петербургѣ. Ему казалось въ эту минуту, что онъ былъ призванъ дать новое направленіе всему русскому обществу и всему міру.

— Я хотѣлъ сказать только, что всѣ мысли, которыя имѣютъ огромныя послѣдствія — всегда просты. Вся моя мысль въ томъ, что ежели люди порочные связаны между собой и составляютъ силу, то людямъ честнымъ надо сдѣлать только тоже самое. Вѣдь какъ просто.

— Да.

— А ты что хотѣла сказать?

— Я такъ, глупости.

— Нѣтъ, все таки.

— Да ничего, пустяки, сказала Наташа, еще свѣтлѣе просіявъ улыбкой; — я только хотѣла сказать про Петю:

ныче няня подходитъ взять его отъ меня, онъ засмѣялся, зажмурился и прижался ко мнѣ — вѣрно думалъ, что спрятался. — Ужасно милъ. — Вотъ онъ кричитъ. Ну прощай! И она пошла изъ комнаты.

Въ то же время внизу, въ отдѣленіи Николиньки Болконскаго, въ его спальнѣ, какъ всегда, горѣла лампада (мальчикъ боялся темноты, и его не могли отучить отъ этого недостатка). Десаль спалъ высоко на своихъ четырехъ подушкахъ и его римскій носъ издавалъ равномѣрные звуки храпѣнья. Николинька, только что проснувшись, въ холодномъ поту, съ широко-раскрытыми глазами, сидѣлъ на своей постели и смотрѣлъ передъ собою. Страшный сонъ разбудилъ его. Онъ видѣлъ во снѣ себя и Пьера въ каскахъ, такихъ, которые были нарисованы въ изданіи Плутарха. Они съ дядей Пьеромъ шли впереди огромнаго войска. Войско это было составлено изъ бѣлыхъ, косыхъ линій, наполнявшихъ воздухъ подобно тѣмъ паутинамъ, которыя летаютъ осенью и которыя Десаль называлъ le fil de la Vierge. Впереди была слава, такая же какъ и эти нити, но только нѣсколько плотнѣе. Они—онъ и Пьеръ — неслись легко и радостно все ближе и ближе къ цѣли. Вдругъ нити, которыя двигали ихъ, стали ослабѣвать, путаться; стало тяжело. И дядя Николай Ильичъ остановился передъ ними въ грозной и строгой позѣ.

— Это вы сдѣлали? сказалъ онъ указывая на поломанные сургучи и перья.—Я любилъ васъ, но Аракчеевъ велѣлъ мнѣ, и я убью перваго, кто двинется впередъ. Николинька оглянулся на Пьера; но Пьера уже не было. Пьеръ былъ отецъ — князь Андрей, и отецъ не имѣлъ образа и формы, но онъ былъ, и видя его, Николинька почувствовалъ слабость любви: онъ почувствовалъ себя безсильнымъ, безкостнымъ и жидкимъ. Отецъ ласкалъ и жалѣлъ

его. Но дядя Николай Ильичъ все ближе и ближе надвигался на нихъ. Ужасъ охватилъ Николиньку и онъ проснулся.

— Отецъ, думалъ онъ. — Отецъ, (несмотря на то, что въ домѣ было два похожихъ портрета, Николинька никогда не воображалъ князя Андрея въ человѣческомъ образѣ) отецъ былъ со мною, и ласкалъ меня. Онъ одобрялъ меня, онъ одобрялъ дядю Пьера.—Чтобы онъ ни говорилъ—я сдѣлаю это. Муцій Сцевола сжегъ свою руку. Но отчего же и у меня въ жизни не будетъ того же? Я знаю, они хотятъ чтобы я учился. И я буду учиться. Но когда нибудь я перестану; и тогда я сдѣлаю. Я только объ одномъ прошу Бога: чтобы было со мною то, что было съ людьми Плутарха, и я сдѣлаю тоже. Я сдѣлаю лучше. Всѣ узнаютъ, всѣ полюбятъ, всѣ восхитятся мною. — И вдругъ Николинька почувствовалъ рыданія, захватившія его грудь, и заплакалъ.

— Etes-vous indisposé? послышался голосъ Десаля.

— Non, отвѣчалъ Николинька и легъ па подушку. — Онъ добрый и хорошій, я люблю его, думалъ онъ о Десалѣ. — А дядя Пьеръ! О, какой чудный человѣкъ! А отецъ? Отецъ! Отецъ! Да я сдѣлаю то, чѣмъ бы даже *онъ* былъ доволенъ....

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Предметъ исторіи есть жизнь народовъ и человѣчества. Непосредственно уловить и обнять словомъ,—описать жизнь не только человѣчества, но одного народа, представляется невозможнымъ.

Всѣ древніе историки употребляли одинъ и тотъ же пріемъ для того, чтобы описать и уловить кажущуюся неуловимой—жизнь народа. Они описывали дѣятельность единичныхъ людей правящихъ народомъ; и эта дѣятельность выражала для нихъ дѣятельность всего народа.

На вопросы о томъ: какимъ образомъ единичные люди заставляли дѣйствовать народы по своей волѣ и чѣмъ управлялась сама воля этихъ людей, древніе отвѣчали, на первый вопросъ признаніемъ воли Божества, подчинявшей народы волѣ одного избраннаго человѣка и на второй вопросъ признаніемъ того же Божества, направлявшаго эту волю избраннаго къ предназначенной цѣли.

Для древнихъ вопросы эти разрѣшались вѣрою въ непосредственное участіе Божества въ дѣлахъ человѣчества.

Новая исторія въ теоріи своей отвергла оба эти положенія.

Казалось бы, что отвергнувъ вѣрованія древнихъ о подчиненіи людей Божеству и объ опредѣленной цѣли, къ которой ведутся народы, новая исторія должна бы была изучать не проявленія власти, а причины образующія ее. Но новая исторія не сдѣлала этого. Отвергнувъ въ теоріи воззрѣнія древнихъ, она слѣдуетъ имъ на практикѣ.

Вмѣсто людей, одаренныхъ божественной властью и непосредственно руководимыхъ волею Божества, новая исторія поставила или героевъ, одаренныхъ необыкновенными, нечеловѣческими способностями, или просто людей самыхъ разнообразныхъ свойствъ, отъ монарховъ до журналистовъ, руководящихъ массами. Вмѣсто прежнихъ, угодныхъ Божеству, цѣлей народовъ: іудейскаго, греческаго, римскаго, которые древнимъ представлялись цѣлями движенія человѣчества, новая исторія поставила свои цѣли—блага французскаго, германскаго, англійскаго и, въ самомъ своемъ высшемъ отвлеченіи, цѣли блага цивилизаціи всего человѣчества, подъ которымъ разумѣются обыкновенно народы, занимающіе маленькій сѣверозападный уголокъ большаго материка.

Новая исторія отвергла вѣрованія древнихъ, не поставивъ на мѣсто ихъ новаго воззрѣнія, и логика положенія заставила историковъ, мнимо отвергшихъ божественную власть царей и фатумъ древнихъ, придти другимъ путемъ къ тому же самому: къ признанію того, что 1) народы руководятся единичными людьми, и 2) что существуетъ извѣстная цѣль, къ которой движутся народы и человѣчество.

Во всѣхъ сочиненіяхъ новѣйшихъ историковъ отъ Гибона до Бокля, не смотря на ихъ кажущееся разногласіе и на кажущуюся новизну ихъ воззрѣній, лежатъ въ основѣ эти два старыя неизбѣжныя положенія.

Во первыхъ, историкъ описываетъ дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, по его мнѣнію, руководившихъ человѣчествомъ: (одинъ считаетъ таковыми однихъ монарховъ, полководцевъ, министровъ; другой,—кромѣ монарховъ, и ораторовъ,—ученыхъ, реформаторовъ, философовъ, и поэтовъ). Во вторыхъ, цѣль, къ которой ведется человѣчество, извѣстна историку: (для одного цѣль эта есть величіе римскаго, испанскаго, французскаго государствъ; для другаго,—это свобода, равенство, извѣстнаго рода цивилизація маленькаго уголка міра, называемаго Европою).

Въ 1789-мъ году поднимается броженіе въ Парижѣ; оно растетъ, разливается и выражается движеніемъ народовъ съ запада на востокъ. Нѣсколько разъ движеніе это направляется на востокъ, приходитъ въ столкновеніе съ противодвиженіемъ съ востока на западъ; въ 12-мъ году оно доходитъ до своего крайняго предѣла—Москвы, и, съ замѣчательной симметріей, совершается противодвиженіе съ востока на западъ, точно также, какъ и въ первомъ движеніи, увлекая за собой серединные народы. Обратное движеніе доходитъ до точки исхода движенія на западѣ,—до Парижа, и затихаетъ.

Въ этотъ 20-тилѣтній періодъ времени огромное количество полей не паханы; домà сожжены; торговля перемѣняетъ направленіе; милліоны людей бѣднѣютъ, богатѣютъ, переселяются, и милліоны людей христіанъ, исповѣдующихъ законъ любви ближняго, убиваютъ другъ друга.

Чтò такое все это значитъ? отчего произошло это? Чтò заставляло этихъ людей сжигать домà и убивать себѣ подобныхъ? Какія были причины этихъ событій? Какая сила заставила людей поступать такимъ образомъ? Вотъ невольные, простодушные и самые законные вопросы, которые предлагаетъ себѣ человѣчество, натыкаясь на памятники и преданія прошедшаго періода движенія.

За разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ здравый смыслъ человѣчества обращается къ наукѣ исторіи, имѣющей цѣлью самопознаніе народовъ и человѣчества.

Ежели бы исторія удержала воззрѣніе древнихъ, она бы сказала: Божество, въ награду или въ наказаніе своему народу, дало Наполеону власть и руководило его волей для достиженія своихъ божественныхъ цѣлей. И отвѣтъ былъ бы полный и ясный. Можно было вѣровать или не вѣровать въ божественное значеніе Наполеона; но для вѣрующаго въ него, во всей исторіи этого времени, все бы было понятно и не могло бы быть ни одного противорѣчія.

Но новая исторія не можетъ отвѣчать такимъ образомъ. Наука не признаетъ воззрѣнія древнихъ на непосредственное участіе Божества въ дѣлахъ человѣчества и потому она должна дать другіе отвѣты.

Новая исторія, отвѣчая на эти вопросы, говоритъ: вы хотите знать, что̀ значитъ это движеніе; отчего оно произошло и какая сила произвела эти событія? Слушайте.

«Людовикъ XIV былъ очень гордый и самонадѣянный человѣкъ; у него были такія-то любовницы и такіе-то министры, и онъ дурно управлялъ Франціей. Наслѣдники Людовика тоже были слабые люди и тоже дурно управляли Франціей. И у нихъ были такіе-то любимцы и такія-то любовницы. Притомъ, нѣкоторые люди писали въ это время книжки. Въ концѣ 18-го столѣтія, въ Парижѣ собралось десятка два людей, которые стали говорить о томъ, что всѣ люди равны и свободны. Отъ этого во всей Франціи люди стали рѣзать и топить другъ друга. Люди эти убили короля и еще многихъ. Въ это же время во Франціи былъ геніальный человѣкъ—Наполеонъ. Онъ вездѣ всѣхъ побѣждалъ, т. е. убивалъ много людей, потому—что онъ былъ очень геніаленъ. И онъ поѣхалъ убивать для чего-то Африканцевъ и такъ хорошо ихъ убивалъ и былъ такой хитрый и умный, что, пріѣхавъ во Францію, велѣлъ всѣмъ себѣ повиноваться. И всѣ повиновались ему. Сдѣлавшись императоромъ, онъ опять пошелъ убивать народъ въ Италіи, Австріи и Пруссіи. И тамъ много убилъ Въ Россіи же былъ императоръ Александръ, который рѣшился возстановить порядокъ въ Европѣ и потому воевалъ съ Наполеономъ. Но въ 7-мъ году онъ вдругъ подружился съ нимъ, а въ 11-мъ опять поссорился, и опять они стали убивать много народу. И Наполеонъ привелъ 600 т. человѣкъ въ Россію и завоевалъ Москву; а потомъ онъ вдругъ убѣжалъ изъ Москвы, и тогда Императоръ Александръ, съ помощью совѣтовъ Штейна и другихъ, соединилъ Европу для ополченія про-

тивъ нарушителя ея спокойствія. Всѣ союзники Наполеона сдѣлались вдругъ его врагами; и это ополченіе пошло противъ собравшаго новыя силы Наполеона. Союзники побѣдили Наполеона; вступили въ Парижъ; заставили Наполеона отречься отъ престола и послали его на островъ Эльбу, не лишая его сана императора и оказывая ему всякое уваженіе, не смотря на то, что 5 лѣтъ тому назадъ, и годъ послѣ этого, всѣ его считали разбойникомъ внѣ закона. А царствовать сталъ Людовикъ XVIII, надъ которымъ до тѣхъ поръ и Французы и союзники только смѣялись. Наполеонъ же, проливая слезы передъ старой гвардіей, отрекся отъ престола и поѣхалъ въ изгнаніе. Потомъ искусные, государственные люди и дипломаты (въ особенности Талейранъ, успѣвшій сѣсть прежде другаго на извѣстное кресло и тѣмъ увеличившій границы Франціи), разговаривали въ Вѣнѣ и этимъ разговоромъ дѣлали народы счастливыми или несчастливыми. Вдругъ дипломаты и монархи чуть было не поссорились; они уже готовы были опять велѣть своимъ войскамъ убивать другъ друга; но въ это время Наполеонъ съ баталіономъ пріѣхалъ во Францію, и Французы, ненавидѣвшіе его, тотчасъ же всѣ ему покорились. Но союзные монархи за это разсердились и пошли опять воевать съ Французами. И геніальнаго Наполеона побѣдили и повезли на островъ Элены, вдругъ признавъ его разбойникомъ. И тамъ изгнанникъ, разлученный съ милыми сердцу и съ любимой имъ Франціей, умиралъ, на скалѣ, медленной смертью и передалъ свои великія дѣянія потомству. А въ Европѣ произошла реакція, и всѣ государи стали опять обижать свои народы».

Напрасно подумали бы, что это есть насмѣшка,—каррикатура историческихъ описаній. Напротивъ, это есть самое мягкое выраженіе тѣхъ противорѣчивыхъ и не отвѣчающихъ на вопросы отвѣтовъ, которые даетъ *вся* исторія, отъ составителей мемуаровъ и исторій отдѣльныхъ

государствъ до общихъ исторій и новаго рода исторій *культуры* того времени.

Странность и комизмъ этихъ отвѣтовъ вытекаетъ изъ того, что новая исторія подобна глухому человѣку, отвѣчающему на вопросы, которыхъ никто ему не дѣлаетъ.

Если цѣль исторіи есть описаніе движенія человѣчества и народовъ, то первый вопросъ, безъ отвѣта на который все остальное непонятно,—слѣдующій: какая сила движетъ народами? На этотъ вопросъ новая исторія озабоченно разсказываетъ или то, что Наполеонъ былъ очень геніаленъ, или то, что Людовикъ XIV былъ очень гордъ, или еще то, что такіе-то писатели написали такія-то книжки.

Все это очень можетъ быть, и человѣчество готово на это согласиться; но оно не объ этомъ спрашиваетъ. Все это могло бы быть интересно, если бы мы признавали божественную власть, основанную на самой себѣ и всегда одинаковую, управляющею своими народами черезъ Наполеоновъ, Людовиковъ и писателей; но власти этой мы не признаемъ и потому прежде, чѣмъ говорить о Наполеонахъ, Людовикахъ и писателяхъ, надо показать существующую связь между этими лицами и движеніемъ народовъ.

Если вмѣсто божественной власти стала другая сила, то надо объяснить, въ чемъ состоитъ эта новая сила, ибо именно въ этой то силѣ и заключается весь интересъ исторіи.

Исторія какъ будто предполагаетъ, что сила эта сама собой разумѣется и всѣмъ извѣстна. Но несмотря на все желаніе признать эту новую силу извѣстною, тотъ, кто прочтетъ очень много историческихъ сочиненій, невольно усомнится въ томъ, чтобы новая сила эта, такъ различно понимаемая самими историками, была всѣмъ совершенно извѣстна.

II.

Какая сила движетъ народами?

Частные историки біографическіе и историки отдѣльныхъ народовъ понимаютъ эту силу, какъ власть присущую героямъ и владыкамъ. По ихъ описаніямъ, событія производятся исключительно волей Наполеоновъ, Александровъ или вообще тѣхъ лицъ, которыя описываетъ частный историкъ. Отвѣты, даваемые этого рода историками, на вопросъ о той силѣ которая движетъ событіями, удовлетворительны, но только до тѣхъ поръ, пока существуетъ одинъ историкъ по каждому событію. Но какъ скоро историки различныхъ національностей и воззрѣній начинаютъ описывать одно и тоже событіе, то отвѣты, ими даваемые, тотчасъ же теряютъ весь смыслъ, ибо сила эта понимается каждымъ изъ нихъ не только различно, но часто совершенно противоположно. Одинъ историкъ утверждаетъ, что событіе произведено властью Наполеона; другой утверждаетъ, что оно произведено властью Александра; третій, — что властью какого нибудь третьяго лица. Кромѣ того, историки этого рода противорѣчатъ одинъ другому даже и въ объясненіяхъ той силы, на которой основана власть одного и того-же лица. Тьеръ, бонапартистъ, говоритъ, что власть Наполеона была основана па его добродѣтели и геніальности; Lanfrey, республиканецъ, говоритъ, что она была основана на его мошенничетвѣ и на обманѣ народа. Такъ, что историки этого рода, взаимно уничтожая положенія другъ друга, тѣмъ самымъ уничтожаютъ понятіе о силѣ, производящей событія и не даютъ никакого отвѣта на существенный вопросъ исторіи.

Общіе историки, имѣющіе дѣло со всѣми народами, какъ будто признаютъ несправедливость воззрѣнія частныхъ историковъ на силу, производящую событія. Они не признаютъ

этой силы, какъ власть, присущую героямъ и владыкамъ, а признаютъ ее результатомъ разнообразно направленныхъ многихъ силъ. Описывая войну или покоренія народа, общій историкъ отъискиваетъ причину событія не во власти одного лица, но во взаимнодѣйствіи другъ на друга многихъ лицъ связанныхъ съ событіемъ.

По этому воззрѣнію власть историческихъ лицъ, представляясь произведеніемъ многихъ силъ, казалось бы, не можетъ уже быть разсматриваема какъ сила, сама себѣ производящая событія. Между тѣмъ общіе историки, въ бо́льшей части случаевъ, употребляютъ понятіе о власти опять какъ силу, саму въ себѣ производящую событія и относящуюся къ нимъ, какъ причина. По ихъ изложенію то историческое лицо есть произведеніе своего времени, и власть его есть только произведеніе различныхъ силъ; то власть его есть сила, производящая событія. Гервинусъ, Шлоссеръ, напримѣръ, и другіе то доказываютъ, что Наполеонъ есть произведеніе революціи, идей 1784 года и т. д., то прямо говорятъ, что походъ 12-го года и другія неправящіяся имъ событія суть только произведенія ложно направленной воли Наполеона и что самыя идеи 1784-го года были остановлены въ своемъ развитіи вслѣдствіе произвола Наполеона. Идеи революціи, общее настроеніе произвело власть Наполеона. Власть же Наполеона подавила идеи революціи и общее настроеніе.

Странное противорѣчіе это не случайно. Оно не только встрѣчается на каждомъ шагу, но изъ послѣдовательнаго ряда такихъ противорѣчій составлены всѣ описанія общихъ историковъ. Противорѣчіе это происходитъ отъ того, что, вступивъ на почву анализа, общіе историки останавливаются на половинѣ дороги.

Для того, чтобы найти составляющія силы равныя составной или равнодѣйствующей, необходимо, чтобы сумма составляющихъ равнялась составной. Это-то условіе никог-

да не соблюдено общими историками, и потому, чтобы объяснить силу равнодѣйствующую, они необходимо должны допускать, кромѣ недостаточныхъ, составляющихъ еще необъясненную силу, дѣйствующую по составной.

Частный историкъ, описывая походъ-ли 13-го года, или возстановленіе Бурбоновъ, прямо говоритъ, что событія эти произведены волей Александра. Но общій историкъ Гервинусъ опровергая это воззрѣніе частнаго историка, стремится показать, что походъ 13-го года и возстановленіе Бурбоновъ, кромѣ воли Александра, имѣли причинами дѣятельность Штейна, Метерниха, m-me Staël, Талейрана, Фихте, Шатобріана и другихъ. Историкъ очевидно разложилъ власть Александра на составныя: Талейрана, Шатобріана, и т. д.; сумма этихъ составныхъ, т. е. воздѣйствіе другъ на друга Шатобріана, Талейрана, M-me Staël и другихъ, очевидно не равняется всей равнодѣйствующей, т. е. тому явленію, что милліоны Французовъ покорились Бурбонамъ. Изъ того, что Шатобріанъ, M-me Staël и др. сказали другъ другу такія-то слова, вытекаетъ только ихъ отношеніе между собой, но не покореніе милліоновъ. И потому, чтобы объяснить, какимъ образомъ изъ этого ихъ отношенія вытекло покореніе милліоновъ, т. е. изъ составныхъ ровныхъ одному. А вытекла равнодѣйствующая, равная тысячи А, историкъ необходимо долженъ допустить опять ту же силу власти, которую онъ отрицаетъ, признавая ее результатомъ силъ, т. е. онъ долженъ допустить необъясненную силу, дѣйствующую по составной. Это самое и дѣлаютъ общіе историки. И вслѣдствіе того не только противорѣчатъ частнымъ историкамъ, но и сами себѣ.

Деревенскіе жители, которые смотря по тому, хочется ли имъ дождя или ведра, не имѣя яснаго понятія о причинахъ дождя, говорятъ: вѣтеръ разогналъ тучи и вѣтеръ нагналъ тучи. Такъ точно, общіе историки: иногда, когда имъ этого хочется, когда это подходитъ къ ихъ теоріи, говорятъ,

что власть есть результатъ событій; а иногда, когда нужно доказать другое, — они говорятъ, что власть производитъ событія.

Третьи историки, называющіеся историками *культуры*, слѣдуя по пути, проложенному общими историками, признающими иногда писателей и дамъ силами, производящими событія, еще совершенно иначе понимаютъ эту силу. Они видятъ ее въ такъ называемой культурѣ, въ умственной дѣятельности.

Историки культуры совершенно послѣдовательны по отношенію къ своимъ родоначальникамъ,—общимъ историкамъ, ибо если историческія событія можно объяснять тѣмъ, что нѣкоторые люди такъ-то и такъ-то относились другъ къ другу, то почему не объяснять ихъ тѣмъ, что такіе-то люди писали такія-то книжки? Эти историки изъ всего огромнаго числа признаковъ, сопровождающихъ всякое живое явленіе, выбираютъ признакъ умственной дѣятельности и говорятъ, что этотъ признакъ есть причина. Но несмотря на всѣ ихъ старанія показать, что причина событія лежала въ умственной дѣятельности, только съ большой уступчивостью можно согласиться съ тѣмъ, что между умственной дѣятельностію и движеніемъ народовъ есть что-то общее, но уже ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить, чтобы умственная дѣятельность руководила дѣятельностью людей, ибо такія явленія, какъ жесточайшія убійства французской революціи, вытекающія изъ проповѣдей о равенствѣ человѣка и злѣйшія войны и казни, вытекающія изъ проповѣди о любви, не подтверждаютъ этого предположенія.

Но допустивъ даже, что справедливы всѣ хитросплетенныя разсужденія, которыми наполнены эти исторіи; допустивъ, что народы управляются какой-то неопредѣлимой силой, называемой *идеей*,—существенный вопросъ исторіи все-таки или остается безъ отвѣта, или къ прежней власти монарховъ и къ вводимому общими историками вліянію совѣтчиковъ и другихъ лицъ

присоединяется еще новая сила *идеи*, связь которой съ массами требуетъ объясненія. Возможно понять, что Наполенъ имѣлъ власть, и потому совершилось событіе; съ нѣкоторой уступчивостью можно еще понять, что Наполеонъ, вмѣстѣ съ другими вліяніями, былъ причиной событія; но какимъ образомъ книга Contrat Social сдѣлала то, что Французы стали топить другъ друга, — не можетъ быть понято, безъ объясненія причинной связи этой новой силы съ событіемъ.

Несомнѣнно существуетъ связь между всѣмъ одновремено живущимъ, и потому есть возможность найти нѣкоторую связь между умственной дѣятельностью людей и ихъ историческимъ движеніемъ, точно также, какъ эту связь можно найти между движеніемъ человѣчества и торговлей, ремеслами, садоводствомъ и чѣмъ хотите. Но почему умственная дѣятельность людей представляется историками культуры причиной или выраженіемъ всего историческаго движенія,—это понять трудно. Къ такому заключенію могли привести историковъ только слѣдующія соображенія: 1) что исторія пишется учеными, и потому имъ естественно и пріятно думать, что дѣятельность ихъ сословія есть основаніе движенія всего человѣчества, точно также, какъ это естественно и пріятно думать купцамъ, земледѣльцамъ, солдатамъ; (это не высказывается только потому, что купцы и солдаты не пишутъ исторіи), и 2) что духовная дѣятельность, просвѣщеніе, цивилизація, культура, идея,—все это понятія неясныя, неопредѣленныя, подъ знаменемъ которыхъ весьма удобно употреблять слова, имѣющія еще менѣе яснаго значенія и потому легко подставляемыя подъ всякія теоріи.

Но не говоря о внутреннемъ достоинствѣ этого рода исторій (можетъ быть онѣ для кого нибудь или для чего нибудь и нужны), исторіи культуры, къ которымъ начинаютъ болѣе и болѣе сводиться всѣ общія исторіи, знаменательны тѣмъ, что онѣ, подробно и серьёзно разбирая различныя

религіозвыя, философскія, политическія ученія, какъ причины событій, всякій разъ, какъ имъ только приходится описать дѣйствительвое историческое событіе, какъ напримѣръ походъ 12-го года, описываютъ его невольно, какъ произведеніе власти, прямо говоря, что походъ этотъ есть произведеніе воли Наполеова. Говоря такимъ образомъ, историки культуры невольно противорѣчатъ самимъ себѣ или доказываютъ, что та вовая сила, которую они придумали, не выражаетъ историческихъ событій, а что едивственное средство понимать исторію есть та власть, которой они будто бы не признаютъ.

III.

Идетъ паровозъ. Спрашивается отчего онъ движется? Мужикъ говоритъ: это чортъ движетъ его. Другой говоритъ, что паровозъ идетъ оттого, что въ немъ движутся колеса. Третій утверждаетъ, что причива движенія заключается въ дымѣ, отвосимомъ вѣтромъ.

Мужикъ неопровержимъ. Для того, чтобы его опровергнуть, надо, чтобы кто нибудь доказалъ ему, что нѣтъ чорта, или чтобы другой мужикъ объясвилъ, что ве чортъ, а Нѣмецъ движетъ паровозъ. Только тогда изъ противорѣчій они увидятъ, что они оба не правы. Но тотъ, который говоритъ, что причина есть движевіе колесъ, самъ себя опровергаетъ, ибо если онъ вступилъ на почву анализа, овъ долженъ идти дальше и дальше: овъ долженъ объясвить причину движенія колесъ. И до тѣхъ поръ, пока онъ не придетъ къ послѣдней причивѣ движенія паровоза, къ сжатому въ паровикѣ пару, онъ не будетъ имѣть права остановиться въ отыскиваніи причины. Тотъ же, который объясвялъ движеніе паровоза относимымъ пазадъ дымомъ, замѣтивъ, что объясненіе о колесахъ не даетъ причивы, взялъ первый попавшійся признакъ и, съ своей стороны, выдалъ его за причину.

Единственное понятіе, которое можетъ объяснить движеніе паровоза, есть понятіе силы равной видимому движенію.

Единственное понятіе, посредствомъ котораго можетъ быть объяснено движеніе народовъ, есть понятіе силы равной всему движенію народовъ.

Между тѣмъ подъ понятіемъ этимъ разумѣется различными историками совершенно различныя, и всѣ неравныя видимому движенію, силы. Одни видятъ въ немъ силу непосредственно присущую героямъ, какъ мужикъ чорта въ паровозѣ; другіе,—силу производную изъ другихъ нѣкоторыхъ силъ, какъ движеніе колесъ; третьи, — умственное вліяніе, какъ относимый дымъ.

До тѣхъ поръ, пока пишутся исторіи отдѣльныхъ лицъ,— будь они Кесари, Александры или Лютеры и Вольтеры, а не исторія *всѣхъ*, безъ одного исключенія, *всѣхъ* людей, принимающихъ участіе въ событіи, нѣтъ никакой возможности описывать движеніе человѣчества безъ понятія о силѣ, заставляющей людей направлять свою дѣятельность къ одной цѣли. И единственное извѣстное историкамъ такое понятіе есть власть.

Понятіе это есть единственная ручка, посредствомъ которой можно владѣть матерьяломъ исторіи при теперешнемъ ея изложеніи, и тотъ, кто отломилъ бы эту ручку, какъ то сдѣлалъ Бокль, не узнавъ другаго пріема обращенія съ историческимъ матерьяломъ, только лишилъ бы себя послѣдней возможности обращаться съ нимъ. Неизбѣжность понятія о власти, для объясненія историческихъ явленій, лучше всего доказываютъ сами общіе историки и историки культуры, мнимоотрѣшающіеся отъ понятія о власти и неизбѣжно на каждомъ шагу употребляющіе его.

Историческая наука до сихъ поръ, по отношенію къ вопросамъ человѣчества, подобна обращающимся деньгамъ,— ассигнаціямъ и звонкой монетѣ. Біографическія и частныя народныя исторіи подобны ассигнаціямъ. Онѣ могутъ хо-

дить и обращаться, удовлетворяя своему назначенію безъ вреда кому бы то ни было, и даже съ пользой, до тѣхъ поръ, пока не возникнетъ вопросъ о томъ, чѣмъ онѣ обезпечены. Стóитъ только забыть про вопросъ о томъ, какимъ образомъ воля героевъ производитъ событія, и исторіи Тьеровъ будутъ интересны, поучительны и, кромѣ того, будутъ имѣть оттѣнокъ поэзіи. Но точно также, какъ сомнѣніе въ дѣйствительной стоимости бумажекъ возникнетъ или изъ того, что, такъ какъ ихъ дѣлать легко, то начнутъ ихъ дѣлать много, или изъ того, что захотятъ взять за нихъ золото,— точно также возникаетъ сомнѣніе въ дѣйствительномъ значеніи исторій этого рода или изъ того, что ихъ является слишкомъ много, или изъ того, что кто нибудь, въ простотѣ души, спроситъ: какою же силой сдѣлалъ это Наполеонъ? т. е. захочетъ размѣнять ходячую бумажку на чистое золото дѣйствительнаго понятія.

Общіе же историки и историки культуры подобны людямъ, которые, признавъ неудобство ассигнацій, рѣшили бы, вмѣсто бумажки сдѣлать звонкую монету изъ меттала, неимѣющаго плотности золота. И монета дѣйствительно вышла бы *звонкая*, но только *звонкая*. Бумажка еще могла обманывать незнающихъ; а монета звонкая, но не цѣнная, не можетъ обмануть никого. Также какъ золото тогда только золото, когда оно можетъ быть употреблено не для одной мѣны, а и для дѣла, также и общіе историки только тогда будутъ золотомъ, когда они будутъ въ силахъ отвѣтить на существенный вопросъ исторіи: что такое власть? Общіе историки отвѣчаютъ на этотъ вопросъ противорѣчиво, а историки культуры вовсе отстраняютъ его, отвѣчая на что-то совсѣмъ другое. И какъ жетоны, похожіе на золото, могутъ быть только употребляемы между собраніемъ людей, согласившихся признавать ихъ за золото, и между тѣми, которые не знаютъ свойства золота, такъ и общіе историки и историки культуры, не отвѣчая на существенные вопросы

человѣчества, для какихъ-то своихъ цѣлей, служатъ ходячей монетою университетамъ и толпѣ читателей—охотниковъ до серіозныхъ книжекъ, какъ они это называютъ.

IV.

Отрѣшившись отъ воззрѣнія древнихъ на божественное подчиненіе воли народа одному избранному и на подчиненіе этой воли Божеству, исторія не можетъ сдѣлать ни одного шага безъ противорѣчія, не выбравъ одного изъ двухъ: или возвратиться къ прежнему вѣрованію въ непосредственное участіе Божества въ дѣлахъ человѣчества, или опредѣленно объяснить значеніе той силы, производящей историческія событія, которая называется властью.

Возвратиться къ первому невозможно: вѣрованье разрушено, и потому необходимо объяснить значеніе власти.

Наполеонъ приказалъ собрать войска и идти на войну. Представленіе это до такой степени намъ привычно, до такой степени мы сжились съ этимъ взглядомъ, что вопросъ о томъ, почему 600 тысячъ человѣкъ идутъ на войну, когда Наполеонъ сказалъ такія-то слова, кажется намъ безсмысленнымъ. Онъ имѣлъ власть, и потому было исполнено то, что онъ велѣлъ.

Отвѣтъ этотъ совершенно удовлетворителенъ, если мы вѣримъ, что власть дана была ему отъ Бога. Но какъ скоро мы не признаемъ этого, необходимо опредѣлить, что такое эта власть одного человѣка надъ другими.

Власть эта не можетъ быть той непосредственной властью физическаго преобладанія сильнаго существа надъ слабымъ, преобладанія, основаннаго на приложеніи или угрозѣ приложенія физической силы,—какъ власть Геркулеса; она не можетъ быть тоже основана на преобладаніи нравственной силы, какъ то, въ простотѣ душевной, думаютъ нѣкоторые историки, говоря что историческіе дѣятели суть герои, т. е. люди, одаренные особенной силой души и ума и назы-

ваемой геніальностью. Власть эта не можетъ быть основана на преобладаніи нравственной силы, ибо, не говоря о людяхъ-герояхъ, какъ Наполеоны, о нравственныхъ достоинствахъ которыхъ мнѣнія весьма разнорѣчивы, исторія показываетъ намъ, что ни Людовики XI-е, ни Метернихи, управлявшіе милліонами людей, не имѣли никакихъ особенныхъ свойствъ силы душевной, а напротивъ, были по бо́льшей части нравственно слабѣе каждаго изъ милліоновъ людей, которыми они управляли.

Если источникъ власти лежитъ не въ физическихъ и не въ нравственныхъ свойствахъ лица, ею обладающаго, то очевидно, что источникъ этой власти долженъ находиться внѣ лица, — въ тѣхъ отношеніяхъ къ массамъ, въ которыхъ находится лицо, обладающее властью.

Такъ точно и понимаетъ власть наука о правѣ, та самая размѣнная касса исторіи, обѣщающая размѣнять историческое пониманіе власти на чистое золото.

Власть есть совокупность воль массъ, перенесенная выраженнымъ или молчаливымъ согласіемъ на избранныхъ массами правителей.

Въ области науки права, составленной изъ разсужденій о томъ, какъ бы надо было устроить государство и власть, если бы можно было все это устроить, все это очень ясно; но въ приложеніи къ исторіи это опредѣленіе власти требуетъ разъясненій.

Наука права разсматриваетъ государство и власть, какъ древніе разсматривали огонь, какъ что-то абсолютно существующее. Для исторіи же государство и власть суть только явленія, точно также, какъ, для физики нашего времени, огонь есть не стихія, а явленіе.

Отъ этого-то основнаго различія воззрѣнія исторіи и науки права происходитъ то, что наука права можетъ разсказать подробно о томъ, какъ, по ея мнѣнію, надо бы

устроить власть и что такое есть власть, неподвижно существующая внѣ времени; но на вопросы историческіе о значеніи видоизмѣняющейся во времени власти, она не можетъ отвѣтить ничего.

Если власть есть перенесенная на правителя совокупность воль, то Пугачевъ есть ли представитель воль массъ? Если не есть, то почему Наполеонъ I-й есть представитель? Почему Наполеонъ III-й, когда его поймали въ Булони, былъ преступникъ, а потомъ были преступники тѣ, которыхъ онъ поймалъ?

При дворцовыхъ революціяхъ, въ которыхъ участвуютъ иногда два—три человѣка, переносится ли тоже воля массъ на новое лицо? При международныхъ отношеніяхъ переносится ли воля массъ народа на своего завоевателя? Въ 1808-мъ году воля Рейнскаго Союза была ли перенесена на Наполеона? Воля массы русскаго народа была ли перенесена на Наполеона, во время 1809 года, когда наши войска, въ союзѣ съ Французами, шли воевать противъ Австріи?

На эти вопросы можно отвѣчать трояко:

Или 1) признать, что воля массъ всегда безусловно передается тому или тѣмъ правителямъ, которыхъ онѣ избрали, и что по этому всякое возникновеніе новой власти, всякая борьба противъ разъ переданной власти должна быть разсматриваема только какъ нарушеніе настоящей власти.

Или 2) признать, что воля массъ переносится на правителей условно подъ опредѣленными и извѣстными условіями и показать, что всѣ стѣсненія, столкновенія и даже уничтоженія власти происходятъ отъ несоблюденія правителями тѣхъ условій, подъ которыми имъ передана власть.

Или 3) признать что воля массъ переносится на правителей условно, но подъ условіями неизвѣстными, неопредѣленными, и что возникновеніе многихъ властей, борьба ихъ и паденіе происходятъ только отъ бо́льшаго или мѐньшаго

исполненія правителями тѣхъ неизвѣстныхъ условій, на которыхъ переносятся воли массъ съ однихъ лицъ на другія.

Такъ трояко и объясняютъ историки отношенія массъ къ правителямъ.

Одни историки, не понимая, въ простотѣ душевной, вопроса о значеніи власти, тѣ самые частные и біографическіе историки, о которыхъ было говорено выше, признаютъ, какъ будто то, что совокупность воль массъ переносится на историческія лица безусловно, и потому, описывая какую нибудь одну власть, эти историки предполагаютъ, что эта самая власть есть одна абсолютная и настоящая, а что всякая другая сила, противодѣйствующая этой настоящей власти есть не власть, а нарушеніе власти,—насиліе.

Теорія ихъ, годная для первобытныхъ и мирныхъ періодовъ исторіи, въ приложеніи къ сложнымъ и бурнымъ періодамъ жизни народовъ, во время которыхъ возникаютъ одновременно и борятся между собой, различныя власти, имѣетъ то неудобство, что историкъ легитимистъ будетъ доказывать что конвентъ Директорій и Бонапартъ были только нарушенія власти, а республиканецъ и бонапартистъ будутъ доказывать: одинъ, что конвентъ, а другой, что Имперія была настоящей властью, а что все остальное было нарушеніе власти. Очевидно, что такимъ образомъ, взаимно опровергая другъ друга, объясненія власти этихъ историковъ могутъ годиться только для дѣтей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ.

Признавая ложность этого взгляда на исторію, другой родъ историковъ говоритъ, что власть основана на условной передачѣ правителямъ совокупности воль массъ, и что историческія лица имѣютъ власть только подъ условіями исполненія той программы, которую молчаливымъ согласіемъ предписала имъ воля народа. Но въ чемъ состоятъ эти условія, историки эти не говорятъ намъ, или если и говорятъ, то постоянно противорѣчатъ одинъ другому.

Каждому историку, смотря по его взгляду на то, что составляетъ цѣль движенія народа, представляются эти условія въ величіи, богатствѣ, свободѣ, просвѣщеніи гражданъ Франціи, или другаго государства. Но не говоря уже о противорѣчіи историковъ, о томъ, какія эти условія; допустивъ даже, что существуетъ одна общая всѣмъ программа этихъ условій, историческіе факты почти всегда противорѣчатъ этой теоріи. Если условія, подъ которыми передается власть состоятъ въ богатствѣ, свободѣ, просвѣщеніи народа, то почему Людовики XIV-е и Іоанны IV-е спокойно доживаютъ свои царствованія, а Людовики XVI-е и Карлы I-е казнятся народами? На этотъ вопросъ историки эти отвѣчаютъ тѣмъ, что дѣятельность Людовика XIV-го, противная программѣ, отразилась на Людовикѣ XVI-мъ. Но почему же она не отразилась на Людовикѣ XIV и XV, почему именно она должна была отразиться на Людовикѣ XVI? и какой срокъ этого отраженія?—На эти вопросы нѣтъ и не можетъ быть отвѣтовъ. Также мало объясняется при этомъ воззрѣніи причина того, что совокупность воль нѣсколько вѣковъ не переносится съ своихъ правителей и ихъ наслѣдниковъ, а потомъ вдругъ, впродолженіи 50 лѣтъ, переносится на конвентъ, на Директорію, на Наполеона, на Александра, на Людовика XVIII, опять на Наполеона, на Карла X, на Людовика Филиппа, на республиканское правительство, на Наполеона III. При объясненіи этихъ быстросовершающихся перенесеній воль съ одного лица на другое и въ особенности при международныхъ отношеніяхъ, завоеваніяхъ и союзахъ, историки эти невольно должны признать, что часть этихъ явленій уже не суть правильныя перенесенія воль, а случайности, зависящія то отъ хитрости, то отъ ошибки, или коварства, или слабости дипломата, или монарха, или руководителя партіи. Такъ что бо́льшая часть явленій исторіи: междо́усобія, революціи, завоеванія, представляются этими историками уже не произведеніями перенесенія свободныхъ

воль, а произведеніемъ ложно направленной воли одного или нѣсколькихъ людей, т. е. опять нарушеніями власти. И потому историческія событія и этого рода историками представляются отступленіями отъ теоріи.

Историки эти подобны тому ботанику, который примѣтивъ что нѣкоторыя растенія выходятъ изъ сѣмени въ двухъ доляхъ-листикахъ, настаивалъ бы на томъ, что все, что растетъ, растетъ только раздвояясь на два листка; и что пальма, и грибъ, и даже дубъ, развѣтвляясь въ своемъ полномъ ростѣ и не имѣя болѣе подобія двухъ листиковъ, отступаютъ отъ теоріи.

Третьи историки признаютъ, что воля массъ переносится на историческія лица условно, но, что условія эти намъ неизвѣстны. Они говорятъ, что историческія лица имѣютъ власть только потому, что они исполняютъ перенесенную на нихъ волю массъ.

Но въ такомъ случаѣ, если сила, двигающая народами, лежитъ не въ историческихъ лицахъ, а въ самихъ народахъ, то въ чемъ же состоитъ значеніеэтихъ историческихъ лицъ?

Историческія лица, говорятъ эти историки, выражаютъ собою волю массъ; дѣятельность историческихъ лицъ служитъ представительницею дѣятельности массъ.

Но въ такомъ случаѣ является вопросъ, вся ли дѣятельность историческихъ лицъ служитъ выраженіемъ воли массъ, или только извѣстная сторона ея? Если вся дѣятельность историческихъ лицъ служитъ выраженіемъ воли массъ, какъ то и думаютъ нѣкоторые, то біографіи Наполеоновъ, Екатеринъ со всѣми подробностями придворной сплетни, служатъ выраженіемъ жизни народовъ, что̀ есть очевидная безсмыслица; если же только одна сторона дѣятельности историческаго лица служитъ выраженіемъ жизни народовъ, какъ то и думаютъ другіе мнимо-философы-историки, то для того, чтобы опредѣлить, какая сторона дѣятельности исто-

рическаго лица выражаетъ жизнь народа, нужно знать прежде, въ чемъ состоитъ жизнь народа.

Встрѣчаясь съ этимъ затрудненіемъ, историки этого рода придумываютъ самое неясное, неосязаемое и общее отвлеченіе, подъ которое возможно подвести наибольшее число событій и говорятъ, что въ этомъ отвлеченіи состоитъ цѣль движенія человѣчества. Самыя обыкновенныя, принимаемыя почти всѣми историками общія: отвлеченія суть свобода, равенство, просвѣщеніе, прогрессъ, цивилизація, культура. Поставивъ за цѣль движенія человѣчества какое нибудь отвлеченіе, историки изучаютъ людей, оставившихъ по себѣ наибольшее число памятниковъ,—царей, министровъ, полководцевъ, сочинителей, реформаторовъ папъ, журналистовъ по мѣрѣ того, какъ всѣ эти лица, по ихъ мнѣнію, содѣйствовали или противодѣйствовали извѣстному отвлеченію. Но такъ какъ ничѣмъ не доказано, чтобы цѣль человѣчества состояла въ свободѣ, равенствѣ, просвѣщеніи или цивилизаціи, и такъ какъ связь массъ съ правителями и просвѣтителями человѣчества основана только на произвольномъ предположеніи, что совокупность воль массъ всегда переносится на тѣ лица, которыя намъ замѣтны, то и дѣятельность милліоновъ людей, переселяющихся, сжигающихъ дома, бросающихъ земледѣліе, истребляющихъ другъ друга, никогда не выражается въ описаніи дѣятельности десятка лицъ, не сжигающихъ домовъ, не занимающихся земледѣліемъ, не убивающихъ себѣ подобныхъ.

Исторія на каждомъ шагу доказываетъ это. Броженіе народовъ запада, въ концѣ прошлаго вѣка, и стремленіе ихъ на востокъ объясняется ли дѣятельностью Людовиковъ XIV-го, XV-го и XVI-го, ихъ любовницъ, министровъ, жизнью Наполеона, Руссо, Дидерота, Бомарше и другихъ?

Движеніе русскаго народа на востокъ въ Казань и Сибирь выражается ли въ подробностяхъ больнаго характера Іоанна IV-го и его переписки съ Курбскимъ?

Движеніе народовъ во время крестовыхъ походовъ объ-

ясняется ли изученіемъ Готфридовъ и Людовиковъ и ихъ дамъ? Для насъ осталось непонятнымъ движеніе народовъ съ запада на востокъ, безъ всякой цѣли, безъ предводительства, съ толпой бродягъ, съ Петромъ Пустынникомъ. И еще болѣе осталось непонятно прекращеніе этого движенія, тогда когда ясно поставлена была историческими дѣятелями разумная, святая цѣль походовъ—освобожденіе Іерусалима. Папы, короли, и рыцари побуждали народъ къ освобожденію святой земли; но народъ не шелъ, потому что та неизвѣстная причина, которая побуждала его прежде къ движенію, болѣе не существовала. Исторія Готфридовъ и Миннезенгеровъ очевидно не можетъ вмѣстить въ себя жизнь народовъ. И исторія Готфридовъ и Миннезенгеровъ осталась исторіей Готфридовъ и Миннезенгеровъ, а исторія жизни народовъ и ихъ побужденій осталась неизвѣстной.

Еще менѣе объяснитъ намъ жизнь народовъ исторія писателей и реформаторовъ.

Исторія культуры объяснитъ намъ побужденія условія жизни и мысли писателя или реформатора. Мы узнаемъ, что Лютеръ имѣлъ вспыльчивый характеръ и говорилъ такія-то рѣчи: узнаемъ, что Руссо былъ недовѣрчивъ и писалъ такія-то книжки; но не узнаемъ мы, отчего послѣ реформаціи рѣзались народы и отчего, во время французской революціи, казнили другъ друга.

Если соединить обѣ эти исторіи вмѣстѣ, какъ то и дѣлаютъ новѣйшіе историки, то это будутъ исторіи монарховъ и писателей, а не исторія жизни народовъ.

V.

Жизнь народовъ не вмѣщается въ жизнь нѣсколькихъ людей; ибо связь между этими нѣсколькими людьми и народами не найдена. Теорія о томъ, что связь эта осно-

вана на перенесенія совокупности воль на историческія лица, есть гипотеза, не подтверждаемая опытомъ исторіи.

Теорія о перенесеніи совокупности воль массъ на историческія лица, можетъ быть, весьма много объясняетъ въ области науки права, и можетъ быть, необходима для своихъ цѣлей; но въ приложеніи къ исторіи, какъ только являются революціи, завоеванія, междоусобія, какъ только начинается исторія, — теорія эта ничего не объясняетъ.

Теорія эта кажется неопровержимой именно потому, что актъ перенесенія воль народа не можетъ быть провѣренъ, такъ какъ онъ никогда не существовалъ.

Какое бы ни совершилось событіе, кто бы ни сталъ во главѣ событія, теорія всегда можетъ сказать, что такое лицо стало во главѣ событія, потому-что совокупность воль была перенесена на него.

Отвѣты, даваемые этой теоріей на историческіе вопросы, подобны отвѣтамъ человѣка, который, глядя на двигающееся стадо и не принимая во вниманіе ни различной доброты пастбища въ разныхъ мѣстахъ поля, ни погони пастуха, судилъ бы о причинахъ того или другаго направленія стада по тому, какое животное идетъ впереди стада.

«Стадо идетъ по этому направленію потому, что впереди идущее животное ведетъ его, и совокупность воль всѣхъ остальныхъ животныхъ перенесена на этого правителя стада». Такъ отвѣчаетъ первый разрядъ историковъ, признающихъ безусловную передачу власти.

«Ежели животныя, идущія во главѣ стада, перемѣняются, то это происходитъ отъ того, что совокупность воль всѣхъ животныхъ переносится съ одного правителя на другаго, смотря по тому, ведетъ ли это животное по тому направленію, которое избрало все стадо». Такъ отвѣчаютъ историки, признающіе, что совокупность воль массъ переносится на правителей подъ условіями, которыя они

считаютъ извѣстными. (При такомъ пріемѣ наблюденія, весьма часто бываетъ, что наблюдатель, соображаясь съ избраннымъ имъ направленіемъ, считаетъ вожаками тѣхъ, которыя по случаю перемѣны направленія массъ не суть уже передовыя, а боковыя, а иногда заднія)».

«Если безпрестанно перемѣняются стоящія во главѣ животныя и безпрестанно перемѣняются направленія всего стада, то это происходитъ отъ того, что для достиженія того направленія, которое намъ извѣстно, животныя передаютъ свои воли тѣмъ животнымъ, которыя намъ замѣтны и для того, чтобы изучать движеніе стада, надо наблюдать всѣхъ замѣтныхъ намъ животныхъ, идущихъ совсѣхъ сторонъ стада». Такъ говорятъ историки третьяго разряда, признающіе выраженіями своего времени всѣ историческія лица, отъ монарховъ до журналистовъ.

Теорія перенесенія воль массъ на историческія лица есть только перифраза, — только выраженіе другими словами словъ вопроса.

Какая причина историческихъ событій? Власть. Что есть власть? Власть есть совокупность воль, перенесенныхъ на одно лицо. При какихъ условіяхъ переносятся воли массъ на одно лицо? При условіяхъ выраженія лицомъ воли всѣхъ людей. Т. е. власть есть власть. Т. е. власть есть слово, значеніе котораго намъ непонятно.

Если бы область человѣческаго знанія ограничивалась однимъ отвлеченнымъ мышленіемъ, то, подвергнувъ критикѣ то объясненіе власти, которое даетъ *наука*, человѣчество пришло бы къ заключенію, что власть есть только слово и въ дѣйствительности не существуетъ. Но для познаванія явленій, кромѣ отвлеченнаго мышленія, человѣкъ имѣетъ орудіе опыта, на которомъ онъ повѣряетъ результаты мыш-

левія. И опытъ говоритъ, что власть не есть слово, но дѣйствительно существующее явленіе.

Не говоря о томъ, что безъ понятія власти не можетъ обойтись ни одно описаніе совокупной дѣятельности людей, существованіе власти доказывается, какъ исторіею, такъ и наблюденіемъ современныхъ событій.

Всегда, когда совершается событіе, является человѣкъ или люди, по волѣ которыхъ событіе представляется совершившимся. Наполеонъ III предписываетъ, и Французы идутъ въ Мексику. Прусскій король и Бисмаркъ предписываютъ, и войска идутъ въ Богемію. Наполеонъ I приказываетъ, и войска идутъ въ Россію, Александръ I-й приказываетъ и Французы покоряются Бурбонамъ. Опытъ показываетъ намъ, что какое бы ни совершилось событіе, оно всегда связано съ волею одного или нѣсколькихъ людей, которые его приказали

Историки, по старой привычкѣ признанія божественнаго участія въ дѣлахъ человѣчества, хотятъ видѣть причину событія въ выраженіи воли лица, облеченнаго властью; но заключеніе это не подтверждается ни разсужденіемъ, ни опытомъ.

Съ одной стороны, разсужденіе показываетъ, что выраженіе воли человѣка, — его слова̀ суть только часть общей дѣятельности, выражающейся въ событіи, какъ напримѣръ въ войнѣ или революціи; и потому безъ признанія непонятной, сверхъестественной силы—чуда, нельзя допустить, чтобы слова̀ могли быть непосредственной причиной движенія милліоновъ; съ другой стороны, если даже допустить, что слова̀ могутъ быть причиной событія, то исторія показываетъ, что выраженія воли историческихъ лицъ въ бо̀льшей части случаевъ не производятъ никакого дѣйствія, т. е., что приказанія ихъ часто не только не исполняются, но что иногда происходитъ даже совершенно обратное тому, что ими приказано.

Не допуская божественнаго участія въ дѣлахъ человѣчества, мы не можемъ принимать власть за причину событій.

Власть, съ точки зрѣнія опыта, есть только зависимость, существующая между выраженіемъ воли лица и исполненіемъ этой воли другими людьми.

Для того, чтобы объяснить себѣ условія этой зависимости, мы должны возстановить прежде всего понятіе выраженія воли, относя его къ человѣку, а не къ Божеству.

Ежели Божество отдаетъ приказаніе, выражаетъ свою волю, какъ то намъ показываетъ исторія древнихъ, то выраженіе этой воли не зависитъ отъ времени и ничѣмъ не вызвано, такъ какъ Божество ничѣмъ не связано съ событіемъ. Но говоря о приказаніяхъ, — выраженіи воли людей, дѣйствующихъ во времени и связанныхъ между собой, мы, для того, чтобы объяснить себѣ связь приказаній съ событіями, должны возстановить 1) условіе всего совершающагося: непрерывность движенія во времени, какъ событій, такъ и приказывающаго лица, и 2) условіе необходимой связи, въ которой находится приказывающее лицо къ тѣмъ людямъ, которые исполняютъ его приказаніе.

VI.

Только выраженіе воли Божества, независящее отъ времени, можетъ относиться къ цѣлому ряду событій, имѣющему совершиться черезъ нѣсколько лѣтъ или столѣтій, и только Божество, ничѣмъ не вызванное, по одной своей волѣ, можетъ опредѣлить направленіе движенія человѣчества; человѣкъ же дѣйствуетъ во времени и самъ участвуетъ въ событіи.

Возстановляя первое упущенное условіе,—условіе времени, мы увидимъ, что ни одно приказаніе не можетъ быть исполнено безъ того, чтобы не было предшествовавшаго приказанія, дѣлающаго возможнымъ исполненіе послѣдняго.

Никогда ни одно приказаніе не появляется самопроизвольно и не включаетъ въ себя цѣлаго ряда событій; но каждое приказаніе вытекаетъ изъ другаго и никогда не относится къ цѣлому ряду событій, а всегда только къ одному моменту событія.

Когда мы говоримъ, напримѣръ, что Наполеонъ приказалъ войскамъ идти на войну, мы соединяемъ въ одно одновременно выраженное приказаніе рядъ послѣдовательныхъ приказаній, зависѣвшихъ другъ отъ друга. Наполеонъ не могъ приказать походъ на Россію и никогда не приказывалъ его. Онъ приказалъ нынче написать такія-то бумаги въ Вѣну, въ Берлинъ и въ Петербургъ; завтра,—такіе-то декреты и приказы по арміи, флоту и интендантству и т. д. и т. д.,—милліоны приказаній, изъ которыхъ составился рядъ приказаній, соотвѣтствующихъ ряду событій, приведшихъ французскія войска въ Россію.

Если Наполеонъ во все свое царствованіе отдаетъ приказанія объ экспедиціи въ Англію; ни на одно изъ своихъ предпріятій не тратитъ столько усилій и времени и, несмотря на то, во все свое царствованіе, даже ни разу не пытается исполнить своего намѣренія, а дѣлаетъ экспедицію въ Россію, съ которой, онъ, по неоднократно высказываемому убѣжденію, считаетъ выгоднымъ быть въ союзѣ, то это происходитъ отъ того, что первыя приказанія не соотвѣтствовали, а вторыя соотвѣтствовали ряду событій.

Для того, чтобы приказаніе было навѣрное исполнено, надо, чтобы человѣкъ выразилъ такое приказаніе, которое могло бы быть исполнено. Знать же то, что можетъ и что не можетъ быть исполнено, невозможно, не только для наполеоновскаго похода на Россію, гдѣ принимаютъ участіе милліоны, но и для самаго несложнаго событія, ибо для исполненія того и другаго всегда могутъ встрѣтиться милліоны препятствій. Всякое исполненное приказаніе есть всегда одно изъ огромнаго количества неисполненныхъ. Всѣ не-

возможныя приказанія не связываются съ событіемъ и не бываютъ исполнены. Только тѣ, которыя возможны, связываются въ послѣдовательные ряды приказаній, соотвѣтствующіе рядамъ событій, и бываютъ исполнены.

Ложное представленіе наше о томъ, что предшествующее событію приказаніе есть причина событія, происходитъ отъ того, что когда событіе совершилось и тѣ одни изъ тысячи приказаній, которыя связались съ событіями, исполнились, то мы забываемъ о тѣхъ, которыя не были, потому что не могли быть исполнены. Кромѣ того, главный источникъ заблужденія нашего въ этомъ смыслѣ происходитъ отъ того; что въ историческомъ изложеніи цѣлый рядъ безчисленныхъ, разнообразныхъ, мельчайшихъ событій, какъ напримѣръ все то, что привело войска французскія въ Россію, обобщается въ одно событіе, по тому результату, который произвелъ этотъ рядъ событій, и соотвѣтственно этому обобщенію обобщается и весь рядъ приказаній въ одно выраженіе воли.

Мы говоримъ: Наполеонъ захотѣлъ и сдѣлалъ походъ на Россію. Въ дѣйствительности же мы никогда не найдемъ во всей дѣятельности Наполеона ничего подобнаго выраженію этой воли, а увидимъ ряды приказаній, или выраженій его воли, самымъ разнообразнымъ и неопредѣленнымъ образомъ направленныхъ. Изъ безчисленнаго ряда неисполненныхъ наполеоновскихъ приказаній составился рядъ исполненныхъ приказаній для похода 12-го года не потому, чтобы приказанія эти чѣмъ нибудь отличались отъ другихъ неисполненныхъ приказаній, а потому что рядъ этихъ приказаній совпалъ съ рядомъ событій, приведшихъ французскія войска въ Россію; точно также какъ въ трафаретѣ нарисуется такая или другая фигура не потому, въ какую сторону и какъ мазать по немъ красками, а потому, что по фигурѣ вырѣзанной въ трафаретѣ во всѣ стороны было мазано краской.

Такъ, что разсматривая во времени отношеніе приказаній къ событіямъ, мы найдемъ, что приказаніе, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть причиною событія, а что между тѣмъ и другимъ существуетъ извѣстная опредѣленная зависимость.

Для того, чтобы понять, въ чемъ состоитъ эта зависимость, необходимо возстановить другое упущенное условіе всякаго приказанія, исходящаго не отъ Божества, а отъ человѣка и состоящее въ томъ, что самъ приказывающій человѣкъ участвуетъ въ событіи.

Это-то отношеніе приказывающаго къ тѣмъ, кому онъ приказываетъ и есть именно то, что называется властью. Отношеніе это состоитъ въ слѣдующемъ.

Для общей дѣятельности, люди складываются всегда въ извѣстныя соединенія, въ которыхъ, несмотря на различіе цѣли, поставленной для совокупнаго дѣйствія, отношеніе между людьми участвующими въ дѣйствіи, всегда бываетъ одинаковое.

Складываясь въ эти соединенія, люди всегда становятся между собой въ такое отношеніе, что наибольшее количество людей принимаютъ наибольшее прямое участіе и наименьшее количество людей,—наименьшее прямое участіе въ томъ совокупномъ дѣйствіи, для котораго они складываются.

Изъ всѣхъ тѣхъ соединеній, въ которыя складываются люди для совершенія совокупныхъ дѣйствій, одна изъ самыхъ рѣзкихъ и опредѣленныхъ есть войско.

Всякое войско составляется изъ низшихъ по военному званію членовъ: рядовыхъ, которыхъ всегда самое большое количество, изъ слѣдующихъ по военному званію болѣе высшихъ чиновъ—капраловъ, унтеръ-офицеровъ, которыхъ число меньше перваго, еще высшихъ, число которыхъ еще меньше и т. д. до высшей военной власти, которая сосредоточивается въ одномъ лицѣ.

Военное устройство можетъ быть совершенно точно выражено фигурой конуса, въ которомъ основаніе съ самымъ большимъ діаметромъ будутъ составлять рядовые; высшее, меньшее основаніе,—высшіе чины арміи и т. д. до вершины конуса, точку которой будетъ составлять полководецъ.

Солдаты, которыхъ наибольшее число, составляютъ низшія точки конуса и его основаніе. Солдатъ самъ непосредственно колетъ, рѣжетъ, жжетъ, грабитъ, и всегда на эти дѣйствія получаетъ приказаніе отъ выше стоящихъ лицъ; самъ же никогда не приказываетъ. Унтеръ-офицеръ, (число унтеръ-офицеровъ уже меньше), рѣже совершаетъ самое дѣйствіе, чѣмъ солдатъ; но уже приказываетъ. Офицеръ еще рѣже совершаетъ самое дѣйствіе и еще чаще приказываетъ. Генералъ уже только приказываетъ идти войскамъ, указывая цѣль, и почти никогда не употребляетъ оружія. Полководецъ уже никогда не можетъ принимать прямаго участія въ самомъ дѣйствіи и только дѣлаетъ общія распоряженія о движеніи массъ. То же отношеніе лицъ между собою обозначается во всякомъ соединеніи людей для общей дѣятельности, — въ земледѣліи, торговлѣ и во всякомъ управленіи.

И такъ, не раздѣляя искуственно всѣхъ сливающихся точекъ конуса и чиновъ арміи, или званій и положеній какого бы то ни было управленія, или общаго дѣла, отъ низшихъ до высшихъ, обозначается законъ, по которому люди для совершенія совокупныхъ дѣйствій слагаются всегда между собой, въ такомъ отношеніи, что чѣмъ непосредственнѣе люди участвуютъ въ совершеніи дѣйствія, тѣмъ менѣе они могутъ приказывать и тѣмъ ихъ бо́льшее число; и что чѣмъ меньше то прямое участіе, которое люди принимаютъ въ самомъ дѣйствіи, тѣмъ они больше приказываютъ и тѣмъ число ихъ меньше; такимъ образомъ восходя отъ низшихъ слоевъ до одного послѣдняго человѣка, принимающаго наименьшее прямое участіе въ событіи и болѣе всѣхъ направляющаго свою дѣятельность на приказываніе.

Это-то отношеніе лицъ приказывающихъ къ тѣмъ, которымъ они приказываютъ, и составляетъ сущность понятія, называемаго властью.

Возстановивъ условія времени, при которыхъ совершаются всѣ событія, мы нашли, что приказаніе исполняется только тогда, когда оно относится къ соотвѣтствующему ряду событій. Возстановляя же необходимое условіе связи между приказывающимъ и исполняющимъ, мы нашли, что, по са́мому свойству своему, приказывающіе принимаютъ наименьшее участіе въ самомъ событіи, и что дѣятельность ихъ исключительно направлена на приказываніе.

VII.

Когда совершается какое нибудь событіе, люди выражаютъ свои мнѣнія, желанія о событіи, и такъ какъ событіе вытекаетъ изъ совокупнаго дѣйствія многихъ людей, то одно изъ выраженныхъ мнѣній или желаній непремѣнно исполняется, хотя приблизительно. Когда одно изъ выраженныхъ мнѣній исполнено, мнѣніе это связывается съ событіемъ, какъ предшествовавшее ему приказаніе.

Люди тащутъ бревно. Каждый высказываетъ свое мнѣніе о томъ, какъ и куда тащить. Люди вытаскиваютъ бревно, и оказывается, что это сдѣлано такъ, какъ сказалъ одинъ изъ нихъ. Онъ приказалъ. Вотъ приказаніе и власть въ своемъ первобытномъ видѣ.

Тотъ, кто больше работалъ руками, могъ меньше обдумывать то, что онъ дѣлалъ и соображать то, что можетъ выдти изъ общей дѣятельности и приказывать. Тотъ, кто больше приказывалъ, вслѣдствіе своей дѣятельности словами, очевидно могъ меньше дѣйствовать руками. При бо́льшемъ сборищѣ людей, направляющихъ дѣятельность на одну цѣль, еще рѣзче отдѣляется разрядъ людей, которые

тѣмъ менѣе принимаютъ прямое участіе въ общей дѣятельности, чѣмъ болѣе дѣятельность ихъ направлена на приказываніе.

Человѣкъ, когда онъ дѣйствуетъ одинъ, всегда носитъ самъ въ себѣ извѣстный рядъ соображеній. руководившихъ, какъ ему кажется, его прошедшей дѣятельностью, служащихъ для него оправданіемъ его настоящей дѣятельности и руководящихъ его въ предположеніи о будущихъ его поступкахъ.

Точно то же дѣлаютъ сборища людей, предоставляя тѣмъ, которые не участвуютъ въ дѣйствіи, придумывать соображенія, оправданія и предположенія объ ихъ совокупной дѣятельности.

По извѣстнымъ или неизвѣстнымъ намъ причинамъ, Французы начинаютъ топить и рѣзать другъ друга. И соотвѣтственно событію, ему сопутствуетъ его оправданіе въ выраженныхъ воляхъ людей о томъ, что это необходимо для блага Франціи, для свободы, для равенства. Люди перестаютъ рѣзать другъ друга, и событію этому сопутствуетъ оправданіе необходимости единства власти, отпора Европѣ и т. д. Люди идутъ съ запада на востокъ, убивая себѣ подобныхъ, и событію этому сопутствуютъ слова о славѣ Франціи, низости Англіи и т. д. Исторія показываетъ намъ, что эти оправданія событія не имѣютъ никакого общаго смысла, противорѣчатъ сами себѣ, какъ убійство человѣка, вслѣдствіе признанія его правъ, и убійство милліоновъ въ Россіи для униженія Англіи. Но оправданія эти въ современномъ смыслѣ имѣютъ необходимое значеніе.

Оправданія эти снимаютъ нравственную отвѣтственность съ людей, производящихъ событія. Временныя цѣли эти подобны щеткамъ, идущимъ для очищенія пути по рельсамъ впереди поѣзда: они очищаютъ путь нравственной отвѣтственности людей. Безъ этихъ оправданій не могъ бы быть объясненъ самый простой вопросъ, представляющійся

при разсмотрѣніи каждаго событія: какимъ образомъ милліоны людей совершаютъ совокупныя преступленія, войны, убійства и т. д.?

При настоящихъ, усложненныхъ формахъ государственной и общественной жизни въ Европѣ, возможно ли придумать какое бы то ни было событіе, которое бы не было предписано, указано, приказано государями, министрами, парламентами, газетами? Есть ли какое нибудь совокупное дѣйствіе, которое не нашло бы себѣ оправданія въ государственномъ единствѣ, въ національности, въ равновѣсіи Европы, въ цивилизаціи? Такъ что всякое совершившееся событіе, неизбѣжно совпадаетъ съ какимъ нибудь выраженнымъ желаніемъ и, получая себѣ оправданіе, представляется какъ произведеніе воли одного или нѣсколькихъ людей.

Куда бы ни направился движущійся корабль, впереди его всегда будетъ видна струя разсѣкаемыхъ имъ волнъ. Для людей, находящихся на кораблѣ, движеніе этой струи будетъ единственно замѣтное движеніе.

Только слѣдя вблизи, моментъ за моментомъ, за движеніемъ этой струи, и сравнивая это движеніе съ движеніемъ корабля, мы убѣдимся, что каждый моментъ ея движенія струи опредѣляется движеніемъ корабля, и что насъ ввело въ заблужденіе то, что мы сами незамѣтно движемся.

То же самое мы увидимъ, слѣдя, моментъ за моментомъ, за движеніемъ историческихъ лицъ (т. е. возстановляя необходимое условіе всего совершающагося,—условіе непрерывности движенія во времени) и не упуская изъ виду необходимой связи историческихъ лицъ съ массами.

Когда корабль идетъ по одному направленію, то впереди его находится одна и та же струя; когда онъ часто перемѣняетъ направленіе, то часто перемѣняются и бѣгущія впереди его струи. Но куда бы онъ ни повернулся, вездѣ будетъ струя, предшествующая его движенію.

Что бы ни совершилось, всегда окажется, что это самое

было предвидѣно и приказано. Куда бы ни направлялся корабль, струя, не руководя, не усиливая его движенія, бурлитъ впереди его и будетъ издали представляться намъ не только произвольно движущейся, но и руководящей движеніемъ корабля.

Разсматривая только тѣ выраженія воли историческихъ лицъ, которыя отнеслись къ событіямъ какъ приказанія, историки полагали, что событія находятся въ зависимости отъ приказаній. Разсматривая же самыя событія и ту связь съ массами, въ которой находятся историческія лица, мы нашли, что историческія лица и ихъ приказанія находятся въ зависимости отъ событія. Несомнѣннымъ доказательствомъ этого вывода служитъ то, что сколько бы ни было приказаній, событіе не совершится, если на это нѣтъ другихъ причинъ; но какъ скоро совершится событіе,—какое бы то ни было,— то изъ числа всѣхъ безпрерывно выражаемыхъ воль различныхъ лицъ найдутся такія, которыя по смыслу и по времени отнесутся къ событію какъ приказанія.

Прійдя къ этому заключенію, мы можемъ прямо и положительно отвѣтить на тѣ два существенные вопроса исторіи:

1) Что есть власть?

2) Какая сила производитъ движеніе народовъ?

1) Власть есть такое отношеніе извѣстнаго лица къ другимъ лицамъ, въ которомъ лицо это тѣмъ менѣе принимаетъ участіе въ дѣйствіи, чѣмъ болѣе оно выражаетъ мнѣнія, предположенія и оправданія совершающагося, совокупнаго дѣйствія.

2) Движеніе народовъ производятъ не власть, не умственная дѣятельность, даже не соединеніе того и другаго, какъ то думали историки, но дѣятельность *всѣхъ* людей, принимающихъ участіе въ событіи и соединяющихся всегда такъ, что тѣ, которые принимаютъ наибольшее прямое

участіе въ событіи, принимаютъ на себя наименьшую отвѣтственность; и на оборотъ.

Въ нравственномъ отношеніи причиною событія представляется власть; въ физическомъ отношеніи,—тѣ, которые подчиняются власти. Но такъ какъ нравственная дѣятельность не мыслима безъ физической, то причина событія находится ни въ той, ни въ другой, а въ соединеніи обѣихъ.

Или, другими словами, къ явленію, которое мы разсматриваемъ, понятіе причины неприложимо.

Въ послѣднемъ анализѣ мы приходимъ къ кругу вѣчности, къ той крайней грани, къ которой во всякой области мышленія приходитъ умъ человѣческій, если не играетъ своимъ предметомъ. Электричество производитъ тепло, тепло производитъ электричество. Атомы притягиваются, атомы отталкиваются.

Говоря о взаимодѣйствіи тепла и электричества и объ атомахъ, мы не можемъ сказать, почему это происходитъ и говоримъ, что это такъ есть потому, что немыслимо иначе, потому что такъ должно быть, что это законъ. То же самое относится и до историческихъ явленій. Почему происходитъ война или революція? мы не знаемъ; мы знаемъ только, что для совершенія того или другаго дѣйствія, люди складываются въ извѣстное соединеніе, и участвуютъ всѣ; и мы говоримъ, что это такъ есть, потому что немыслимо иначе, что это законъ.

VIII.

Если бы исторія имѣла дѣло до внѣшнихъ явленій, постановленіе этаго простаго и очевиднаго закона было бы достаточно, и мы бы кончили наше разсужденіе. Но законъ исторіи относится до человѣка. Частица матеріи не можетъ сказать намъ, что она вовсе не чувствуетъ потребности притягиванья и отталкиванья, и что это неправда; человѣкъ

же, который есть предметъ исторіи, прямо говоритъ: я свободенъ и потому не подлежу законамъ.

Присутствіе хотя не высказаннаго вопроса о свободѣ воли человѣка чувствуется на каждомъ шагу исторіи.

Всѣ серіозно мыслившіе историки невольно приходили къ этому вопросу. Всѣ противорѣчія, неясности исторіи, тотъ ложный путь, по которому идетъ эта наука, основаны только на неразрѣшенности этого вопроса.

Если воля каждаго человѣка была свободна, т. е. что каждый могъ поступить такъ, какъ ему захотѣлось, то вся исторія есть рядъ безсвязныхъ случайностей.

Если даже одинъ человѣкъ изъ милліоновъ въ тысячелѣтній періодъ времени имѣлъ возможность поступить свободно, т. е. такъ, какъ ему захотѣлось, то очевидно, что одинъ свободный поступокъ этого человѣка, противный законамъ, уничтожаетъ возможность существованія какихъ бы то ни было законовъ для всего человѣчества.

Если же есть хоть одинъ законъ, управляющій дѣйствіями людей, то не можетъ быть свободной воли, ибо воля людей должна подлежать этому закону.

Въ этомъ противорѣчіи заключается вопросъ о свободѣ воли, съ древнѣйшихъ временъ занимавшій лучшіе умы человѣчества и съ древнѣйшихъ временъ постановленный во всемъ его громадномъ значеніи.

Вопросъ состоитъ въ томъ, что, глядя на человѣка, какъ на предметъ наблюденія съ какой бы то ни было точки зрѣнія, богословской, исторической, этической, философской, мы находимъ общій законъ необходимости, которому онъ подлежитъ также, какъ и все существующее. Глядя же на него изъ себя какъ на то, что мы сознаемъ, мы чувствуемъ себя свободными.

Сознаніе это есть совершенно отдѣльный и независимый отъ разума источникъ самопознаванія. Чрезъ разумъ че-

ловѣкъ наблюдаетъ самъ себя; но знаетъ онъ самъ себя только черезъ сознаніе.

Безъ сознанія себя немыслимо и никакое наблюденіе и приложеніе разума.

Для того, чтобы понимать, наблюдать, умозаключать, человѣкъ долженъ прежде сознавать себя живущимъ. Живущимъ человѣкъ знаетъ себя не иначе какъ хотящимъ, т. е. сознаетъ свою волю. Волю же свою, составляющую сущность его жизни, человѣкъ сознаетъ и не можетъ сознавать иначе, какъ свободною.

Если, подвергая себя наблюденію, человѣкъ видитъ, что воля его направлется всегда по одному и тому же закону (наблюдаетъ ли онъ необходимость принимать пищу, или дѣятельность мозга или что бы то ни было), онъ не можетъ понимать это всегда одинаковое направленіе своей воли иначе какъ ограниченіемъ ея. То, что не было бы свободно, не могло бы быть и ограничено. Воля человѣка представляется ему ограниченною именно потому, что онъ сознаетъ ее неиначе какъ свободною.

Вы говорите: я не свободенъ. А я поднялъ и опустилъ руку. Всякій понимаетъ, что этотъ нелогическій отвѣтъ есть неопровержимое доказательство свободы.

Отвѣтъ этотъ есть выраженіе сознанія, неподлежащаго разуму.

Если бы сознаніе свободы не было отдѣльнымъ и независимымъ отъ разума источникомъ самопознанія, оно бы подчинилось разсужденію и опыту; но въ дѣйствительности такое подчиненіе никогда не бываетъ и не мыслимо.

Рядъ опытовъ и разсужденій показываютъ каждому человѣку, что онъ какъ предметъ наблюденія подлежитъ извѣстнымъ законамъ, и человѣкъ подчиняется имъ и никогда не борется съ разъузнаннымъ имъ закономъ тяготѣнья или непроницаемости. Но тотъ же рядъ опытовъ и разсужденій показываетъ ему, что полная свобода, которую онъ

сознаетъ въ себѣ — невозможна, что всякое дѣйствіе его зависитъ отъ его организаціи, отъ его характера и дѣйствующихъ на него мотивовъ; но человѣкъ никогда не подчиняется выводамъ этихъ опытовъ и разсужденій.

Узнавъ изъ опыта и разсужденія, что камень падаетъ внизъ, человѣкъ несомнѣнно вѣритъ этому и во всѣхъ случаяхъ ожидаетъ исполненія узнаннаго имъ закона.

Но узнавъ также несомнѣнно, что воля его подлежитъ законамъ, онъ не вѣритъ и не можетъ вѣрить этому.

Сколько бы разъ опытъ и разсужденіе не показывали человѣку, что въ тѣхъ же условіяхъ, съ тѣмъ же характеромъ онъ сдѣлаетъ тоже самое, что и прежде, онъ, въ тысячный разъ приступая въ тѣхъ же условіяхъ, съ тѣмъ же характеромъ къ дѣйствію, всегда кончавшемуся одинаково, несомнѣнно чувствуетъ себя столь же увѣреннымъ въ томъ, что онъ можетъ поступать какъ онъ захочетъ, какъ и до опыта. Всякій человѣкъ дикій и мыслитель, какъ бы неотразимо ему ни доказывали разсужденіе и опытъ то, что невозможно представить себѣ два поступка въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, чувствуетъ, что безъ этого безсмысленнаго представленія, (составляющаго сущность свободы), онъ не можетъ себѣ представить жизни. Онъ чувствуетъ, что какъ бы это ни было невозможно, это есть; ибо безъ этого представленія свободы онъ не только не понималъ бы жизни, но не могъ бы жить ни одного мгновенія.

Онъ не могъ бы жить потому, что всѣ стремленія людей, всѣ побужденія къ жизни суть только стремленія къ увеличенію свободы. Богатство — бѣдность, слава—неизвѣстность, власть—подвластность, сила—слабость, здоровье—болѣзнь, образованіе—невѣжество, трудъ—досугъ, сытость—голодъ, добродѣтель—порокъ суть только большія или меньшія степени свободы.

Представить себѣ человѣка неимѣющаго свободы нельзя иначе, какъ лишеннымъ жизни.

Если понятіе о свободѣ для разума представляется безсмысленнымъ противорѣчіемъ, какъ возможность совершить два поступка въ одинъ и тотъ же моментъ времени или дѣйствіе безъ причины, то это доказываетъ только то, что сознаніе не подлежитъ разуму.

Это-то непоколебимое, неопровержимое, неподлежащее опыту и разсужденію, сознаніе свободы, признаваемое всѣми мыслителями и ощущаемое всѣми людьми безъ исключенія, сознаніе, безъ котораго немыслимо никакое представленіе о человѣкѣ, и составляетъ другую сторону вопроса.

Человѣкъ, есть твореніе всемогущаго, всеблагаго и всевѣдущаго Бога. Что же такое есть грѣхъ, понятіе, о которомъ вытекаетъ изъ сознанія свободы человѣка? вотъ вопросъ богословія.

Дѣйствія людей подлежатъ общимъ, неизмѣннымъ законамъ, выражаемымъ статистикой. Въ чемъ же состоитъ отвѣтственность человѣка передъ обществомъ, понятіе о которой вытекаетъ изъ сознанія свободы? вотъ вопросъ права.

Поступки человѣка вытекаютъ изъ его прирожденнаго характера и мотивовъ, дѣйствующихъ на него. Что такое есть совѣсть и сознаніе добра и зла поступковъ, вытекающихъ изъ сознанія свободы? вотъ вопросъ этики.

Человѣкъ, въ связи съ общей жизнью человѣчества, предпредставляется подчиненнымъ законамъ, опредѣляющимъ эту жизнь. Но тотъ же человѣкъ, независимо отъ этой связи, представляется свободнымъ. Какъ должна быть разсматриваема прошедшая жизнь народовъ и человѣчества,—какъ произведеніе свободной или несвободной дѣятельности людей? вотъ вопросъ исторіи.

Только въ наше самоувѣренное время популяризаціи знаній, благодаря сильнѣйшему орудію невѣжества — распространенію книгопечатанія, вопросъ о свободѣ воли сведенъ на такую почву, на которой и не можетъ быть самаго вопроса. Въ наше время большинство такъ называемыхъ пере-

довыхъ людей, т. е. толпа невѣждъ, приняла работы естествоиспытателей, занимающихся одной стороной вопроса, за разрѣшеніе всего вопроса.

Души и свободы нѣтъ, потому что жизнь человѣка выражается мускульными движеніями, а мускульныя движенія обусловливаются нервной дѣятельностью; души и свободы нѣтъ, потому что мы въ неизвѣстный періодъ времени произошли отъ обезьянъ, говорятъ, пишутъ и печатаютъ они, вовсе и не подозрѣвая того, что, тысячалѣтія тому назадъ, всѣми религіями, всѣми мыслителями не только признанъ, но никогда и не былъ отрицаемъ тотъ самый законъ необходимости, который съ такимъ стараніемъ они стремятся доказать теперь физіологіей и сравнительной зоологіей. Они не видятъ того, что роль естественныхъ наукъ въ этомъ вопросѣ состоитъ только въ томъ, чтобы служить орудіемъ для освѣщенія одной стороны его. Ибо то, что съ точки зрѣнія наблюденія разумъ и воля суть только отдѣленія (sécrétion) мозга, и то, что человѣкъ, слѣдуя общему закону, могъ развиться изъ низшихъ животныхъ въ неизвѣстный періодъ времени, уясняетъ только съ новой стороны тысячилѣтія тому назадъ признанную всѣми религіями и философскими теоріями, истину о томъ, что съ точки зрѣнія разума человѣкъ подлежитъ законамъ необходимости, но ни на волосъ не подвигаетъ разрѣшеніе вопроса, имѣющаго другую, противоположную сторону, основанную на сознаніи свободы.

Если люди произошли отъ обезьянъ въ неизвѣстный періодъ времени, то это столь же понятно, какъ и то, что люди произошли отъ горсти земли въ извѣстный періодъ времени (въ первомъ случаѣ X есть время, во второмъ происхожденіе), и вопросъ о томъ, какимъ образомъ соединяется сознаніе свободы человѣка съ закономъ необходимости, которому подлежитъ человѣкъ, не можетъ быть разрѣшенъ сравнительной физіологіей и зоологіей, ибо въ лягушкѣ, кроликѣ

и обезьянѣ мы можемъ наблюдать только мускульно-нервную дѣятельность, а въ человѣкѣ,—и мускульно-нервную дѣятельность, и сознаніе.

Естествоиспытатели и ихъ поклонники, думающіе разрѣшать вопросъ этотъ, подобны штукатурамъ, которыхъ бы приставили заштукатурить одну сторону стѣны церкви и которые, пользуясь отсутствіемъ главнаго распорядителя работъ, въ порывѣ усердія, замазывали бы своей штукатуркой и окна, и образа, и лѣса, и неутвержденныя еще стѣны и радовались бы па то, какъ съ ихъ штукатурной точки зрѣнія все выходитъ ровно и гладко.

IX.

Разрѣшеніе вопроса о свободѣ и необходимости для исторіи, передъ другими отраслями знанія, въ которыхъ разрѣшался этотъ вопросъ, имѣетъ то преимущество, что для исторіи вопросъ этотъ относится не къ самой сущности воли человѣка, а къ представленію о проявленіи этой воли въ прошедшемъ и въ извѣстныхъ условіяхъ.

Исторія, по разрѣшенію этого вопроса, становится къ другимъ наукамъ въ положеніе науки опытной къ наукамъ умозрительнымъ.

Исторія своимъ предметомъ имѣетъ не самую волю чечевѣка, а наше представленіе о ней.

И потому для исторіи не существуетъ, какъ для богословія, этики и философіи, неразрѣшимой тайны о соединеніи двухъ противорѣчій свободы и необходимости. Исторія разсматриваетъ представленіе о жизни человѣка, въ которомъ соединеніе этихъ двухъ противорѣчій уже совершилось.

Въ дѣйствительной жизни каждое историческое событіе, каждое дѣйствіе человѣка понимается весьма ясно и опредѣленно, безъ ощущенія малѣйшаго противорѣчія, не смотря

на то, что каждое событіе представляется частію свободнымъ, частію необходимымъ.

Для разрѣшенія вопроса о томъ, какъ соединяются свобода и необходимость и что́ составляетъ сущность этихъ двухъ понятій, философія исторіи можетъ и должна идти путемъ противнымъ тому, по которому шли другія науки. Вмѣсто того, чтобы, опредѣливъ въ самихъ себѣ понятія о свободѣ и о необходимости, подъ составленныя опредѣленія подводить явленія жизни, исторія изъ огромнаго количества подлежащихъ ей явленій, всегда представляющихся въ зависимости отъ свободы и необходимости, должна вывести опредѣленіе самихъ понятій о свободѣ и о необходимости.

Какое бы мы ни разсматривали представленіе о дѣятельности многихъ людей или одного человѣка, мы понимаемъ его не иначе, какъ произведеніемъ отчасти свободы человѣка, отчасти законовъ необходимости.

Говоря ли о переселеніи народовъ и набѣгахъ варваровъ, или о распоряженіяхъ Наполеона III, или о поступкѣ человѣка, совершенномъ часъ тому назадъ и состоящемъ въ томъ, что изъ нѣсколькихъ направленій прогулки онъ выбралъ одно, мы не видимъ ни малѣйшаго противорѣчія. Мѣра свободы и необходимости, руководившей поступками этихъ людей, ясно опредѣлена для насъ.

Весьма часто представленіе о большей или меньшей свободѣ различно, смотря по различной точкѣ зрѣнія, съ которой мы разсматриваемъ явленіе; но, всегда одинаково каждое дѣйствіе человѣка представляется намъ не иначе, какъ извѣстнымъ соединеніемъ свободы и необходимости. Въ каждомъ разсматриваемомъ дѣйствіи, мы видимъ извѣстную долю свободы и извѣстную долю необходимости. И всегда чѣмъ болѣе въ какомъ бы то ни было дѣйствіи мы видимъ свободы, тѣмъ менѣе необходимости; и чѣмъ болѣе необходимости, тѣмъ менѣе свободы.

Отношеніе свободы къ необходимости уменьшается и увеличивается, смотря по той точкѣ зрѣнія, съ которой разсматривается поступокъ; но отношеніе это всегда остается обратно пропорціональнымъ.

Человѣкъ тонущій, хватаясь за другаго и потопляя его, или изнуренная кормленіемъ ребенка голодная мать, крадущая пищу, или человѣкъ, пріученный къ дисциплинѣ, по командѣ въ строю убивающій беззащитнаго человѣка, представляются менѣе виновными, т. е. менѣе свободными и болѣе подлежащими закону необходимости, тому, кто знаетъ тѣ условія, въ которыхъ находились эти люди, и болѣе свободными тому, кто не знаетъ, что тотъ человѣкъ самъ тонулъ, что мать была голодна, солдатъ былъ въ строю и т. д. Точно также человѣкъ, 20 лѣтъ тому назадъ совершившій убійство и послѣ того спокойно и безвредно жившій въ обществѣ, представляется менѣе виновнымъ; поступокъ его,— болѣе подлежавшимъ закону необходимости для того, кто разсматриваетъ его поступокъ по истеченіи 20 лѣтъ и болѣе свободнымъ тому, кто разсматривалъ тотъ же поступокъ черезъ день послѣ того, какъ онъ былъ совершенъ. И точно также каждый поступокъ человѣка сумасшедшаго, пьянаго или сильно возбужденнаго представляется менѣе свободнымъ, и болѣе необходимымъ тому, кто знаетъ душевное состояніе того, кто совершилъ поступокъ и болѣе свободнымъ и менѣе необходимымъ тому, кто этого не знаетъ. — Во всѣхъ этихъ случаяхъ увеличивается или уменьшается понятіе о свободѣ, и соотвѣтственно тому уменьшается или увеличивается понятіе о необходимости, смотря по той точкѣ зрѣнія, съ которой разсматривается поступокъ. Такъ что, чѣмъ бо́льшая представляется необходимость, тѣмъ мѐньшая представляется свобода. И наоборотъ.

Религія, здравый смыслъ человѣчества, наука права и сама исторія одинаково понимаютъ это отношеніе между необходимостью и свободой.

Всѣ безъ исключенія случаи, въ которыхъ увеличивается и уменьшается наше представленіе о свободѣ и о необходимости имѣютъ только три основанія:

1) Отношеніе человѣка, совершившаго поступокъ, къ внѣшнему міру,

2) ко времени и

3) къ причинамъ, произведшимъ поступокъ.

Первое основаніе есть бо́льшее или ме́ньшее видимое нами отношеніе человѣка къ внѣшнему міру, болѣе или менѣе ясное понятіе о томъ опредѣленномъ мѣстѣ, которое занимаетъ каждый человѣкъ по отношенію ко всему одновременно съ нимъ существующему. Это есть то основаніе, вслѣдствіе котораго очевидно, что тонущій человѣкъ менѣе свободенъ и болѣе подлежитъ необходимости, чѣмъ человѣкъ стоящій на сушѣ; то основаніе, вслѣдствіе котораго дѣйствія человѣка, живущаго въ тѣсной связи съ другими людьми въ густо-населенной мѣстности, дѣйствія человѣка, связаннаго семьей, службой, предпріятіями, представляются несомнѣнно менѣе свободными и болѣе подлежащими необходимости, чѣмъ дѣйствія человѣка одинокаго и уединеннаго.

Если мы разсматриваемъ человѣка одного, безъ отношенія его ко всему окружающему, то каждое дѣйствіе его представляется намъ свободнымъ. Но если мы видимъ хоть какое нибудь отношеніе его къ тому, что̀ окружаетъ его, если мы видимъ связь его съ чѣмъ бы то ни было, съ человѣкомъ, который говоритъ съ нимъ, съ книгой, которую онъ читаетъ, съ трудомъ, которымъ онъ занятъ, даже съ воздухомъ, который его окружаетъ, съ свѣтомъ даже, который падаетъ на окружающіе его предметы, мы видимъ, что каждое изъ этихъ условій имѣетъ на него вліяніе и руководитъ хотя одной стороной его дѣятельности. И на столько, на сколько мы видимъ этихъ вліяній, на столько уменьшается наше представленіе о его свободѣ и увеличи-

вается представленіе о необходимости, которой онъ подлежитъ.

2) Второе основаніе есть: бо̀льшее или мѐньшее видимое временное отношеніе человѣка къ міру: болѣе или менѣе ясное понятіе о томъ мѣстѣ, которое дѣйствіе человѣка занимаетъ во времени. Это есть то основаніе, вслѣдствіе котораго паденіе перваго человѣка, имѣвшаго своимъ послѣдствіемъ происхожденіе рода человѣческаго, представляется очевидно менѣе свободнымъ, чѣмъ вступленіе въ бракъ современнаго человѣка. Это есть то основаніе, вслѣдствіе котораго жизнь и дѣятельность людей, жившихъ вѣка тому назадъ, и связанная со мною во времени, не можетъ представляться мнѣ столь свободною какъ жизнь современная, послѣдствія которой мнѣ еще неизвѣстны.

Постепенность представленія о большей или меньшей свободѣ и необходимости въ этомъ отношеніи зависитъ отъ бо̀льшаго или мѐньшаго промежутка времени отъ совершенія поступка до сужденія о немъ.

Если я разсматриваю поступокъ, совершенный мной минуту тому назадъ, при приблизительно тѣхъ же самыхъ условіяхъ, при которыхъ я нахожусь теперь, мой поступокъ представляется мнѣ несомнѣнно свободнымъ. Но если я обсуживаю поступокъ, совершенный мѣсяцъ тому назадъ, то, находясь въ другихъ условіяхъ, я невольно признаю, что если бы поступокъ этотъ не былъ совершенъ,—многое полезное, пріятное и даже необходимое, вытекшее изъ этого поступка, не имѣло бы мѣста. Если я перенесусь воспоминаніемъ къ поступку еще болѣе отдаленному, за 10 лѣтъ и далѣе, то послѣдствія моего поступка представятся мнѣ еще очевиднѣе; и мнѣ трудно будетъ представить себѣ, что̀ бы было, если бы не было поступка. Чѣмъ дальше назадъ буду переноситься я воспоминаніями, или, что то же самое, впередъ сужденіемъ, тѣмъ разсужденіе мое о свободѣ поступка будетъ становиться сомнительнѣе.

Точно ту же прогрессію убѣдительности объ участіи свободной воли на общія дѣла человѣчества мы находимъ и въ исторіи. Совершившееся современное событіе представляется намъ несомнѣнно произведеніемъ всѣхъ извѣстныхъ людей; но въ событіи болѣе отдаленномъ мы видимъ уже его неизбѣжныя послѣдствія, помимо которыхъ мы ничего другаго не можемъ представить. И чѣмъ дальше переносимся мы назадъ въ разсматриваніи событій, тѣмъ менѣе они намъ представляются произвольными.

Австро-прусская война представляется намъ несомнѣнымъ послѣдствіемъ дѣйствій хитраго Бисмарка и т. п.

Наполеоновскія войны, хотя уже сомнительно, но еще представляются намъ произведеніями воли героевъ; но въ крестовыхъ походахъ мы уже видимъ событіе, опредѣленно занимающее свое мѣсто и безъ котораго не мыслима новая исторія Европы, хотя точно также для лѣтописцевъ крестовыхъ походовъ событіе это представлялось только произведеніемъ воли нѣкоторыхъ лицъ. Въ переселеніи народовъ никому уже въ наше время не приходитъ въ голову, чтобы отъ произвола Аттилы зависѣло обновить европейскій міръ. Чѣмъ дальше назадъ мы переносимъ въ исторіи предметъ наблюденія, тѣмъ сомнительнѣе становится свобода людей, производившихъ событія и тѣмъ очевиднѣе законъ необходимости.

3) Третье основаніе есть бо́льшая или мѐньшая доступность для насъ той безконечной связи причинъ, составляющей неизбѣжное требованіе разума, и въ которой каждое понимаемое явленіе, и потому каждое дѣйствіе человѣка, должно имѣть свое опредѣленное мѣсто, какъ слѣдствіе для предъидущихъ и какъ причина для послѣдующихъ.

Это есть то основаніе, вслѣдствіе котораго дѣйствія свои и другихъ людей представляются намъ, съ одной стороны, тѣмъ болѣе свободными и менѣе подлежащими необходимости, чѣмъ болѣе извѣстны намъ тѣ выведенные изъ наблюденія фи-

зіологическіе, психологическіе и историческіе законы, которымъ подлежитъ человѣкъ, и чѣмъ вѣрнѣе усмотрѣна нами физіологическая, психологическая или историческая причина дѣйствія; съ другой стороны, чѣмъ проще самое наблюдаемое дѣйствіе и чѣмъ не сложнѣе характеромъ и умомъ тотъ человѣкъ, дѣйствіе котораго мы разсматриваемъ.

Когда мы совершенно не понимаемъ причины поступка: въ случаѣ ли злодѣйства, добродѣтели или даже безразличнаго по добру и злу поступка, мы въ такомъ поступкѣ признаемъ наибольшую долю свободы. Въ случаѣ злодѣйства, мы болѣе всего требуемъ за такой поступокъ наказанія; въ случаѣ добродѣтели, болѣе всего цѣнимъ такой поступокъ. Въ безразличномъ случаѣ признаемъ наибольшую индивидуальность, оригинальность, свободу. Но если хоть одна изъ безчисленныхъ причинъ извѣства намъ, мы признаемъ уже извѣстную долю необходимости и менѣе требуемъ возмездія за преступленіе, менѣе признаемъ заслуги въ добродѣтельномъ поступкѣ, менѣе свободы въ казавшемся оригинальномъ поступкѣ. То, что преступникъ былъ воспитанъ въ средѣ злодѣевъ, уже смягчаетъ его вину. Самоотверженіе отца, матери; самоотверженіе съ возможностью награды болѣе понятно, чѣмъ безпричинное самоотверженіе, и потому представляется менѣе заслуживающимъ сочувствія, менѣе свободнымъ. Основатель секты, партіи, изобрѣтатель менѣе удивляютъ насъ, когда мы знаемъ какъ и чѣмъ была подготовлена его дѣятельность. Если мы имѣемъ большой рядъ опытовъ, если наблюденіе наше постоянно направлено на отъисканіе соотношеній въ дѣйствіяхъ людей между причинами и слѣдствіями, то дѣйствія людей представляются намъ тѣмъ болѣе необходимыми и тѣмъ менѣе свободными, чѣмъ вѣрнѣе мы связываемъ послѣдствія съ причинами. Если разсматриваемыя дѣйствія просты, и мы для наблюденія имѣли огромное количество такихъ дѣйствій, то представленіе наше объ ихъ необходимости будетъ еще пол-

нѣе. Безчестный поступокъ сына безчестнаго отца, дурное поведеніе женщины, попавшей въ извѣстную среду, возвращеніе къ пьянству пьяницы и т. п. суть поступки, которые тѣмъ менѣе представляются намъ свободными, чѣмъ понятнѣе для насъ причина. Если же и самый человѣкъ, дѣйствіе котораго мы разсматриваемъ, стоитъ на самой низкой степени развитія ума, какъ ребенокъ, сумасшедшій, дурачекъ, то мы, зная причины дѣйствія и несложность характера и ума, уже видимъ столь большую долю необходимости и столь малую свободы, что какъ скоро намъ извѣстна причина, долженствующая произвести дѣйствіе, мы можемъ предсказать поступокъ.

Только на этихъ трехъ основаніяхъ строятся существующія во всѣхъ законодательствахъ невмѣняемость преступленій и уменьшающія вину обстоятельства. Вмѣняемость представляется бо́льшею или ме́ньшею, смотря по большему или меньшему знанію условій, въ которыхъ находился человѣкъ, поступокъ котораго обсуживается, по большему или меньшему промежутку времени отъ совершенія поступка до сужденія о немъ и по большему или меньшему пониманію причинъ поступка.

X.

Итакъ, представленіе наше о свободѣ и необходимости, постепенно уменьшается и увеличивается, смотря по большей или меньшей связи съ внѣшнимъ міромъ, по большему или меньшему отдаленію времени и большей или меньшей зависимости отъ причинъ, въ которыхъ мы разсматриваемъ явленіе жизни человѣка.

Такъ, что если мы разсматриваемъ такое положеніе человѣка, въ которомъ связь его съ внѣшнимъ міромъ наиболѣе извѣстна, періодъ времени сужденія отъ времени совершенія поступка наибольшій и причины поступка наидоступ-

нѣйшія, то мы получаемъ представленіе о наибольшей необходимости и наименьшей свободѣ. Если же мы разсматриваемъ человѣка въ наименьшей зависимости отъ внѣшнихъ условій; если дѣйствіе его, совершено въ ближайшій моментъ къ настоящему, и причины его дѣйствія намъ недоступны, то мы получимъ представленіе о наименьшей необходимости и наибольшей свободѣ.

Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, какъ бы мы ни измѣняли нашу точку зрѣнія, какъ бы ни уясняли себѣ ту связь, въ которой находится человѣкъ съ внѣшнимъ міромъ, или какъ бы ни доступна она намъ казалась, какъ бы ни удлинняли или укорачивали періодъ времени, какъ бы понятны или непостижимы ни были для насъ причины, мы никогда не можемъ себѣ представить ни полной свободы, ни полной необходимости.

1) Какъ бы мы ни представляли себѣ человѣка исключеннымъ отъ вліяній внѣшняго міра, мы никогда не получимъ понятія о свободѣ въ пространствѣ. Всякое дѣйствіе человѣка неизбѣжно обусловлено и тѣмъ, что окружаетъ его самымъ тѣломъ человѣка. Я поднимаю руку и опускаю ее. Дѣйствіе мое кажется мнѣ свободнымъ; но спрашивая себя: могъ ли я по всѣмъ направленіямъ поднять руку, я вижу, что я поднялъ руку по тому направленію, по которому для этаго дѣйствія было менѣе препятствій, находящихся какъ въ тѣлахъ, меня окружающихъ, такъ и въ устройствѣ моего тѣла. Если изъ всѣхъ возможныхъ направленій я выбралъ одно, то я выбралъ его потому чте по этому направленію было меньше препятствій. Для того, чтобы дѣйствіе мое было свободнымъ, необходимо, чтобы оно не встрѣчало себѣ никакихъ препятствій. Для того, чтобы представить себѣ человѣка свободнымъ, мы должны представить его себѣ внѣ пространства, что очевидно невозможно.

2) Какъ бы мы ни приближали время сужденія ко вре-

мени поступка, мы никогда не получимъ понятія свободы во времени. Ибо если я разсматриваю поступокъ, совершенный секунду тому назадъ, я все-таки долженъ признать не свободу поступка, такъ какъ поступокъ закованъ тѣмъ моментомъ времени, въ которомъ онъ совершенъ. Могу ли я поднять руку? Я поднимаю ее; но спрашиваю себя: могъ ли я не поднять руки въ тотъ прошедшій уже моментъ времени? Чтобы убѣдиться въ этомъ, я въ слѣдующій моментъ не поднимаю руки. Но я не поднялъ руки не въ тотъ первый моментъ, когда я спросилъ себя о свободѣ. Прошло время, удержать которое было не въ моей власти, и та рука, которую я тогда поднялъ, и тотъ воздухъ, въ которомъ я тогда сдѣлалъ то движеніе, уже не тотъ воздухъ, который теперь окружаетъ меня, и не та рука, которой я теперь не дѣлаю движенія. Тотъ моментъ, въ который совершилось первое движеніе, невозвратимъ, и въ тотъ моментъ я могъ сдѣлать только одно движеніе, и какое бы я ни сдѣлалъ движеніе, движеніе это могло быть только одно. То, что я въ слѣдующую минуту не поднялъ руки, не доказало того, что я могъ не поднять ея. И такъ какъ движеніе мое могло быть только одно, въ одинъ моментъ времени, то оно и не могло быть другое. Для того, чтобы представить его себѣ свободнымъ, надо представить его себѣ въ настоящемъ, въ гранн прошедшаго и будущаго, т. е. внѣ времени, что невозможно, и

3) Какъ бы ни увеличивалась трудность постиженія причины, мы никогда не придемъ къ представленію полной свободы, т. е. къ отсутствію причины. Какъ бы ни была непостижима для насъ причина выраженія воли въ какомъ бы то ни было своемъ или чужомъ поступкѣ, первое требованіе ума есть предположеніе и отыскаціе причины, безъ которой немыслимо никакое явленіе. Я поднимаю руку съ тѣмъ, чтобы совершить поступокъ независимый

отъ всякой причины, но то, что я хочу совершить поступокъ, неимѣющій причины, есть причина моего поступка.

Но даже если бы представивъ себѣ человѣка совершенно исключеннаго отъ всѣхъ вліяній, разсматривая только его мгновенный поступокъ настоящаго и не вызванный никакой причиной, мы бы допустили безконечно малый остатокъ необходимости равнымъ нулю, мы бы и тогда не пришли къ понятію о полной свободѣ человѣка; ибо существо, не принимающее на себя вліяній внѣшняго міра находящееся внѣ времени и не зависящее отъ причинъ, уже не есть человѣкъ.

Точно также мы никогда не можемъ представить себѣ дѣйствія человѣка безъ участія свободы и подлежащаго только закону необходимости.

1) Какъ бы ни увеличивалось наше знаніе тѣхъ пространственныхъ условій, въ которыхъ находится человѣкъ, знаніе это никогда не можетъ быть полное, такъ какъ число этихъ условій безконечно велико, также какъ безконечно пространство. И потому какъ скоро опредѣлены не *всѣ* условія, вліяній на человѣка, то и нѣтъ полной необходимости, а есть извѣстная доля свободы.

2) Какъ бы мы ни удлиняли періодъ времени отъ того явленія, которое мы разсматриваемъ, до времени сужденія, періодъ этотъ будетъ конеченъ, а время безконечно, а потому и въ этомъ отношеніи никогда не можетъ быть полной необходимости.

3) Какъ бы ни была доступна цѣнь причинъ какого бы то ни было поступка, мы никогда не будемъ знать всей цѣпи, такъ какъ она безконечна, и опять никогда не получимъ полной необходимости.

Но, кромѣ того, если бы даже, допустивъ остатокъ наименьшей свободы равнымъ нулю, мы бы признали въ какомъ нибудь случаѣ, какъ напримѣръ въ умирающемъ человѣкѣ, въ зародышѣ, въ идіотѣ, полное отсутствіе свободы,

мы бы тѣмъ самымъ уничтожили самое понятіе о человѣкѣ, которое мы разсматриваемъ; ибо какъ только нѣтъ свободы, нѣтъ и человѣка. И потому представленіе о дѣйствіи человѣка, подлежащемъ одному закону необходимости, безъ малѣйшаго остатка свободы, также невозможно, какъ и представленіе о вполнѣ свободномъ дѣйствіи человѣка.

Итакъ для того, чтобы представить себѣ дѣйствіе человѣка, подлежащее одному закону небходимости, безъ свободы, мы должны допустить знаніе *безконечнаго* количества пространственныхъ условій *безконечно* великаго періода времени и *безконечнаго* ряда причинъ.

Для того, чтобы представить себѣ человѣка совершенно свободнаго, не подлежащаго закону необходимости, мы должны представить его себѣ одного *внѣ пространства*, *внѣ времени* и *внѣ зависимости отъ причинъ*.

Въ первомъ случаѣ, если бы возможна была необходимость безъ свободы, мы бы пришли къ опредѣленію законами необходимости тою же необходимостью, т. е. къ одной формѣ безъ содержанія.

Во второмъ случаѣ, если бы возможна была свобода безъ необходимости, мы бы пришли къ безусловной свободѣ внѣ пространства времени и причинъ, которая по тому самому, что была бы безусловна и ничѣмъ не ограничивалась, была бы ничто или одно содержаніе безъ формы.

Мы бы пришли вообще къ тѣмъ двумъ основаніямъ, изъ которыхъ складывается все міросозерцаніе человѣка—къ непостижимой сущности жизни и къ законамъ, опредѣляющимъ эту сущность.

Разумъ говоритъ: 1) Пространство со всѣми формами, которыя даетъ ему видимость его — матерія — безконечно и не можетъ быть мыслимо иначе. 2) Время есть безконечное движеніе безъ одного момента покоя, и оно не можетъ быть мыслимо иначе. 3) Связь причинъ и послѣдствій не имѣетъ начала и не можетъ имѣть конца.

Сознаніе говоритъ: 1) Я одинъ, и все, что существуетъ, есть только я, слѣдовательно я включаю пространство; 2) я мѣряю бѣгущее время неподвижнымъ моментомъ настоящаго, въ которомъ одномъ я сознаю себя живущимъ, слѣдовательно я внѣ времени, и 3) я внѣ причины, ибо я чувствую себя причиной всякаго проявленія своей жизни.

Разумъ выражаетъ законы необходимости. Сознаніе выражаетъ сущность свободы.

Свобода, ничѣмъ неограниченная, есть сущность жизни въ сознаніи человѣка. Необходимость безъ содержанія есть разумъ человѣка съ его тремя формами.

Свобода есть то, что̀ разсматривается. Необходимость есть то, что̀ разсматриваетъ. Свобода есть содержаніе. Необходимость есть форма.

Только при разъединеніи двухъ источниковъ познаванія, относящихся другъ къ другу какъ форма къ содержанію, получаются отдѣльно, взаимно исключающіяся и непостижимыя понятія о свободѣ и о необходимости.

Только при соединеніи ихъ получается ясное представленіе о жизни человѣка.

Внѣ этихъ двухъ взаимно опредѣляющихся въ соединеніи своемъ,—какъ форма съ содержаніемъ,—понятій, невозможно никакое представленіе жизни.

Все, что мы знаемъ о жизни людей, есть только извѣстное отношеніе свободы къ необходимости, т. е. сознанія къ законамъ разума.

Все, что мы знаемъ о внѣшнемъ мірѣ природы, есть только извѣстное отношеніе силъ природы къ необходимости, или сущности жизни къ законамъ разума.

Силы жизни природы лежатъ внѣ насъ и не сознаваемы нами, и мы называемъ эти силы тяготѣніемъ, инерцій, электричествомъ, животной силой и т. д.; но сила жизни человѣка сознаваема нами, и мы называемъ ее свободой.

Но точно также какъ непостижимая сама въ себѣ сила

тяготѣнья, ощущаемая всякимъ человѣкомъ, только на столько понятна намъ, на сколько мы знаемъ законы необходимости, которой она подлежитъ (отъ перваго знанія, что всѣ тѣла тяжелы, до закона Ньютона), точно также и непостижимая, сама въ себѣ, сила свободы, сознаваемая каждымъ, только на столько понятна намъ, на сколько мы знаемъ законы необходимости, которымъ она подлежитъ, (начиная отъ того, что всякій человѣкъ умираетъ и до знанія самыхъ сложныхъ экономическихъ или историческихъ законовъ).

Всякое знаніе есть только подведеніе сущности жизни подъ законы разума.

Свобода человѣка отличается отъ всякой другой силы тѣмъ, что сила эта сознаваема человѣкомъ; но для разума она ничѣмъ не отличается отъ всякой другой силы. Сила тяготѣнья, электричества или химическаго средства только тѣмъ и отличаются другъ отъ друга, что силы эти различно опредѣлены разумомъ. Точно также сила свободы человѣка для разума отличается отъ другихъ силъ природы только тѣмъ опредѣленіемъ, которое ей даетъ этотъ разумъ. Свобода же безъ необходимости, т. е. безъ законовъ разума опредѣляющихъ ее, ничѣмъ не отличается отъ тяготѣнья, или тепла, или силы растительности;—она есть для разума только мгновенное неопредѣлимое ощущеніе жизни.

И какъ неопредѣлимая сущность силы, двигающей небесныя тѣла, неопредѣлимая сущность силы тепла, электричества, или силы химическаго средства или жизненной силы составляютъ содержаніе астрономіи, физики, химіи, ботаники, зоологіи и т. д., точно также сущность силы свободы составляетъ содержаніе исторіи. Но точно также какъ предметъ всякой науки есть проявленіе этой неизвѣстной сущности жизни, сама же эта сущность можетъ быть только предметомъ матафизики, — точно также проявленіе силы свободы людей въ пространствѣ, времени и зависимости отъ причинъ составляетъ предметъ исторіи; сама же свобода есть предметъ метафизики.

Въ наукахъ опытныхъ то, что извѣстно намъ, мы называемъ законами необходимости; то, что неизвѣстно намъ, мы называемъ жизненной силой. Жизненная сила есть только выраженіе неизвѣстнаго остатка отъ того, что мы знаемъ о сущности жизни.

Точно также въ исторіи, то, что извѣстно намъ, мы называемъ законами необходимости; то, что неизвѣстно,—свободой. Свобода для исторіи есть только выраженіе неизвѣстнаго остатка отъ того, что мы знаемъ о законахъ жизни человѣка.

XI.

Исторія разсматриваетъ проявленія свободы человѣка въ связи съ внѣшнимъ міромъ во времени и въ зависимости отъ причинъ, т. е. опредѣляетъ эту свободу законами разума, и потому исторія только на столько есть наука, на сколько эта свобода опредѣлена этими законами.

Для исторіи признаніе свободы людей какъ силы, могущей вліять на историческія событія, т. е. неподчиненной законамъ, есть тоже, что для астрономіи признаніе свободной силы движенія небесныхъ силъ.

Признаніе это уничтожаетъ возможность существованія законовъ, т. е. какого бы то ни было знанія. Если существуетъ хоть одно свободно двигающееся тѣло, то не существуетъ болѣе законовъ Кеплера и Ньютона и не существуетъ болѣе никакого представленія о движеніи небесныхъ тѣлъ. Если существуетъ одинъ свободный поступокъ человѣка, то не существуетъ ни одного историческаго закона и никакого представленія объ историческихъ событіяхъ.

Для исторіи существуютъ линіи движенія человѣческихъ воль, одинъ конецъ которыхъ скрывается въ невѣдомомъ, а на другомъ концѣ которыхъ движется въ пространствѣ,

во времени и въ зависимости отъ причинъ сознаніе свободы людей въ настоящемъ.

Чѣмъ болѣе раздвигается передъ нашими глазами это поприще движенія, тѣмъ очевиднѣе законы этого движенія. Уловить и опредѣлить эти законы составляетъ задачу исторіи.

Съ той точки зрѣнія, съ которой наука смотритъ теперь на свой предметъ по тому пути, по которому она идетъ отыскивая причины явленій въ свободной волѣ людей, выраженіе законовъ для науки невозможно, ибо какъ бы мы ни ограничивали свободу людей, какъ только мы ее признали за силу неподлежащую законамъ, существованіе закона невозможно.

Только ограничивъ эту свободу до безконечности, т. е. разсматривая ее какъ безконечно малую величину, мы убѣдимся въ совершенной недоступности причинъ, и тогда, вмѣсто отысканіи причинъ, исторія поставитъ своей задачей отысканіе законовъ.

Отысканіе этихъ законовъ уже давно начато, и тѣ новые пріемы мышленія, которые должна усвоить себѣ исторія, вырабатываются одновременно съ самоуничтоженіемъ, къ которому, все дробя и дробя причины явленій, идетъ старая исторія.

По этому пути шли всѣ науки человѣческія. Придя къ беконечно-малому, математика, точнѣйшая изъ наукъ, оставляетъ процессъ дробленія и приступаетъ къ новому процессу суммованія неизвѣстныхъ, безконечно-малыхъ. Отступая отъ понятія о причинѣ, математика отыскиваетъ законъ, т. е. свойства, общія всѣмъ неизвѣстнымъ безконечно-малымъ элементамъ.

Хотя, и въ другой формѣ, но по тому же пути мышленія шли и другія науки. Когда Ньютонъ высказалъ законъ тяготѣнія, онъ не сказалъ, что солнце или земля имѣетъ свойство притягивать; онъ сказалъ, что всякое тѣло, отъ круп-

нѣйшаго до малѣйшаго, имѣетъ свойство какъ-бы притягивать одно другое, т. е., оставивъ въ сторонѣ вопросъ о причинѣ движенія тѣлъ, онъ выразилъ свойство общее всѣмъ тѣламъ, отъ безконечно-великихъ до безконечно-малыхъ. То же дѣлаютъ естественныя науки: оставляя вопросъ о причинѣ, онѣ отыскиваютъ законы. На томъ же пути стоитъ и исторія. И если исторія имѣетъ предметомъ изученіе движенія народовъ и человѣчества, а не описаніе эпизодовъ изъ жизни людей, то она должна, отстранивъ понятіе причинъ, отыскивать законы, общіе всѣмъ равнымъ и неразрывно связаннымъ между собою безконечно-малымъ элементамъ свободы.

XII.

Съ тѣхъ поръ, какъ найденъ и доказанъ законъ Коперника, одно признаніе того, что движется не солнце а земля, уничтожило всю космографію древнихъ. Можно было, опровергнувъ законъ, удержать старое воззрѣніе на движенія тѣлъ, но не опровергнувъ его, нельзя было, казалось, продолжать изученіе Птоломеевыхъ міровъ. Но и послѣ открытія закона Коперника, Платомеева міры еще долго продолжали изучаться.

Съ тѣхъ поръ, какъ первый человѣкъ сказалъ и доказалъ, что количество рожденій, или преступленій, подчиняется математическимъ законамъ, и что извѣстныя географическія и политико-экономическія условія опредѣляютъ тотъ или другой образъ правленія, что извѣстныя отношенія населенія къ землѣ производятъ движенія народа, съ тѣхъ поръ уничтожились въ сущности своей тѣ основанія, на которыхъ строилась исторія.

Можно было, опровергнувъ новые законы, удержать прежнее воззрѣніе на исторію, но, не опровергнувъ ихъ, нельзя было, казалось, продолжать изучать историческія событія, какъ про-

изведеніе свободной воли людей. Ибо если установился такой-то образъ правленія, или совершилось такое-то движеніе народа, вслѣдствіе такихъ-то географическихъ, этнографическихъ или экономическихъ условій, то воля тѣхъ людей, которые представляются намъ установившими образъ правленія, или возбудившими движеніе народа, уже не можетъ быть разсматриваема какъ причина.

А между тѣмъ прежняя исторія продолжаетъ изучаться наравнѣ съ законами статистики, географіи, политической экономіи, сравнительной филологіи и геологіи, прямо противорѣчащими ея положеніямъ.

Долго и упорно шла въ физической философіи борьба между старымъ и новымъ взглядами. Богословіе стояло на стражѣ за старый взглядъ и обвиняло новый въ разрушеніи откровенія. Но когда истина побѣдила, богословіе построилось также твердо на новой почвѣ.

Также долго и упорно идетъ борьба въ настоящее время между старымъ и новымъ воззрѣніемъ на исторію и точно также богословіе стоитъ на стражѣ за старый взглядъ и обвиняетъ новый въ разрушеніи откровенія.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ съ обѣихъ сторонъ борьба вызываетъ страсти и заглушаетъ истину. Съ одной стороны является борьба страха и жалости за все, вѣками воздвигнутое, зданіе; съ другой,—борьба страсти къ разрушенію.

Людямъ, боровшимся съ возникавшей истиной физической философіи, казалось, что признай они эту истину,—разрушается вѣра въ Бога, въ сотвореніе тверди, въ чудо Іисуса Навина. Защитникамъ законовъ Коперника и Ньютона, Вольтеру напримѣръ, казалось, что законы астрономіи разрушаютъ религію, и онъ, какъ орудіе противъ религіи, употреблялъ законы тяготѣнія.

Точно также теперь, кажется, стоитъ только признать законъ необходимости, и разрушатся понятіе о душѣ, о добрѣ и

злѣ и всѣ воздвигнутыя на этомъ понятіи государственныя и церковныя учрежденія.

Точно также теперь, какъ Вольтеръ въ свое время, непризванные защитники закона необходимости и употребляютъ законъ необходимости, какъ орудіе противъ религіи; тогда какъ, точно также, какъ и законъ Коперника, въ астрономіи,—законъ необходимости, въ исторіи не только не уничтожаетъ, но даже утверждаетъ ту почву, на которой строятся государственныя и церковныя учрежденія.

Какъ въ вопросѣ астрономіи тогда, такъ и теперь, въ вопросѣ исторіи, все различіе воззрѣнія основано на призпаніи или непризнаніи абсолютной единицы, служащей мѣриломъ видимыхъ явленій. Въ астрономіи это была неподвижность землй; въ исторіи,—это независимость личности—свобода.

Какъ для астрономіи трудность признанія движенія землй состояла въ томъ, чтобы отказаться отъ непосредственнаго чувства неподвижности землй и такого-же чувства движенія планетъ, такъ и для исторіи трудность признанія подчиненности личности законамъ пространства, времени и причинъ состоитъ въ томъ, чтобы отказаться отъ непосредственнаго чувства независимости своей личности. Но какъ въ астрономіи, новое воззрѣніе говорило: «правда, мы не чувствуемъ движенія землй, но, допустивъ ея неподвижность, мы приходимъ къ безсмыслицѣ; допустивъ же движеніе, котораго мы не чувствуемъ, мы приходимъ къ законамъ» такъ и въ исторіи новое воззрѣніе говоритъ: и правда, мы не чувствуемъ нашей зависимости, но, допустивъ нашу свободу, мы приходимъ къ безсмылицѣ; допустивъ же свою зависимость отъ внѣшняго міра, времени и причинъ, приходимъ къ законамъ».

Въ первомъ случаѣ надо было отказаться отъ сознанія несуществующей неподвижности въ пространствѣ и признать неощущаемое нами движеніе; въ настоящемъ случаѣ, точно также необходимо отказаться отъ несуществующей свободы и признать неощущаемую нами зависимость.

КОНЕЦЪ.

